

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

5

С О Ц Э К Г И З

1939

Великая школа стахановского мастерства

1 августа в Москве открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1939 г. Это — крупное событие в жизни всей страны. Миллионы людей горячо приветствуют открытие этой изумительной школы стахановского мастерства. «В ней находит свое отражение великая победа колхозного строя, окончательно очистившего советскую землю от кулаков и других эксплуататоров, освободившего путь для победоносного подъема социалистического сельского хозяйства и всей нашей страны»¹.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, которая является смотром замечательных всемирно-исторических побед социалистического земледелия, представляет собой живое воплощение торжества генеральной линии партии Ленина—Сталина. Концентрируя в своих многочисленных павильонах драгоценный опыт стахановской работы во всех отраслях сельскохозяйственного производства, выставка является всенародной школой социалистического труда.

Величие побед, отраженных на выставке, становится особенно ярким, если иметь в виду, что достигнуты они не случайными одиночками, а тысячами колхозов, совхозов и МТС, десятками тысяч передовиков социалистического сельского хозяйства. Эта выставка отражает массовый подъем производительных сил деревни, успехи всего колхозного строя.

История человечества не знала такого грандиозного показа побед земледелия, с таким массовым участием новаторов и преобразователей природы.

Главным выставочным комитетом утверждены участниками выставки в 1939 г. 15 059 колхозов, 795 совхозов, 268 МТС, 11 004 МТФ, сотни научных учреждений, 155 821 передовик-организатор социалистического земледелия; это — лучшие из лучших предприятий сельского хозяйства, это — наиболее передовые люди колхозной деревни, специалисты сельского хозяйства и деятели советской науки. Эти замечательные люди, стахановцы колхозной деревни, талантливые мастера высокой производительности и рекордных урожаев — в центре показа.

В своей речи на открытии выставки тов. Молотов отмечал, что главная особенность настоящей выставки заключается в том, что «...это, прежде всего, выставка колхозов, выставка колхозных побед, в которых мы видим всепобеждающую силу союза рабочих и крестьян под знаменем коммунизма, под знаменем великой партии Ленина—Сталина. В этом ее коренное отличие от сельскохозяйст-

¹ Речь тов. Молотова при открытии Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1 августа с. г., «Правда» от 2 августа 1939 г.

венной выставки 1923 года, когда в нашей стране господствовало единоличное мелкое крестьянское хозяйство, а колхозы и совхозы были еще совсем слабы и занимали малозаметное место».

Выставка 1923 г. была организована в период перехода к мирному строительству, в годы борьбы за восстановление народного хозяйства, после разгрома белогвардейцев и интервентов, когда страна еще преодолевала тяжелейшие испытания послевоенной разрухи. Советская страна не имела тогда ни тракторов, ни автомобилей, ни комбайнов. На той выставке всеобщее изумление вызывал показанный как заморская диковина заокеанский трактор «Фордзон», а также железные колеса для крестьянского плуга, которые смастерил саратовский кузнец Ермолаев.

Как далеко вперед ушла за эти 15 лет наша великая страна! Вслед за передовиками, участниками этой изумительной школы стахановского мастерства, идут теперь миллионы. Среди экспонентов выставки — тысячи комбайнеров, трактористов, шоферов, инженеров-механизаторов и работников таких профессий, которых не знала старая деревня.

Выставка 1939 г. показывает новую, советскую деревню, новое, советское крестьянство; она демонстрирует замечательные победы окончательно победившего колхозного строя. Колхозный строй превратил миллионы раздробленных крестьянских хозяйств в передовые социалистические сельскохозяйственные предприятия, навсегда уничтожив нищету и бедность деревни, создал крестьянству радостную и зажиточную жизнь. Выставка показывает обновленную землю советской страны, расцвет экономики и культуры колхозной деревни. Выставка отражает глубокие процессы обновления огромных человеческих пластов, овладевающих высотами культуры.

Выставка 1939 г., которая является триумфом сталинской политики коллективизации, показывает величие исторической победы большевистской партии. С невиданной силой обнаруживает она, как советская действительность развеяла в прах буржуазные теории «устойчивости» мелкого крестьянского хозяйства. История ярко показала действительную цену кликушеских «прорицаний» троцкистско-бухаринских наймитов фашизма о невозможности победы социализма в одной стране.

На выставке, которая прежде всего показывает всепобеждающую силу союза рабочих и крестьян под знаменем коммунизма, дан передовой опыт миллионов, обильные плоды стахановского мастерства. Выставка является замечательным отчетом о гигантском созидательном труде колхозного крестьянства, овладевшего всеми средствами техники и культуры, предоставленными в его распоряжение советским государством. Она показывает, на что способен великий советский народ-созидатель, руководимый партией Ленина—Сталина. На выставке собраны образцы драгоценного опыта и зрелого мастерства, по которому будут равняться миллионы. Аудиторией этой всенародной академии является вся страна.

Самое ценное в том, что передовой опыт показан на живых фактах, на работе десятков и сотен тысяч живых людей из наших колхозов и совхозов. Сотни тысяч участников выставки агитируют за социализм своим замечательным опытом, представляя итог потрясающей убедительности. Выпестованная большевиками исполинская сила стахановского движения непрерывно обновляет облик земли. Каждый уголок выставки говорит о грандиозном преобразовании деревни, достигнутом на основе колхозного строя. Выставка

показывает, что только колхозный строй оказался способным вывести многомиллионные крестьянские массы из нищеты и беспросветной темноты.

Выставка 1939 г. коренным образом отличается от всех выставок, имевших место в России и за границей.

На всероссийских сельскохозяйственных выставках участвовали только крупнопомещичьи, графские и княжеские имения. Крестьянство не участвовало в этих выставках. На выставке сельского хозяйства в 1895 г. русское земледелие представлялось помещиками Стобутом, Шатиловым, Бильдермингом, графом Бюклер, князьями Куракиным, Урусовыми. Выставки, устраивавшиеся царским правительством, были сплошным лицемерием и ложью. За политыми народной кровью и потом экспонатами помещичьих хозяйств царизм пытался скрыть жуткую действительность. Безлошадность, бескоровность, зависимость от стихийных условий, нищета и голод — вот факты, характеризовавшие жизнь подавляющей массы крестьянства при царизме. За внешним блеском нельзя было скрыть того, что эти выставки служили исключительно целям рекламы и наживы кучки эксплуататоров. На этих выставках наглядно выступал зияющий разрыв между уровнем производительности небольшого числа эксплуататорских хозяйств и крайне низким уровнем огромной массы крестьянских хозяйств. Мелкому производителю были недоступны сложные и дорогие машины. Разоряемый беспредельной эксплуатацией, труженик земли был лишен возможности пользоваться научными приемами земледелия, обеспечивающими высокую продуктивность сельскохозяйственного производства. В дореволюционной деревне миллионы крестьян погибали с голоду. «Крестьянин, — писал Ленин, — был доведен до нищенского уровня жизни: он помещался вместе со скотиной, одевался в рубище, кормился лебедой; крестьянин бежал от своего надела, когда только было куда бежать...»¹.

Теперь, в советской стране, эти жуткие факты вспоминаются как кошмарный тяжелейший сон. От беспросветной нужды и идиотизма деревенской жизни не осталось и следов. На месте нищей деревни с ее примитивной техникой, низкими и неустойчивыми урожаями волей большевистской партии создана новая, советская, колхозная деревня, не знающая эксплуатации и нужды, создано самое прогрессивное механизированное сельскохозяйственное производство.

Историческое значение выставки состоит в том, что она подводит грандиозный итог десятилетию, в начале которого многомиллионные крестьянские массы окончательно и бесповоротно стали на новый путь крупного коллективного хозяйства. Год великого перелома был рубежом, когда на базе колхозного строя начался постепенный, все возрастающий подъем сельского хозяйства нашей страны. Этот исторический поворот навсегда разрушил последние надежды врагов на восстановление капитализма в нашей стране. «Это был глубочайший революционный переворот, скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года»².

Этот исторический поворот происходил в ожесточенной борьбе против кулачества: эти победы были бы невозможны без решительного разгрома вредительских «теорий» кондратьевцев и чайновцев, без полного разоблачения и уничтожения троцкистско-бухаринских гнезд реставраторов капитализма.

¹ Ленин, Соч., т. IV, стр. 101.

² История ВКП(б), стр. 291.

Величайший революционный переворот в деревне, который провели большевики под руководством великого Сталина, показал свои изумительные плоды. «Разве не ясно,—говорил товарищ Сталин в 1929 г.,—что наше молодое крупное социалистическое земледелие (колхозное и совхозное) имеет великую будущность, что оно будет проявлять чудеса роста?»¹

Опираясь на созданную в стране могучую индустрию социализма, советский народ под руководством большевистской партии осуществил ленинско-сталинский план преобразования деревни и ликвидировал последний капиталистический класс в нашей стране. На месте 25 млн. мелких и мельчайших хозяйств создано 243 тыс. колхозов, около 4 тыс. совхозов, 6,5 тыс. МТС.

Это претворение в жизнь гениального ленинско-сталинского плана преобразовало землю. Освобожденная от пут капитализма социалистическая земля приносит сейчас огромное изобилие прекрасных плодов свободного труда.

«Мы идем,—говорил товарищ Сталин,—на всех парах по пути индустриализации — к социализму, оставляя позади нашу вековую, «рассейскую» отсталость. Мы становимся страной металлической, страной автомобилизации, страной тракторизации. И когда посадим СССР на автомобиль, а мужика на трактор,— пусть попробуют догонять нас почтенные капиталисты, кичащиеся своей «цивилизацией». Мы еще посмотрим, какие из стран можно будет тогда «определить» в отсталые и какие в передовые»².

Демонстрируя мощный технический прогресс социалистического земледелия, выставка является ярчайшей иллюстрацией к этим незабываемым сталинским словам. Социалистическая индустриализация произвела коренной переворот в технике сельскохозяйственного производства. СССР обладает сейчас самым передовым по техническому уровню и самым крупным в мире сельским хозяйством. Земледелие царской России покоилось на допотопной технике. 7,8 млн. сох и косуль, 2,2 млн. деревянных плугов, 17,7 млн. деревянных борон — вот техника крестьянского хозяйства до революции. Победа социалистической индустриализации создала прочную техническую базу для сельского хозяйства.

Нет ни одной капиталистической страны, где бы трактор и комбайн получили такое широкое распространение, как в Советской стране. В Англии 50—60 комбайнов. В двух-трех наших средних МТС значительно больше комбайнов, чем во всей Англии. В Германии — 15—20 комбайнов — меньше, чем в любой нашей МТС. В 1938 г. в социалистическом земледелии работало 483,5 тыс. тракторов, 153,5 тыс. комбайнов, 130,8 тыс. сложных и полусложных молотилок, 195,8 тыс. грузовых автомашин, 83,8 тыс. двигателей внутреннего сгорания. Только за время, истекшее с момента окончания организационного периода, с 1932 г., тракторный парк по количеству машин вырос втрое, а по мощности — почти в 5 раз, парк комбайнов увеличился в 75 раз, парк грузовых машин — в 35 раз.

Новые очаги индустриальной культуры — МТС — принесли с собой полную смену орудий производства, преобразовали условия труда и быта на селе. В первой тракторной колонне, организованной в 1928 г. МТС им. Тараса Шевченко (УССР) для оказания помощи бедняцко-середняцким хозяйствам округа, товарищ Сталин гениально

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 293.

² Там же, стр. 298.

разглядел новую социалистическую форму производственной помощи и руководства колхозным движением.

Выставка демонстрирует не только высокую технику нашего земледелия, но и особенности применения машин в нашем сельском хозяйстве. На выставке демонстрируется непрерывный рост производительности машин, применяемых в колхозной деревне. В капиталистических странах сложные высокопроизводительные комбайны и гусеничные тракторы оказываются нерентабельными на лоскутных крестьянских полях, там происходит сокращение мощности тракторов, уменьшение захвата режущих аппаратов у комбайнов и т. п. В СССР идет обратный процесс повышения мощности тракторов, постепенная замена колесных тракторов гусеничными, расширяется захват комбайнов и т. п. Особенности социалистического земледелия двигают вперед конструкторскую мысль. В СССР созданы десятки машин, которых нет в капиталистических странах и которые там совсем неприменимы.

По данным 1938 г., на каждый колхоз приходится 484,6 га посева, 204,7 голов продуктивного скота, 55,9 голов рабочего скота и 30,8 механических тяговых сил. В среднем на 1 совхоз приходится 2 691,2 га посева, 2 648,6 голов продуктивного скота, 167,6 голов рабочего скота и 387 механических тяговых сил. А в США, этой крупнейшей стране капиталистического сельского хозяйства, в среднем на одно хозяйство приходится 20,2 га посева, 23,9 голов продуктивного, 1,7 голов рабочего скота и 2 механические тяговые силы. Выработка на один 15-сильный трактор в США в 4—5 раз ниже, чем в СССР.

Материалы выставки ярко демонстрируют преимущество колхозного хозяйства по сравнению с единоличным. На производство 1 т зерна в единоличном хозяйстве затрачивалось 32 рабочих дня. В крупном социалистическом хозяйстве на производство 1 т хлеба требуется 1,7 рабочего дня. Это наглядно показывает, какие резервы рабочей силы высвобождает механизация и как ускоряет она темпы сельскохозяйственных работ. Колхозный бригадир Оськин своим агрегатом из двух комбайнов заменил на уборке 1 637 человек, 373 лошади, 25 жаток, 25 молотилок, 25 веялок, 40 сортировок. Он убрал за сезон 5 238 га.

Богатейшие материалы выставки с исчерпывающей ясностью вскрывают огромные возможности и резервы, которые имеются во всех отраслях сельского хозяйства.

За годы 1909—1913 уровень урожайности зерновых в царской России составлял 7,4 ц с 1 га. Средняя урожайность зерновых за период 1933—1937 гг. составляет 9,1 ц с 1 га, а за 1938 г.—9,3 ц с 1 га. Вместо 4,1 млрд. пудов хлеба, собранных в царской России накануне войны, в СССР в 1937 г. собрано 7 344 млн. пудов. Ближайшая задача — добиться валового сбора в 8 млрд. пудов зерна и 13 ц с 1 га.

Уже в 1938 г. было 58 тыс. колхозов со средней урожайностью в 66 пуд., в том числе 35 тыс. колхозов с урожайностью в 78 пуд. и больше. Сопоставление средней урожайности по стране с урожайностью в отдельных колхозах, звеньях и бригадах показывает, какими неисчерпаемыми резервами обладает социалистическое земледелие. Об этом говорит показываемый на выставке опыт бригады Олейникова (Сталинградская область), добившегося в 1938 г. урожая в 73 ц пшеницы с 1 га, и опыт звеньевского Попенко (Алтайский край), добившегося 58 ц с 1 га, при средней урожайности с 1 га в 1937 г. в 10,9 ц; о том же свидетельствуют и победы звеньевского Агаджа Алиева (Азербайджан), давшего 151 ц хлопка с 1 га, при средней урожайности в 1937 г. в 14,8 ц. В засушливый 1938 г. передовые

колхозы, бригады, звенья получали урожай, в 2—3, а то и в 5—10 раз превосходившие средний уровень урожая по СССР, полученный в высокоурожайный 1937 г. Таких передовых колхозов, бригад и звеньев в социалистическом земледелии теперь тысячи.

Колхозный строй обеспечил серьезный рост поголовья и продуктивности животноводства. С 1933 по 1938 г. количество крупного рогатого скота на фермах увеличилось на 79%, овец, коз и свиней — на 168%. Большая работа проведена в отношении улучшения породности. Десятки тысяч передовых доярок, свинаярей, конюхов, чабанов добились исключительных успехов. Материалы выставки показывают, что и в области животноводства стахановцы смело опрокинули и отбросили прочь «теории» пределов. Тысячи животноводческих ферм добились замечательных побед. К участию в выставке по всем показателям допущено 15 тыс. ферм. За право участия в выставке боролись еще в 1938 г. 135 тыс. передовиков животноводства, 69 республик, краев и областей, 988 районов, 51 395 колхозных ферм.

Материалы выставки выявляют широкий простор, созданный в животноводческих фермах для использования в них высокой техники и резервов роста животноводства. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка открывает совершенно новую страницу в истории развития продуктивности животноводства.

Материалы выставки ясно показывают, какими огромными резервами обладает социалистическое животноводство в отношении роста поголовья и его продуктивности. Замечательные стахановцы животноводства ярко показали путь к овладению высшими показателями животноводства. Если подъем продуктивности скота достигается обычно только изменением и совершенствованием породного состава животных, то передовики животноводства показали, что высокая продуктивность зависит не в меньшей мере и от ухода за скотом, от качества работы людей. Не случайно рекордные мировые удои получены лучшими доярками от местных пород скота, в прошлом не отличавшихся высокой продуктивностью. Материалы выставки являются яркой иллюстрацией к речи тов. Андреева на XVIII съезде ВКП(б): «Поднять урожайность, сделать ее устойчивой — это значит решить вопрос быстрого подъема животноводства»¹. Об этом как нельзя более ясно говорит опыт целого ряда передовых районов Украины и Крыма. Животноводство интенсивно развивается там, где создана устойчивая кормовая база, организовано устойчивое полеводство.

Лучшие коровы лучших помещичьих хозяйств давали удои в 2 тыс. л. Князьям Вяземским, хозяйства которых широко рекламировалось на сельскохозяйственной выставке 1910 г., потребовалось 30 лет, чтобы повысить удой до 3 020 л на 1 корову в год. А колхозные и совхозные передовики за несколько лет добились повышения удоя, в 2 раза превышающего удой помещичьего стада. Зоотехник орденоносец т. Штельман (Ярославская область, совхоз Короваево) добился среднего удоя в 6 100 л в год от многочисленного стада в 250 швицов. В Советской стране сотни и тысячи коров — рекордистки.

Многие колхозные молочно-товарные фермы Луховицкого района (Московской области) и стахановцы получили более высокие удои, чем средний удой наиболее передовой по животноводству страны — Дании. За несколько лет наши стахановцы добились таких результатов, для достижения которых капиталистической Дании понадо-

¹ Андреев, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 28.

билось 100 лет. Стахановки-доярки Московской области, следуя примеру депутата Верховного Совета РСФСР тов. Нартовой, начав свою работу над местными беспородными «буренушками» в неблагоустроенных скотных дворах, добились того, что Московская область может теперь по животноводству соревноваться с Данией. В 1934 г. тов. Нартова надоила 1370 л молока на фуражную корову, а в 1938 г. от семи обслуживаемых ею коров она получила в среднем по 5571 л, а вся ферма, на которой она работает, добилась в этом году удоя в 4199 л на фуражную корову. Ферма колхоза им. Сталина (Штеповского района, Сумской области), руководимая депутатом Верховного Совета СССР орденоносцем М. Ф. Оноприенко, добилась среднего удоя на каждую фуражную корову в 5400 л молока.

Выставка с особой силой показывает одну из самых выдающихся побед нашей партии — бурный рост людей, освободившихся не только от материальной, но и духовной нищеты.

За эти годы колхозный строй создал новые кадры, выросли десятки тысяч изумительных мастеров, знаменосцев колхозной славы, быстро овладевающих сельскохозяйственной наукой и культурой. Колхозный строй создал новые кадры сельскохозяйственной интеллигенции.

За 50 лет чувашская деревня Тюрлема дала: 9 попов, 3 почтовых чиновника, 3 телеграфиста, одного фельдшера, одного дорожного мастера, 3 прапорщиков. За 20 лет после Октябрьской революции из этого села вышло более 440 специалистов, среди которых 22 учителя, 11 инженеров, 30 командиров РККА, 3 агронома, 4 лесничих, 15 механиков, 5 землемеров, 3 директора предприятий, 50 электромонтеров.

В советской деревне работает сейчас 300 тыс. агрономов, землемеров, врачей, более 1,7 млн. трактористов и комбайнеров.

Один лишь совхоз «Гигант» подготовил около 6 тыс. трактористов и комбайнеров, сотни техников, шоферов и других квалифицированных работников.

В передовиках новой деревни — могучая сила колхозного строя. «Наша сила в том, что в Советском Союзе во всем задают тон передовые люди нашего народа. Кто эти люди? Сознательные коммунисты, непартийные большевики, стахановцы, колхозные передовики, социалистическая интеллигенция, — вот эти люди, вот творцы новой жизни! Их число и общественное значение растет с каждым днем»¹.

В нашей стране миллионы людей, формально не имеющих звания ученых, являются новаторами и подлинными творцами сельскохозяйственной практики и науки. Выставка показывает, как стахановцы колхозных полей сломали обветшалые рамки старой агрономической науки, на деле блестяще подтвердили мысль Энгельса о безграничной производительности земли. В своей живой творческой практике стахановцы со всей отчетливостью показали, что и «...земля, если она правильно возделывается, все улучшается»².

Стахановцы своей практикой блестяще опровергли буржуазную легенду убывающего плодородия земли, которая нужна капиталистам, чтобы оправдать капиталистическую систему производства. Передовики колхозов и совхозов внесли переворот в основы сельскохозяйственного производства и агрономической науки, они разрушили старые представления об уровне производительности почв, производительности машин, продуктивности скота. Они не только вскрыли не-

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 13.

² Маркс, Капитал, Партиздат, 1932 г., т. III, ч. II, стр. 563.

исчерпаемые возможности роста производительности, но и перекрыли в ряде случаев мировые рекорды.

«Бывает и так,—говорил товарищ Сталин,—что новые пути науки и техники прокладывают иногда не общеизвестные в науке люди, а совершенно неизвестные в научном мире люди, простые люди, практики, новаторы дела»¹.

Именно эти люди омолодили сельскохозяйственную науку, в которой более полнокровно стал биться пульс новой жизни. В колхозной деревне быстро растут и формируются научные деятели нового типа, смелые новаторы своего дела, питающие передовую агрономическую науку, проникающие глубоко в ее сокровища. Стахановцы сельского хозяйства вскрыли неисчерпаемые возможности повышения урожаев всех полевых культур. Они внесли огромный вклад в агрономическую науку, расширили ее горизонты.

Известный всей стране участник выставки стахановец Ефремов оказался во главе целого научного направления стахановской борьбы за высокий урожай. Демченко, Гнатенко и много других проложили новые пути для агротехники на свекловичных полях. Еще только 4 года назад они получили рекордный урожай свеклы в 500 ц с 1 га, а сейчас этот рекорд уже далеко перекрыт—звено Пилипенко из колхоза «Червона Украина», Лозовского района, Харьковской области, получило в прошлом году 1 040 ц с 1 га, стахановка Тезикбаева, из Киргизии, получила более 1 000 ц с 1 га и т. д. Целые районы дают уже сейчас высокие урожаи.

В основе стахановских урожаев лежит передовая агротехника. Так, стахановцы свекловичных полей разработали и применили такие агротехнические приемы, которые обеспечивают наилучшее развитие растения, рост его урожайности. Не случайно у этих замечательных практиков урожайность свеклы выше, чем на опытных станциях. Стахановцы свекловичных полей доказали, что все агротехнические мероприятия должны проводиться в тесном взаимодействии, в едином комплексе; они применяют агротехнические приемы не по шаблону, а дифференцируют их для каждого участка, проявляя инициативу и подвижность, меняя на ходу приемы.

Опыт стахановцев свекловичных полей во главе с Марией Демченко представляет лишь одну из ярких и красочных страниц стахановского движения в социалистическом земледелии.

Замечателен опыт других народных талантов—участников этой выставки, добившихся мировых рекордов. Так, например, колхозник Костенко В. Д. получил урожай озимой пшеницы «украинка» в 73 ц с 1 га; колхозник Шевцов собрал с 1 га 79,17 ц яровой пшеницы «цезиум»; колхозник М. С. Топыгаров добился в суровой Якутии (Вилейский район) урожая в 117 ц пшеницы с 1 га.

Этот замечательный показ достижений передовиков социалистического земледелия дает исключительные материалы для научного обобщения стахановского опыта в сельском хозяйстве. Практика новаторов вносит ценнейший вклад во все отрасли сельскохозяйственных наук.

Материалы выставки ярко выявляют особенности развития всех отраслей социалистического земледелия.

Давно ли Мария Демченко подняла стахановское знамя пятисотниц на свекловичных полях? Движение пятисотниц быстро переросло в движение тысящниц. Но и тысячные урожаи уже превзойдены. В Казахстане колхозник Семен Утепберганов собрал 1 410 ц свеклы с 1 га.

¹ Речь товарища Сталина на приеме в Кремле работников высшей школы 17 мая 1938 г., «Правда» от 19 мая 1938 г.

В Америке, где зарегистрированы были наиболее высокие урожаи свеклы, никогда не снимали больше 900 ц.

Вслед за Ибрагимом Рахматовым, собравшим в 1936 г. 111 ц хлопка с 1 га, выдвинулась блестящая плеяда новых мастеров-хлопкоробов. Депутат Верховного Совета СССР Басти Багирова довела в Азербайджане урожай хлопка до 143 ц с 1 га. Но и этот рекорд превзойден: тов. Мадраим Барабахи из колхоза им. Сталина, Баскетского района, Узбекской республики, достиг урожая хлопка 153 ц с 1 га.

Эта замечательная школа стахановского мастерства ярко и наглядно показывает борьбу передовиков, ученых, колхозов, совхозов и МТС за повышение производительности сельского хозяйства. Она ярко показывает большевистское упорство, с каким отвоевывается каждый новый центнер урожая, как передовики деревни переделывают почву, природу растений, с каким упорством добиваются они победы над стихией. Своими замечательными делами эти передовики увлекают вперед новые слои колхозной деревни.

Под знаком непрерывного роста производственной культуры находятся все представленные на Всесоюзной выставке отрасли сельского хозяйства. Полеводы показывают невиданные образцы урожайности, животноводы — исключительные образцы продуктивности животноводства, колхозники-опытники и ученые — замечательные образцы переделки почв и природы растений. Живыми делами показано, как потребляющие районы превращаются в производящие, как передвигается на далекий север культурное земледелие, как осушаются и осваиваются болота и бросовые земли, как орошаются засушливые районы, как живыми зелеными коврами покрываются мертвые пустыни.

На Первом всесоюзном совещании стахановцев товарищ Сталин говорил: «Сегодня стахановцев еще мало, но кто может сомневаться, что завтра их будет вдесятеро больше?»¹. «Задача состоит в том, чтобы помочь стахановцам развернуть дальше стахановское движение и распространить его вширь и вглубь на все области и районы СССР»². 200 тыс. участников выставки — ярчайшая иллюстрация первых крупных побед в осуществлении задачи, поставленной великим Сталиным.

Немудрено, что выставка является сокровищницей передового опыта, в котором агрономическая наука находит серьезную базу для своей полной перестройки. Изумительная армия новаторов оплодотворила сельскохозяйственную теорию. Все это — народные таланты, которые стоят в одной шеренге с прославленными передовыми учеными-академиками, революционерами в науке — Лысенко, Цициным, Вильямсом. Выставка показывает единство цели и воли, которой спаяны академики, профессора, колхозники-опытники, комбайнеры, трактористы, доярки, агрономы, конюхи.

Многие столетия высилась одинокая фигура великого русского ученого из крестьян М. В. Ломоносова, который пробивал себе путь в науку. А сейчас наука хлынула в деревню, сотни тысяч передовиков, новаторов земледелия и творцов новой жизни, смело экспериментируют, настойчиво ищут новые пути для подъема производства.

На этой замечательной выставке ярко показано, как советский народ овладевает наукой. Не случайно именно в нашей стране дарвинизм нашел свою настоящую родину. Дарвинизм, который становится

¹ Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935, стр. 11.

² Там же, стр. 25.

в нашей стране мировоззрением миллионов, стал мощным средством преобразования растений и животных. Великая социалистическая революция, которая подняла на новую высоту теорию Дарвина, вскрыла огромную теоретическую глубину мичуринского гения и продвинула идеи Мичурина в гущу народных масс.

Могучая сила этой выставки не только в том, что она показывает достижения передовиков, а, главным образом, в том, что она широко раскрывает «секреты» этих достижений, наглядно убеждает в том, что методы, дающие невиданную производительность, доступны миллионам. Выставка в целом и каждый стенд в отдельности рассчитаны на то, чтобы передавать опыт. Любой человек может достигнуть того, чего добились передовики. Вот почему выставка раскрывает широчайшие перспективы страны социализма.

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, которая является мощным агитатором и организатором социалистического соревнования в общегосударственном масштабе, дает программу нового подъема сельского хозяйства. Она поднимает на борьбу за новые победы колхозного строя и колхозное изобилие новые пласты деревни.

«Наша Выставка,— говорил тов. Молотов,— не только дает итог побед, но и является мощным призывом к дальнейшему подъему сельского хозяйства, к новым славным победам социализма». Опыт передовиков социалистического земледелия должен сыграть крупнейшую роль в мобилизации колхозных масс на борьбу за выполнение и перевыполнение плана третьей пятилетки.

Имеются уже сотни новых передовиков сельского хозяйства, бригад и звеньев, которые достигли показателей, установленных выставкой или близких к ним. Но нельзя забывать об отстающих. «Чем скорее мы обеспечим выполнение всей массой колхозов и совхозов показателей, установленных для участников Сельскохозяйственной Выставки, тем скорее мы обеспечим выполнение всего плана третьей пятилетки по сельскому хозяйству» (Молотов).

От социализма к коммунизму

Диктатура рабочего класса решает всемирно-историческую задачу революционного преобразования капиталистического общества в общество коммунистическое.

В докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин указал на две главные фазы, которые прошла диктатура рабочего класса в нашей стране со времени Октябрьской революции.

В первой фазе — от Октябрьской революции до ликвидации эксплуататорских классов в нашей стране — диктатура рабочего класса подавляет сопротивление свергнутых классов и разбивает интервентов, оказывающих вооруженную поддержку этим свергнутым классам. В этой первой фазе диктатура рабочего класса постепенно налаживает также хозяйственно-организаторскую и культурно-воспитательную работу в целях развития ростков социализма в экономике и сознании трудящихся. Однако эта хозяйственно-организаторская и культурно-воспитательная работа в первой фазе развития диктатуры рабочего класса еще не может развернуться во всю ширь. Хозяйственное и культурное строительство проходит начальный этап, подготавливая экономические и политические предпосылки ликвидации капиталистических элементов города и деревни.

Во второй фазе развития диктатуры рабочего класса, охватывающей период от ликвидации капиталистических элементов до полной победы социалистической системы и принятия новой Конституции, на первый план уже выдвигается организация социалистического хозяйства и ликвидация последних остатков капиталистических элементов. В этот период СССР проходит полосу беспрецедентного по интенсивности промышленного развития, в результате которого он превратился в одну из самых мощных индустриальных стран мира. Сельское хозяйство стало на основе коллективизации самым крупным в мире и наиболее совершенным по техническому оснащению. В стране происходит культурная революция. В соответствии с основными задачами второй фазы изменяются и функции социалистического государства. «Отпала — отмерла функция военного подавления внутри страны, ибо эксплуатация уничтожена, эксплуататоров нет больше и подавлять некого. Вместо функции подавления появилась у государства функция охраны социалистической собственности от воров и расхитителей народного добра. Сохранилась полностью функция военной защиты страны от нападений извне, стало быть, сохранились Красная Армия, Военно-Морской флот, равно как карательные органы и разведка, необходимые для вылавливания и наказания шпионов, убийц, вредителей, засылаемых в нашу страну иностранной разведкой. Сохранилась и получила полное развитие

функция хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работы государственных органов»¹.

Во второй фазе развития диктатуры рабочего класса социалистическая собственность стала безраздельно господствующей во всех сферах народного хозяйства. В стране социализма полностью уничтожены причины, порождающие эксплуатацию человека человеком.

В основе и рабовладельческого строя, и феодализма, и капитализма лежит частная собственность на средства производства, эксплуатация человека человеком. Вот почему капитализм, с первых своих шагов стремившийся разрушить докапиталистические формы производства и достигнуть господства в мировом масштабе, уживается с обильными пережитками прежних способов производства, особенно мелкотоварного производства, стихийно развивающегося в сторону капитализма. Более того, капитализм часто консервирует и насаждает примитивные, докапиталистические формы эксплуатации. Так, во второй половине XVIII и начале XIX в. капитализм воскрешает в широчайших масштабах плантационное рабовладельческое хозяйство в Америке. Таким образом, не только в эпоху империализма, в эпоху умирающего капитализма, но и в эпоху своего расцвета буржуазия сочетает более развитые формы капиталистической эксплуатации с докапиталистическими формами эксплуатации. Эти формы эксплуатации служат капитализму, в частности, средством безудержного порабощения колониальных стран, средством выколачивания из этих стран сверхприбылей. Социалистическая система хозяйства, ведущаяся по единому плану, исключая эксплуатацию человека человеком, не может допустить длительного воспроизводства на двух разных противоречивых основах. Развитие мелкотоварного производства, даже при наличии диктатуры рабочего класса, в известных пределах стихийно воскрешает капиталистические элементы. А рост капиталистических элементов несовместим с высокими формами плановой организации хозяйства в масштабе всего общества, с уничтожением эксплуатации человека человеком. Воспроизводство на двух разных основах при социализме в течение длительного периода невозможно также потому, что социализм не может опираться в своем развитии на низкий уровень производительности труда и на чрезвычайно медленные темпы движения продукции, достигаемые мелкотоварным производством. В то время как капитализм, обрекая трудящиеся массы на низкий уровень жизни, сплошь и рядом допускает незначительные темпы роста и даже застой, а подчас и деградацию сельского хозяйства, социализм в своем неукротимом стремлении к созданию коммунистического изобилия должен снести все препятствия, стоящие на пути построения производственно-технической базы коммунизма во всех отраслях народного хозяйства.

Поэтому переход от воспроизводства на двух разных основах к воспроизводству на одной социалистической основе является величайшей победой социализма в нашей стране. В «Кратком курсе истории ВКП(б)» говорится: «В 1930—1934 годах партия большевиков разрешила труднейшую после завоевания власти историческую задачу пролетарской революции — перевод миллионов мелкособственных крестьянских хозяйств на путь колхозов, на путь социализма»².

Эта победа общественной, социалистической собственности на сред-

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 57.

² «История ВКП(б)», стр. 314.

ства производства во всех отраслях народного хозяйства означала осуществление в СССР в основном первой фазы коммунизма.

Творческая сила великой социалистической революции выражается в том, что она не останавливается на достигнутом этапе развития. Решив одну величайшую задачу, она выдвигает и решает следующие задачи, подготовленные всем предшествующим развитием. Она стремится вперед, к полному построению развернутого коммунизма.

Осуществив в основном первую фазу коммунизма, партия выдвинула перед советским народом новые задачи. Охарактеризовав полосу развития, в которую вступила наша страна, как полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму, партия вскрыла основное содержание первой фазы коммунизма как особой ступени развития коммунистического способа производства.

Какие основные задачи решаются в первой фазе коммунизма?

В статье «Великий почин» Ленин писал: «Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплуататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревней, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это — дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками»¹. В борьбе за власть и в переходный период от капитализма к социализму окончательно решается первая часть задачи полного уничтожения классов, а именно: рабочий класс при активной помощи и поддержке трудящихся крестьян ликвидирует всякую частную собственность на средства производства.

В этом процессе борьбы за торжество социалистической собственности в корне изменяются рабочий класс и крестьянство и взаимоотношения между ними. Вторая часть задачи — полное преодоление классового деления общества — в переходный период от капитализма к социализму еще не могла быть решена. Опыт нашей революции воочию показал, что победа социалистической собственности во всех отраслях народного хозяйства есть крупнейший и решающий шаг к преодолению классового деления общества. Но опыт показал также, что эта победа не тождественна с полным преодолением классовых различий. Устраняется антагонистическая классовая структура общества, но сохраняются классовые различия между рабочими и колхозниками, ибо сохраняются различия между двумя формами социалистической собственности. Опыт нашей революции воочию показал, что уже самый факт установления диктатуры пролетариата, свержения власти капиталистов и помещиков, отмены их частной собственности на средства производства, национализации земли и отмены земельной ренты был крупным шагом в сторону преодоления противоположности между городом и деревней, что великая борьба партии за социалистическую индустриализацию нашей страны и коллективизацию сельского хозяйства в корне подорвала былую противоположность между городом и деревней. Однако тот же опыт

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 337.

показал, что окончательное преодоление противоположности между городом и деревней, между трудом физическим и умственным есть коренная задача первой фазы коммунизма.

До тех пор, пока в деревне господствовали частная собственность на средства производства и мелкотоварное производство, было неизбежно отставание деревни от быстро индустриализирующегося социалистического города. Только на основе безраздельного господства социалистических форм собственности производительные силы и уровень коммунистической культуры и сознания могут быть развиты в такой мере, что будут до конца преодолены противоположности между городом и деревней, между трудом физическим и умственным.

Таким образом, опыт нашей революции наглядно показал, что победа социалистической собственности на средства производства во всех отраслях народного хозяйства и завершение строительства бесклассового общества отделены друг от друга во времени; что между победой социалистической собственности во всех отраслях и второй фазой коммунизма лежит исторический период окончательного преодоления классового деления общества,— и этот период есть предсказанная Марксом и Лениным первая фаза коммунизма.

Окончательное преодоление противоположностей между городом и деревней, между физическим и умственным трудом самым тесным образом связано с громадным ростом продукции, с созданием изобилия, обеспечивающего возможность перехода к распределению по потребностям.

Полное уничтожение причин, порождающих эксплуатацию человека человеком, позволяет стать на путь создания материальных условий для уничтожения остатков фактического неравенства людей в области потребления, связанных с распределением по труду. После победы общественной собственности на средства производства во всем народном хозяйстве объем производства определяет способ распределения продуктов. Поэтому решающей задачей первой фазы коммунизма является всемерное развитие производительных сил, подъем душевых норм производства средств производства и предметов потребления в таких масштабах, чтобы можно было перейти к развитому коммунистическому распределению продуктов.

Создание коммунистического изобилия продуктов нельзя мыслить абстрактно, отвлекаясь от конкретных условий развития каждой данной страны. Осуществление первой фазы коммунизма в разных странах может происходить при различных уровнях развития производительных сил. Однако оно требует во всех странах известных материальных и культурных предпосылок. Догнав и перегнав по объему продукции, по степени оснащенности промышленности и сельского хозяйства новой техникой наиболее развитые страны Европы, мы обеспечили со стороны уровня производительных сил осуществление первой фазы коммунизма. Однако для решения задачи постепенного перехода к коммунизму недостаточно догнать и обогнать наиболее развитые страны капитализма по объему продукции. Чтобы перейти к коммунистическому распределению по потребностям, необходимо превысить средние душевые нормы производства самых богатых капиталистических стран.

Коммунистическое распределение по потребностям возможно лишь на такой производственной основе, когда мы сможем добиться гораздо более высоких норм душевого потребления, чем в главных капиталистических странах. В нашей стране, не знающей присущих капитализму антагонистических противоречий и связанных

с этим потерь в сфере производства, распределения, обмена и потребления, можно, в силу преимуществ социализма, добиться более высоких норм потребления, чем это доступно капитализму при том же уровне производства на душу населения. Однако этого мало. Мы ставим перед собой не просто задачу повышения душевых норм потребления предметов потребления, мы добиваемся постепенного перехода к распределению по потребностям. А при таком объеме задачи мы ни в коей мере не можем удовлетвориться средними и душевыми нормами потребления населения главных капиталистических стран. При капитализме средние нормы потребления скрывают накопление на одном полюсе роскоши господствующих классов, составляющих незначительную часть населения, и рост на другом полюсе нищеты огромной части народа. Эта нищета подавляющей массы населения тянет национальные средние душевые нормы потребления вниз. Вот почему определяющей предпосылкой перехода к распределению по потребностям является победа коммунизма в области душевых норм производства. Вот почему товарищ Сталин в докладе на XVIII съезде ВКП(б) говорил: «Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»¹.

Экономическое соревнование между Англией, Германией и США за мировое первенство происходило в рамках одних и тех же антагонистических производственных отношений капитализма. Масштабы развитых капитализмом производительных сил, как бы велики и различны они ни были, в разных странах всегда ограничивались в конечном счете, действием законов капиталистического накопления. Экономическое соревнование между СССР и главными капиталистическими странами — это соревнование между двумя принципиально различными системами хозяйства, между растущим коммунизмом и умирающим капитализмом. Преимущества СССР в этом соревновании вытекают не только из того факта, что СССР, став на путь широкого индустриального развития позже других крупных стран, сразу подвел под это развитие современную техническую базу. Известно, что и Соединенные Штаты Америки экономически победили старую Англию прежде всего более высокой техникой производства и производительностью труда. Известно также, что американский путь развития привел в США к созданию огромного внутреннего рынка. Однако масштабы и темпы развития производительных сил даже такой мощной и богатой естественными ресурсами капиталистической державы, как США, оказались ограниченными в силу того, что и американский тип развития есть капиталистический тип развития производительных сил. Эта ограниченность особенно резко выявилась после мировой империалистической войны. Победивший социализм, ликвидировав действие закона капиталистического накопления, вместе с тем уничтожил те границы, в которых движутся производительные силы в любой капиталистической стране. Основная экономическая задача СССР непосредственно связана с необходимостью преодолеть экономическую отсталость нашей страны в прошлом. Основная экономическая задача прежде всего вытекает из того факта, что коммунизм строится в стране, отстающей по душевым нормам производства от главных капиталистиче-

¹ Сталин, Ответный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 23 (разрядка моя. — А. Н.).

ских стран. Однако решение путем победы в области производительности народного труда основной экономической задачи означает не только преодоление отставания СССР как одной из стран мира по душевым нормам производства, но создание в конечном счете производительных сил такого объема, которые, будучи базой для постепенного перехода к распределению по потребностям, уже недоступны капитализму, ибо при капитализме потребление рабочих масс лимитируется всеобщим законом капиталистического накопления, законом стоимости рабочей силы. Поэтому решение основной экономической задачи завершает технико-экономическое соревнование между коммунизмом и капитализмом. Поэтому период, в течение которого решается основная экономическая задача, есть высший этап этого соревнования, когда коммунизм окончательно выявляет свои преимущества перед капитализмом как система более производительная, дающая на душу населения большую продукцию, чем капитализм, и обеспечивающая на этой основе переход к удовлетворению всех потребностей всех членов общества. А это значит, что, решив основную экономическую задачу, СССР положит начало новой эре в объеме производства и в уровне потребления человеческого общества. Тем самым определяется внутренняя органическая связь между основной экономической задачей и переходом к коммунизму.

Создание производственной базы распределения по потребностям требует настойчивой борьбы за преодоление пережитков капитализма в сознании людей. Коммунистическое воспитание людей является не только средством достижения уровня культуры, необходимого для перехода к развернутому коммунизму, но и важнейшей экономической задачей. Коммунизм строится сознательно, а не стихийно, строится непосредственно массами, руководимыми коммунистической партией. Наше хозяйственное развитие способствует дальнейшему росту коммунистического сознания, и этот рост сознания, в свою очередь, выступает как активный фактор нашего хозяйственного развития. Поэтому при социализме, когда необходимо выработать у всех членов общества новое отношение к труду, как к первой жизненной потребности, усиливается и выдвигается внутри страны не только хозяйственно-организационная, но и культурно-воспитательная функция социалистического государства. На первый план выдвигается борьба диктатуры рабочего класса за неприкосновенность и процветание общественной собственности, против ее расхищения, против разбазаривания колхозных земель, государственных средств и т. д. Решающее значение приобретает борьба за дальнейшее развертывание социалистического соревнования и укрепление общественных стимулов труда, за точное соблюдение советских законов, т. е. за такое сочетание общественных и личных интересов, при котором личное было бы подчинено общественному, при котором интересы социалистического общества господствуют и осознаются всеми членами советского общества как кровное дело каждого.

«Теперь основная задача нашего государства внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов»¹.

Следует иметь в виду, что в конкретных условиях строительства коммунистического общества в СССР роль военной организации социалистического государства и карательных органов диктатуры рабо-

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 57.

чего класса становится исключительно важной. Поэтому укрепление оборонной мощи СССР есть одно из главнейших условий, обеспечивающих возможность дальнейшего строительства коммунистического общества. Эта исключительно важная роль оборонной организации социалистического государства при победе социализма в одной стране и наличии капиталистического окружения, естественно, находит свое выражение в структуре народного хозяйства и других сторонах социалистического строительства.

Наряду с перечисленными задачами остается еще задача дальнейшего обобществления незначительных остатков единоличного мелко-товарного производства, поскольку процесс социалистического обобществления не закончился до вступления в первую фазу коммунизма.

Указанные выше задачи и составляют в основном содержание первой фазы коммунизма в СССР, причем часть этих задач вытекает из необходимости окончательно преодолеть экономическую отсталость нашей страны в прошлом и из наличия капиталистического окружения. Осуществление всех этих задач переплетается между собой. Так, решая основную экономическую задачу, мы одновременно окончательно преодолеваем экономическую отсталость нашей страны в прошлом, готовим производственную базу для распределения по потребностям и гигантски укрепляем оборонную мощь страны социализма. Однако при всем переплетении этих задач, при всем конкретном своеобразии первой фазы в исторических условиях нашего развития любая из этих задач подчинена коренной задаче коммунистического преобразования общества. Вот почему партия охарактеризовала полосу развития, в которую вступила наша страна, как полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму.

Первая фаза коммунизма есть полоса одновременного завершения строительства бесклассового общества и постепенного перехода к коммунизму потому, что нельзя развить непосредственные элементы полного коммунизма, не завершив строительства бесклассового социалистического общества.

Полоса завершения строительства бесклассового общества и постепенного перехода к коммунизму включает ряд этапов. Завершение строительства бесклассового социалистического общества есть прежде всего развитие всех социалистических форм производства и распределения, есть исчерпание всего того, что они могут дать для роста производительных сил и социалистической культуры в нашей стране. Используя полностью социалистические формы производства и распределения (в том числе хозрасчет, деньги, форму заработной платы и т. д.) как рычаги роста производительных сил и культуры, социалистическое государство, опираясь на возросшие в громадных размерах производительные силы, на рост продукции и культуры, может и будет постепенно преобразовывать социалистические методы производства и распределения в развитые коммунистические. При этом на первых этапах первой фазы коммунизма преобладают конкретные задачи развития социалистических форм производства и распределения, а на последующих этапах все большее место будут занимать конкретные задачи перехода к развернутому коммунизму. Отсюда — постепенность перехода к коммунизму. Если эта постепенность возможна потому, что движение ко второй фазе коммунизма происходит внутри одной и той же коммунистической формации, то необходима постепенность перехода к коммунизму вследствие недостаточного на первой фазе уровня развития производительных сил, коммунистической культуры и сознания. Так как материальные, культурные и все прочие элементы

перехода к коммунизму могут быть созданы не сразу, а лишь в известной последовательности, то и самый переход может быть только постепенным.

Из всего сказанного следует сделать выводы о конкретных путях решения основных проблем первой фазы коммунизма. Укажем только на некоторые моменты.

Прежде всего коренной вопрос — о формах социалистической собственности и о классовой структуре общества.

В работе «Государство и революция» Ленин писал: «То, что обычно называют социализмом, Маркс назвал «первой» или низшей фазой коммунистического общества. Поскольку общей собственностью становятся средства производства, постольку слово «коммунизм» и тут применимо, если не забывать, что это не полный коммунизм»¹.

Общественная собственность на средства производства обща для обеих фаз коммунизма. Однако степень зрелости ее в первой фазе меньшая, чем во второй. Это находит свое выражение прежде всего в существовании в первой фазе коммунизма двух форм общественной собственности, которые имеют ряд общих черт. И на государственных предприятиях и в колхозах господствует социалистическое отношение к средствам производства и к труду. Воспроизводство и в государственном и в колхозном секторе непосредственно направляется и определяется народнохозяйственным планом. И в городе и в деревне мерой участия и распределения продуктов является труд: различия в доходе обуславливаются различиями в количестве и качестве труда. На основе социалистической собственности и рабочие и колхозники под водительством партии борются за дело коммунизма, за общественные интересы.

Однако при определении перспектив дальнейшего развития двух форм социалистической собственности, как и в повседневной политике, нельзя игнорировать различий между ними, ибо от этих различий зависит своеобразие пути, который должна будет проделать каждая из этих форм.

Различия между государственной (всенародной) и кооперативно-колхозной формами социалистической собственности выражаются прежде всего в неодинаковом взаимоотношении между государством и отдельным предприятием, между общественным целым и частью этого общественного целого.

На предприятиях последовательно социалистического типа все средства производства принадлежат государству как представителю общенародных интересов. Государство непосредственно управляет этими предприятиями, назначает и смещает руководящий персонал. Государство планирует деятельность предприятий последовательно социалистического типа как через соответствующий аппарат хозяйственного управления с определенной системой подчинения, так и через бюджетную и кредитную систему, финансирующую развитие народного хозяйства. Планирование государственных предприятий включает в себя хозяйственный расчет как форму непосредственной заинтересованности предприятия в выполнении плана, как форму контролирования деятельности государственного предприятия. Организация труда определяется непосредственно государством, опирающимся на инициативу рабочего класса и его организаций. Поскольку средства производства целиком принадлежат государству, весь продукт, производимый на предприятиях последовательно социалистического типа, принадлежит также государству, т. е. всему народу. Фонд

¹ Ленин, Соч., т. XXI, стр. 438.

накопления последовательно социалистических предприятий является общенародным фондом, распределяемым государством по усмотрению руководящих органов. Следовательно, рабочий, работая на государственном предприятии, находится в непосредственных отношениях не только с данным предприятием, но и с государством в целом.

На предприятиях кооперативно-колхозных частей применяются в производстве средства производства (земля, тракторы, комбайны и т. д.) принадлежит государству. Другая часть средств производства принадлежит колхозу в целом. Еще Маркс и Энгельс указывали, что в период перехода от капитализма к коммунизму собственность на решающие средства производства в сельском хозяйстве должна быть сохранена за государством. В своем знаменитом письме к Августу Бебелю от 20/23 января 1886 г. Энгельс писал: «Что при переходе к коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство,— в этом Маркс и я никогда не сомневались. Дело должно быть поставлено так, чтобы общество — следовательно, на первое время государство — удержало за собой собственность на средства производства и, таким образом, частные интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества в целом»¹.

Из негосударственных средств производства в артели социалистически обобществлены основные и главные средства производства. Однако часть из них (часть продуктивного скота, мелкого инвентаря, некоторые постройки, в отдельных областях и районах — часть рабочего скота) остается в личной собственности колхозного двора. Сохранение в руках социалистического государства собственности на решающие, основные средства производства должно обеспечить (при правильном, большевистском руководстве колхозным строем) господство в колхозах общественных интересов, регулирование технических, агротехнических и экономических мероприятий, руководство материальным и культурным подъемом колхозов со стороны государства. Социалистическое государство устанавливает планы посевов различных культур, севооборотов, урожайности, завоза машин и удобрений, заготовок, контракций, заготовительные цены и т. д. Самоотек в колхозном строительстве чужд основным принципам большевистского руководства, несовместим с ними.

В то же время колхозы управляются правлениями, избираемыми общими собраниями колхозников. Жизнь колхоза регулируется уставом, принимаемым колхозниками на основе примерного устава. Каждый колхозник связан с данным колхозом как совладелец коллективных средств производства колхоза. Колхозный фонд накопления, за исключением части, идущей в распоряжение государства, не является всенародной собственностью, а есть фонд накопления каждого данного колхоза. Когда колхоз пользуется государственными средствами производства (тракторами, комбайнами и т. д.), он оплачивает это пользование на основе специальных договоров с МТС. Государственные средства производства выступают, таким образом, в колхозном производстве не как часть фондов каждого отдельного колхоза, а используются по договору. Поэтому непосредственным собственником продукции, получаемой в каждом данном колхозе, является сам колхоз, который оплачивает услуги государства и выполняет свои обязательства перед ним.

Доход колхоза и колхозников определяется размерами производства и чистой продукции в каждом данном колхозе. В качестве

¹ «Архив Маркса и Энгельса», т. I (VI), Партиздат, 1932, стр. 329.

дополнительного источника дохода колхозников, кроме основного источника — колхозного производства, выступает также подсобное личное хозяйство. Поскольку продукция колхоза принадлежит частично колхозу в целом и частично колхозникам, колхозы и колхозники непосредственно продают часть своей продукции на рынке и извлекаемый доход обращают в свою пользу.

Таким образом, отношение между предприятием последовательно социалистического типа и государством и отношение между колхозом и государством, в силу различия форм собственности, экономически отличны. На этом базируются классовые различия между рабочими и колхозным крестьянством в первой фазе коммунизма. Эти различия в формах общественной собственности, в формах производства и распределения обусловлены различием путей, которыми приходят к социализму рабочий класс и колхозное крестьянство. Однако кооперативно-колхозная форма собственности, производства и распределения в своем развитии есть также средство, при помощи которого устраняется различие между рабочими и крестьянами. При помощи которого социалистическое сельское хозяйство движется к единой общественной собственности на средства производства. В силу этого рабочий класс и крестьянство не только различными путями приходят к социализму, но экономически отличными путями движутся также к развернутому коммунизму.

Борьба за правильное сочетание интересов государства, т. е. всенародных интересов, и интересов колхозов, за правильное сочетание интересов колхозов и колхозников является одним из решающих средств осуществления постепенного перехода к коммунизму. Усиление колхозной дисциплины по всем линиям означает укрепление в сознании десятков миллионов людей общественных стимулов труда. Без полной победы последних, без превращения их в привычку невозможен переход к коммунизму. Сельскохозяйственная артель, содействуя выработке и полной победе общественных стимулов труда, тем самым способствует преодолению различий между рабочими и крестьянами.

Укрепление общественных стимулов труда в коллективизированном сельском хозяйстве тесно связано как с экономической, так и с воспитательной ролью колхозов. Открывая возможность дальнейшего развития сельскохозяйственной техники и социалистической организации труда, колхозная форма на данном этапе способствует росту продукции сельского хозяйства на душу населения. В результате труд в сельском хозяйстве по своей производительности все больше приближается к труду промышленному. Только тогда, когда будут достигнуты соответственный высокий уровень производительности труда и изобилие продуктов, кооперативно-колхозная форма собственности и производства сможет быть заменена более высокой общественной формой собственности и производства. Только тогда различие между двумя формами общественной собственности и на этой основе классовые различия между рабочими и крестьянами будут преодолены окончательно.

Процесс преодоления различий между двумя формами общественной собственности и стирания классовых граней включает также соответственные сдвиги в значении личного подсобного хозяйства колхозников. На данном этапе речь идет о ликвидации извращений Сталинского устава сельхозартели. Майский пленум ЦК ВКП(б) вскрыл, что в результате извращений политики партии личное приусадебное хозяйство в ряде случаев теряет характер подсобного и превращается иногда в основной источник дохода колхозника. А это значит, что права колхозника в таком случае исполь-

зуются для целей личной наживы, что личные интересы таких колхозников противопоставляются интересам колхоза в целом, интересам советского общества. Поэтому пленум указал, что необходимо немедленно ликвидировать эти извращения, выражающие враждебные социализму тенденции и культивирующие пережитки капитализма в экономике и сознании людей. Тов. Андреев говорил на XVIII съезде партии: «Доля общественных доходов по трудодням и покрытие потребностей колхозников за счет общественного хозяйства должны возрасти, а доля личных доходов должна относительно сокращаться»¹. Именно по этой линии идет постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах от 8 июля 1939 г. Допуская на определенный период в качестве подсобного источника доходов личное хозяйство колхозников, партия направляет развитие колхозного хозяйства с таким расчетом, чтобы в дальнейшем, когда будут достигнуты высокая производительность труда и соответственные высокие душевые нормы производства, единственным источником производства предметов потребления как для городского, так и для сельскохозяйственного населения явилось общественное хозяйство. Но этот переход к полному удовлетворению всех потребностей исключительно за счет общественного производства может быть осуществлен не сразу, а лишь постепенно. Поэтому значительное время личное хозяйство еще будет играть известную экономическую роль, но, конечно, исключительно как подсобное хозяйство.

Весь сложный и многогранный процесс перехода к единой развитой коммунистической собственности не следует мыслить метафизически. Решение основной экономической задачи СССР — постепенное достижение изобилия промышленных продуктов — будет оказывать самое разностороннее влияние и на рост сельского хозяйства. Обеспечив гигантский рост душевых норм производства промышленных и сельскохозяйственных продуктов, диктатура рабочего класса осуществит переход к единой форме общественной собственности во всем народном хозяйстве. Тогда все народное хозяйство будет экономически управляться как свободная ассоциация трудящихся на основе прямого распределения средств производства и рабочих сил между различными отраслями, а предметов потребления — между членами общества. Это и есть развитое коммунистическое отношение между общественным целым, отдельным предприятием и отдельным членом общества.

Переход к единой форме общественной собственности на средства производства органически связан с окончательным преодолением противоположности между городом и деревней.

Развитие противоположности между трудом физическим и умственным, будучи продуктом и фактором классового деления общества, в то же время на определенных этапах истории есть результат и активный фактор роста производительности общественного труда. Город мог обособиться от деревни лишь тогда, когда сельскохозяйственный труд стал настолько производителен, что деревня имела возможность прокормить и снабдить сельскохозяйственным сырьем для производства одежды, обуви и других изделий не только себя, но и город. В известные исторические эпохи рост разделения труда, специализируя людей на одном каком-либо виде труда, позволял развивать гораздо более высокую, по сравнению с предыдущими этапами, производительность труда и достигать в ряде областей величайшего мастерства.

¹ Андреев, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 34.

Движение по восходящей исторической линии — от палки первобытного дикаря и его нечленораздельных восклицаний до самолета; девятой симфонии Бетховена и стихов Гейне — было бы невозможно без такого разделения труда. В этом — прогрессивное значение обособления города от деревни и труда умственного от труда физического на определенных этапах развития производительных сил.

Однако обособление города от деревни и умственного труда от физического, будучи одной из сторон развития частной собственности на средства производства и классовой борьбы, на всех этапах развития классового общества принимало антагонистические формы и служило средством не только развития производительных сил, но и угнетения одной части общества другой частью. Эксплуатация трудящихся со стороны господствующих классов была на протяжении истории всех классовых обществ внутренней движущей силой обособления города от деревни и труда умственного от труда физического. Господствующие классы, пользуясь частной собственностью на средства производства, присваивают себе результаты прогресса, основанного на разделении труда. Вот почему разделение труда между городом и деревней, между людьми умственного и физического труда принимает характер глубоких классовых противоположностей. Рабовладельческий и торговый город античной Греции господствует над деревней, обрекая последнюю на рабский труд. Феодализм, повышая до известных границ производительность труда в сельском хозяйстве, разрушает в период раннего средневековья старую городскую культуру, концентрирует население в деревне и задерживает в конце средних веков рост вновь развивающихся городов и промышленности. Капитализм поднимает производительность труда в невиданных при прежних формациях масштабах. Однако этот подъем крайне неравномерен. Помимо растущей земельной ренты, истощения почвы, ипотечной зависимости, монопольных цен и налогов, безземелья и малоземелья, распыленности и относительно низкого уровня техники и культуры, развитие деревни задерживается классово-антагонистическими отношениями. Низкий уровень жизни подавляющей массы городского населения ограничивает спрос на сельскохозяйственные продукты, в силу чего возможности роста земледелия при капитализме поставлены в тесные границы, определяемые всеобщим законом капиталистического накопления. А это значит, что капитализм постоянно углубляет противоположность между городом и деревней. С другой стороны, капитализм, обрекая подавляющую массу населения на изнурительный и бессодержательный труд, все более увеличивает разрыв между физическим и умственным трудом.

В блестящей речи на юбилей чартистской «The people's paper» Маркс говорил: «Результат всех наших открытий и всего нашего прогресса, очевидно, тот, что материальные силы наделяются духовной жизнью, а человеческая жизнь оупляется до степени материальной силы». ¹ Опустошается не только физический, но и умственный труд, поскольку он отрывается от жизни народных масс. «Победы искусства куплены, повидимому, ценой потери морального качества» ².

Однако в той мере, в какой капитализм вынужден развивать производительность общественного труда, он подготавливает ряд технических предпосылок для преодоления противоположности как между городом и деревней, так и между трудом физическим и умственным. Но развить эти условия в полной мере капитализм не может. На-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, стр. 5—6.

² Там же, стр. 5.

против того, в условиях капитализма противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом достигают крайней степени обострения, приобретают характер пропасти. Техника и культура чрезвычайно развиваются, но они концентрируются главным образом в городах. Техника подводит к автоматизации производства, но огромное количество безработных, дешевизна рабочей силы, узость рынков и обремененность старыми вложениями капитала препятствуют введению автоматической системы машин. Более того, развитие техники при наличии дешевой рабочей силы, часто сопровождается расширением сферы ручного расщепленного труда. Прогресс в производительности труда, позволяющий уменьшить рабочее время и увеличить свободное время рабочего, влечет за собой огромную безработицу, голод и бесплодное расточение физических и интеллектуальных сил рабочего.

Таким образом, в историческом движении многовековых противоположностей между городом и деревней и между трудом физическим и умственным необходимо различать две стороны: в о-п е р в ы х, рост разделения и обобществления труда и, в о-в т о р ы х, антагонистическую форму этого разделения и обобществления труда.

Победа социалистической революции принесла с собой уничтожение антагонистического характера противоположности между городом и деревней, между трудом физическим и умственным. Однако это отнюдь не означает, что мы можем и должны отказаться от дальнейшего разделения труда.

Производственной основой уничтожения противоположности между городом и деревней является превращение труда сельскохозяйственного в разновидность труда индустриального, а сельского хозяйства — в одну из отраслей индустрии. Это превращение сельского хозяйства в одну из отраслей индустрии (хотя и сохраняющую известные технологические особенности) представляет двусторонний процесс. С одной стороны, оно означает насыщение сельского хозяйства машинами, минеральными удобрениями и т. п. С другой стороны, индустриализация сельского хозяйства, ликвидация примитивных ручных методов сельскохозяйственного производства, хищнических методов обработки почвы имеет своей предпосылкой развитие соответствующих отраслей промышленности, которые производят средства механизации, электрификации и химизации сельского хозяйства. А это означает, что превращение труда сельскохозяйственного в труд индустриальный, а сельского хозяйства — в индустриальную отрасль неразрывно связано с дальнейшим разделением труда между сельским хозяйством и промышленностью как между отраслями материального производства.

В то время как раньше почти весь силовой аппарат нашего сельского хозяйства воспроизводился в самом сельском хозяйстве (в форме рабочего скота), сейчас большая часть этого силового аппарата (в форме тракторов, автомобилей и т. д.) воспроизводится в промышленности, при этом, конечно, всемерно учитываются и интересы развития коневодства и т. д. В то время как раньше почти все удобрения воспроизводились в самом сельском хозяйстве (навоз), в настоящее время все более крупную роль играют искусственные удобрения, производимые промышленностью. В то время как раньше оборотные фонды сельского хозяйства (корма и т. д.) целиком воспроизводились в сельском хозяйстве, сейчас значительная часть их (горючее и т. д.) воспроизводится в промышленности. Очевидно, что внедрение в сельское хозяйство большого количества машин и промышленных изделий замещает часть сельскохозяйственного труда трудом промышленным.

Борясь за окончательное преодоление противоположности между городом и деревней как остатка классового разделения труда, мы должны в то же время осуществлять во все большей мере разделение труда между промышленностью и сельским хозяйством как между индустриальными отраслями. В настоящее время достигнутая степень механизации, химизации и электрификации сельского хозяйства, а, следовательно, и разделения труда между промышленностью и сельским хозяйством в СССР еще далеко недостаточна для полного преодоления противоположности между городом и деревней. «А это значит, что интересы самого сельского хозяйства, интересы подготовки непосредственных условий его перехода к развернутому коммунизму настоятельно требуют дальнейшего развития в СССР промышленности, дальнейшей концентрации рабочих сил нашего народа в промышленности.

Убыстренные темпы развития нашей промышленности и рост душевых норм производства промышленной продукции нам нужны также для все более полного удовлетворения потребностей населения самих городов, для изготовления средств повышения производительности труда и объема продукции самой промышленности и транспорта, для максимального укрепления обороноспособности нашей страны. Все это требует перехода части населения из деревни в город. Социалистическое перераспределение народонаселения в корне отлично от капиталистической концентрации населения в городах-спрутах с их трущобами и нищетой, с их промышленной резервной армией. Социалистическое перераспределение населения не имеет ничего общего также с бегством голодающих крестьян в ненавистные им капиталистические города, разоряющие их и заставляющие бросать родные места.

Товарищ Сталин в докладе на XVIII съезде партии особо подчеркнул это обстоятельство: «Теперь уже речь идет не о том, чтобы пристроить как-нибудь в промышленности и взять из милости на работу безработных и бездомных крестьян, отбившихся от деревни и живущих под страхом голода. Таких крестьян давно уже нет в нашей стране. И это, конечно, хорошо, ибо оно свидетельствует о зажиточности нашей деревни. Теперь речь может идти лишь о том, чтобы предложить колхозам уважить нашу просьбу и отпускать нам для растущей промышленности ежегодно хотя бы около полтора миллиона молодых колхозников»¹.

Возможность указанного перераспределения населения создается как ростом промышленности, транспорта и торговли, так и ростом механизации и производительности труда в сельском хозяйстве. Несмотря на расширение посевов и развитие всех отраслей сельского хозяйства, в деревне уже теперь имеются крупные излишки рабочих сил.

В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР от 27 мая 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» говорится: «...в колхозах большинства районов СССР имеется большое количество излишних рабочих рук, использование которых для работы в колхозах не только могло бы ликвидировать мнимую нехватку рабочей силы в колхозах, но и высвободило бы значительную часть рабочей силы для промышленности и для переселения в многоземельные районы СССР, где действительно имеется нехватка рабочих рук»².

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 32.

² «Правда» от 28 мая 1939 г., № 146.

Борьба против уклонения части колхозников от участия в общественном труде, против лжеколхозников является одним из решающих факторов перераспределения населения между городом и деревней.

Правильное социалистическое расселение есть один из рычагов решения основной экономической задачи, ибо характер производственной структуры народного хозяйства выражается не только в соотношении промышленной и сельскохозяйственной продукции, но и в распределении населения между отраслями народного хозяйства. При одинаковом уровне производительности труда экономически более развитой окажется структура народного хозяйства той страны, где относительно большая часть населения занята в промышленности. Именно такая страна, при прочих равных условиях, имеет более высокие душевые нормы производства промышленной продукции. Однако только при прочих равных условиях. В 1930 г. в городах Англии и Уэльса жило 80% населения, в городах Германии — 67% населения, США — 56% населения и Франции — 49% населения. Тем не менее душевые нормы производства промышленной продукции в США гораздо выше, чем в Англии и Германии, что обуславливается гораздо более высоким уровнем производительности труда в промышленности США. Чтобы достигнуть своих нынешних душевых норм производства промышленных изделий, Англия, в силу более низкого, чем в США, уровня производительности труда, должна была стянуть в города подавляющую часть своего населения, совершенно ослабить сельское хозяйство и перейти на снабжение населения продовольствием и сельскохозяйственным сырьем главным образом за счет ввоза из других стран, доминионов и колоний. Ясно, что СССР не может пойти по такому пути. Но распределение населения между городом и деревней в СССР подчинено также иным законам, чем в США. Когда мы еще только догоним США по душевым нормам производства, вопрос о количестве занятых в промышленности в СССР и США будет решаться в зависимости от соотношения в уровне производительности труда. Однако количество промышленных и транспортных рабочих есть лишь один из факторов распределения населения между городом и деревней. В нашем населении более велик удельный вес детей и учащихся. Работники культуры и искусства занимают у нас несравненно большее место, чем в странах капитализма. Страна социализма должна максимально развивать все виды бытового и культурного обслуживания населения, что также в дальнейшем повысит количество населения городов, не занятого непосредственно в промышленности и на транспорте.

С другой стороны, у нас отсутствует безработица. В СССР ликвидированы полностью паразитические слои населения. У нас занято общественно-полезным трудом гораздо более членов семей рабочих и служащих. В СССР переход населения из деревни в город значительно больше связан с ростом промышленности, чем в капиталистических странах, где многие города развивались как торговые, а не как промышленные центры. В силу этих причин в нашей стране городское население в целом может быть использовано для роста производительности народного труда гораздо более эффективно, чем население любой капиталистической страны.

В качестве фактора расселения выступает также соотношение населения, занятого в промышленности, на транспорте и в городской торговле, но проживающего в деревнях. Такое население имеется и в США и в СССР.

Переход части населения из деревни в город в капиталистических странах вызывается нищетой деревни и углубляет противоречие ме-

жду городом и деревней. Поскольку уменьшение населения в деревнях при капитализме не сопровождается соответственным техническим вооружением сельского хозяйства, капиталистический город, вбирая самые энергичные элементы деревни, обрекает сельское хозяйство на дальнейшее отставание. В СССР переход части населения из деревни в город есть результат технического оснащения развивающегося сельского хозяйства. Более того, поскольку этот переход содействует быстрому развитию промышленности и транспорта, а одной из главнейших задач их развития является в СССР быстрый подъем сельского хозяйства,— это перераспределение населения между городом и деревней выступает в качестве одного из факторов окончательного преодоления противоположности между городом и деревней.

По данным переписей населения СССР, городское население нашей страны возросло с 26,3 млн. на 17 декабря 1926 г. до 55,9 млн. человек на 17 января 1939 г., т. е. более чем удвоилось за 12 лет. На 17 января 1939 г. в городах жило 32,8% всего населения СССР против 17,9% на 17 декабря 1926 г. Таким образом, уже в предшествующий период нашего индустриального развития мы быстро продвинулись вперед также по линии роста городского населения, причем в значительной мере (18,5 млн. человек) этот рост произошел за счет прямого перехода деревенского населения в города. Частично городское население возросло за счет превращения сел и поселков в города.

Коммунизм должен освоить весь тот великий прогресс, который накоплен в современных капиталистических городах, конечно, отбросив все их уродства. Коммунизму одинаково чужды буржуазные и мелкобуржуазные идеи как свехурбанизма, так и дезурбанизма. Рассредоточение промышленности диктатура рабочего класса проводит путем создания индустриальных очагов, использующих все завоевания современной техники. Огромный подъем промышленности, необходимый для перехода к коммунизму, означает рост новых городов и развитие ряда мелких городов, сел и поселков в крупные индустриальные центры. Этот процесс уже теперь происходит в СССР в огромных масштабах. По данным переписи 1939 г., в настоящее время 174 города СССР имеют население свыше 50 тыс. человек, 82 города — свыше 100 тыс. человек, 11 городов — свыше 500 тыс. человек.

Чем выше объем промышленного производства в СССР, тем больше возможность рассредоточения индустриальных и культурных центров по стране. Это рассредоточение имеет огромное значение для окончательного преодоления противоположности между городом и деревней. Оно укрепляет руководство города движением сельского хозяйства и деревни к коммунизму, создает материальную базу соединения и сочетания промышленности и сельского хозяйства. Превращение сельскохозяйственного труда в разновидность труда индустриального есть основа ликвидации различий между поселениями городского и сельского типа.

Современная техника открывает величайшие возможности для такого соединения города и деревни не только в сфере производства, обращения, но и в сфере культуры. Электричество, радио, кино, телевидение — все это великие рычаги рассредоточения культуры. Развитие всех видов транспорта и прежде всего внедрение в быт деревни автомобиля широко раскрывает перед работниками сельского хозяйства возможность постоянно и систематически пользоваться всеми благами культуры крупных центров.

Высокие душевые нормы производства промышленных и сельскохозяйственных продуктов в корне преобразуют уровень жизни и быта трудящихся как промышленности, так и сельского хозяйства. Жители преобразованных деревень, наряду с жителями городов, будут во все большей мере становиться активными строителями коммунистической культуры, всесторонне участвуя в развитии народного творчества.

Таким образом, через развитие техники, рост производительных сил промышленности, транспорта и сельского хозяйства, через рост производительности труда, перераспределение населения между городом и деревней, через высокие душевые нормы производства и изобилие продуктов, через расцвет культуры СССР движется к единой форме общественной собственности, к преодолению классовых различий между рабочими и крестьянами, к слиянию города и деревни. Многовековая противоположность между городом и деревней, в корне подорванная свержением власти помещиков и капиталистов и коллективизацией сельского хозяйства, стирается окончательно и бесповоротно.

Наряду с преодолением противоположности между городом и деревней переход к коммунизму связан с преодолением противоположности между трудом физическим и умственным.

Маркс и Энгельс неоднократно писали, что в коммунистическом обществе будет создана производственная основа для преодоления профессиональной односторонности. Так, в «Нищете философии» Маркс писал: «Разделение труда на автоматической фабрике характеризуется тем, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но как только прекращается всякое специальное развитие, является потребность в универсальности, чувствуется стремление индивидуума ко всестороннему развитию»¹. Однако путь от специализации к универсальности, о которой говорит Маркс, имеет ряд этапов, и он пролегает через усиление специализации.

Какое содержание вкладывается в понятие «универсальность труда»? Маркс писал, что рабочий капиталистической фабрики на своей собственной спине чувствует всеобщий характер своего труда, будучи вынужден менять одну профессию на другую из-за кризисов, роста органического состава капитала и т. д. Капитализм осуществляет «всеобщность» труда в чрезвычайно уродливой, антагонистической форме. И так как уровень капиталистической техники и сохранение старых форм разделения труда находятся в вопиющем противоречии с универсальностью труда, то смена рабочим одной профессии на другую означает, как правило, утерю квалификации, а, следовательно, и понижение уровня жизни рабочего. С другой стороны, обособление сфер деятельности и специальных функций внутри этих сфер при капитализме ведет к раздроблению человеческой личности, к прикреплению каждого человека к какой-нибудь из этих функций.

Универсализация труда при коммунизме не может уничтожить обособление сфер деятельности. Прогресс техники и создание автоматической системы машин ведут к комбинированию простых операций. Однако это комбинирование операций неразрывно связано с дифференциацией отраслей. Речь может идти, стало быть, о том, что автоматизация процессов производства и высокая техническая культура членов общества позволят преодолеть одностороннее развитие физических и умственных способностей людей. Имея политехнические познания и углубляя свои знания в определенных областях,

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 391—392.

люди смогут часть своей жизни посвящать, в зависимости от своих наклонностей, одним видам деятельности, а другую часть жизни работать в других областях. Однако было бы упрощением думать, что в сфере материального производства люди будут переходить в течение дня или месяца от одной производственной функции к другой, что при коммунизме будет царить анархия в распределении рабочей силы и т. д. Преодолению профессиональной односторонности и раздробления личности будут содействовать, во-первых, внедрение политехнического образования и прохождение на протяжении человеческой жизни через несколько форм деятельности, во-вторых, соединение физического и умственного труда в сфере материального производства и, в-третьих, соединение труда в сфере материального производства с деятельностью вне этой сферы: в области науки, искусства, физической культуры и т. д.

Сейчас очевидно, что ближайшим этапом развития и использования способностей людей является постепенный подъем культурно-технического уровня всех трудящихся до уровня инженерно-технических работников, т. е. превращение всех трудящихся в высококвалифицированных работников данной профессии, данной специальности внутри профессии. Во всяком случае, еще долгое время именно специализация в определенной области деятельности будет являться в сфере материального производства единственным способом соединения физического и умственного труда, или, точнее, превращения труда физического в труд инженерный.

Подъем культурно-технического уровня всех рабочих до уровня инженерно-технических работников есть путь к преодолению противоположности между физическим и умственным трудом, путь к уничтожению различий между трудом неквалифицированным и квалифицированным через специализацию в определенной области технических знаний. Эта специализация представляет в настоящее время важнейший фактор роста производительности труда. Вместе с тем движение по лестнице квалификаций, являющееся в СССР, на основе современного уровня техники, одной из важнейших форм культурного роста человека, уже в условиях социализма сопровождается постепенным преодолением односторонности, накладываемой специальностью. Уже теперь огромные массы трудящихся нашей страны, благодаря самому короткому рабочему дню и всей совокупности благоприятных условий жизни, стали на путь сочетания производственной работы с деятельностью в области культуры.

Сочетание работы по специальности с освоением марксистско-ленинской теории выдвинуто партией в качестве первейшего условия нашего движения вперед. По мере того как будет расти социалистическая культура и уровень всех трудящихся будет подниматься до уровня инженерно-технических работников, трудящиеся страны социализма в возрастающей степени будут овладевать великой сокровищницей марксизма-ленинизма, источниками мировой культуры и искусства, будут становиться людьми с широким политическим, философским, научным кругозором. Трудящиеся будут сочетать свою работу по специальности со все более глубоким участием в общественной и культурной жизни страны, они смогут реализовать все заложенные в них и развивающиеся таланты и дарования. Этот процесс культурного роста уже теперь принял весьма крупные размеры. Он должен вовлечь в свою орбиту постепенно всех трудящихся и стать неизмеримо глубже и разностороннее по своему содержанию.

Ленин писал: «Коммунизмом... мы называем такой порядок, когда люди привыкают к исполнению общественных обязанностей без особых аппаратов принуждения, когда бесплатная работа на общую»

пользу становится всеобщим явлением»¹. Это значит, что при коммунизме труд выступает как «первая потребность жизни». Без этого переход к коммунизму невозможен. Поскольку при коммунизме каждый получает не по труду, а по потребностям, личное при коммунизме заключается не в получении соответственной платы за работу, а в потребности служить обществу и в общественном труде реализовать и развивать свою личность. Когда немецкий мелкобуржуазный профессор Баллод (Атлантикус) рассчитывал трудовую деятельность в своем «Государстве будущего» на 5—6 лет, он рассматривал труд только как внешнюю необходимость, как повинность. Между тем процесс труда уже при социализме становится не только «средством к жизни», но и делом чести, доблести и славы. Различные формы социалистического соревнования, нашедшие свою высшую форму в стахановском движении новаторов производства, это ступени развития коммунистического отношения к труду как к общественному делу и вместе с тем как к творческому процессу. На первый план все больше выдвигаются общественные стимулы труда. Алексей Стаханов пришел в 1927 г. в Донбасс, чтобы заработать на коня для своего индивидуального крестьянского хозяйства. «Расчет мой был нехитрый,— рассказывает Алексей Стаханов,— подработаю немного, сотни четыре за лето скоплю, вот тебе и коняга и упряжь, земли же дали вволю»². Но увлекшись процессом социалистического труда, перевоспитанный пролетарской средой и партийной организацией, т. Стаханов становится через несколько лет зачинателем движения, которое является высшим этапом социалистического соревнования.

Коммунизм строят в нашей стране десятки миллионов людей, среди которых еще немалое количество отсталых, не покончивших с привычками, предрассудками старого общества. Еще далеко не изжиты мелкобуржуазная распушенность, анархическое отношение к труду, частнособственническое отношение к обществу. Нужна огромная воспитательная работа, чтобы изжить все эти родимые пятна буржуазного строя.

Но дело не только в этом. До тех пор, пока не создано коммунистическое изобилие продуктов, труд даже для самых передовых рабочих и колхозников является также «средством к жизни» в самом буквальном смысле этого слова: каждый должен работать для того, чтобы существовать. Конечно, и при коммунизме труд необходим для удовлетворения потребностей членов общества. Но между социализмом и коммунизмом имеется в этом отношении существенная разница. При социализме удовлетворение потребностей каждого данного члена общества непосредственно зависит от количества и качества его труда, от квалификации, производительности труда и трудовой дисциплины работника: труд является мерой потребления, а следовательно, средством к жизни. Отсюда, в частности, различное отношение в первой фазе коммунизма к общественному продукту людей квалифицированного и неквалифицированного труда. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «...распределение, поскольку оно управляется чисто экономическими мотивами, будет регулироваться интересами производства, а развитию производства наиболее способствует такой способ распределения, который позволяет в сем членам общества возможно всесторонне развить, сохранить и применить свои способности»³.

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 651.

² Алексей Стаханов. История моих рекордов. Рассказы о социалистическом мастерстве, Профиздат, 1936, стр. 9.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 203.

В первой фазе коммунизма, когда еще не создано коммунистическое изобилие продуктов, распределение по количеству и качеству труда всячески стимулирует рост производительности труда, инициативу трудящихся в изменении организации и технологии производства, движение по лестнице квалификаций. Общие интересы в первой фазе коммунизма непосредственно связаны с личными стимулами труда; огромные массы людей приобщаются к этим общественным интересам, будучи стимулированы соответственным участием в распределении.

Итак, с одной стороны, в целях завершения строительства бесклассового социалистического общества диктатура рабочего класса всячески развивает материальное стимулирование труда соответствующими формами распределения и этим путем добивается роста душевых норм производства. С другой стороны, укрепление и развитие личных материальных стимулов труда служат орудием развертывания социалистического соревнования, орудием превращения труда для общества в силу привычки. Когда же душевые нормы производства окажутся достаточными для создания коммунистического изобилия и труд на общество станет первой потребностью жизни, личные материальные стимулы труда будут отброшены как изжившие свою прогрессивную роль. Распределение по потребностям станет не только возможным в силу достигнутого объема производства и высоких душевых норм производства, но и необходимым как важнейшее условие гармонического и многогранного развития и применения способностей всех тружеников коммунистического общества.

* * *

Выше показано, что в первой фазе сочетаются задачи дальнейшего развития социалистических форм и перехода к коммунизму. Переход к единой всенародной собственности осуществляется через укрепление и дальнейшее развитие двух форм социалистической собственности. Окончательное преодоление противоположности между городом и деревней происходит через дальнейшее разделение труда между промышленностью и сельским хозяйством как между отраслями материального производства. Ликвидация противоположности между физическим и умственным трудом достигается путем движения людей по лестнице квалификаций. Превращение труда в первую потребность жизни осуществляется через укрепление и развитие его роли как средства к жизни.

Эта сложность движения от социализма к коммунизму обусловлена характером и объемом технической базы, а также уровнем развития экономики, культуры и сознания в первой фазе коммунизма.

Переход к коммунизму самым тесным образом связан с дальнейшим количественным и качественным ростом техники производства в нашей стране. Этот переход предполагает полное завершение механизации труда, создание автоматической системы машин. Должны быть постепенно ликвидированы тяжелые и вредные для здоровья малоквалифицированные и неквалифицированные виды труда. Всесторонняя электрификация производства, транспорта и быта, химизация технологических процессов, всемерный рост производства и использование синтетических веществ, форсирование открытий, подготавливаемых развитием современной науки и техники,— все это должно содействовать скорейшему созданию технической базы коммунизма и необходимого для перехода к коммунизму уровня производительности труда. Полоса завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму бу-

дет характеризоваться таким техническим прогрессом, который по своим масштабам и историческому значению превзойдет техническую реконструкцию, проведенную в годы первой и второй пятилеток.

Переход к коммунизму (особенно при нашем отставании по размерам производства на душу населения от наиболее развитых стран капитализма и в условиях капиталистического окружения) требует в первую очередь форсированного производства средств производства. Только путем более высоких темпов роста производительности труда по сравнению с темпами роста заработной платы и всего фонда потребления в целом, путем более быстрого роста средств производства, чем предметов потребления, возможно в сравнительно короткие исторические сроки создать техническую базу для перехода к коммунизму. Без этого более быстрого роста средств производства (если иметь в виду всю перспективу развития, а не только отдельные годы или несколько лет) невозможны ни длительное повышение объема и уровня потребления, ни необходимое укрепление обороноспособности нашей страны. Чтобы больше потреблять, надо больше накапливать, т. е. повышать удельный вес средств производства в общественном продукте.

По мере роста фонда потребления будут происходить также изменения в его структуре и в структуре отраслей, производящих предметы потребления. Общеизвестно (и это подтверждается бюджетными обследованиями), что потребление слоев, получающих больший доход, характеризуется более высоким качеством продуктов и большим разнообразием.

Коммунизм достигает изобилия продуктов не путем ограничения потребностей, как думал в силу условий своей эпохи Томас Мор, переключавший все население «Утопии» на производство нескольких продуктов первой необходимости.

Коммунизм достигает изобилия путем огромных масштабов производства самых разнообразных продуктов, удовлетворяющих потребности всесторонне развитого человека.

Коммунизм — это не мир аскетов и «отцов-пустынников», а мир, где каждый является гармонически развитым человеком, творящим материальные и духовные ценности и жадно впитывающим в себя все блага творимой обществом великой культуры. Поэтому уже в период перехода к коммунизму необходимо расширять круг отраслей, производящих предметы потребления, быта и культуры, не только увеличивать объем всех этих отраслей, но и изменять соотношение между ними.

Поскольку степень развития отдельных отраслей, в том числе отраслей производства предметов потребления, по техническому уровню и объему еще долгое время будет различной, переход к коммунистическому распределению всех продуктов едва ли можно будет осуществить одновременно. насыщение тех или иных потребностей будет происходить постепенно. Не исключена возможность перевода на коммунистический принцип удовлетворения в первую очередь ряда потребностей детей, как и постепенного перехода к коммунистическому распределению сначала лишь отдельных групп продуктов.

Социализм и коммунизм не отгорожены друг от друга «китайской стеной». Те или иные черты или элементы развернутого коммунизма смогут достигнуть известной зрелости уже в период постепенного перехода к коммунизму. Когда же решающие из этих черт и элементов станут господствующими, это будет означать, что построение бесклассового социалистического общества завершено и что переход ко второй фазе коммунизма в основном совершился.

Создавая в период завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму производственную базу для коммунистического изобилия, преодолевая остатки классового разделения труда и классовой структуры общества, а также пережитки капитализма в сознании людей, диктатура рабочего класса обеспечит начало развития коммунистического общества на его собственной основе, как писал об этом Маркс в «Критике Готской программы». Вместе с тем по-новому будет решаться вопрос о государстве. Об этом говорил товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б): «Мы идем дальше, вперед, к коммунизму. Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма?»

Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военных нападений извне. При этом понятно, что формы нашего государства вновь будут изменены, сообразно с изменением внутренней и внешней обстановки.

Нет, не сохранится и отомрет, если капиталистическое окружение будет ликвидировано, если оно будет заменено окружением социалистическим»¹.

Партия сплотила все народы Советского Союза вокруг идеи коммунизма, внедрила эту идею в сознание миллионов людей, связала ее с развитием производительных сил, с реальными, практическими интересами рабочих, крестьян, интеллигенции. Бдинство воли и целеустремленность всего нашего народа, крепость социалистического государства, руководство великой партии Ленина—Сталина суть гарантии тому, что в борьбе за вторую фазу коммунизма мы победим, как победили в борьбе за первую фазу коммунизма.

¹ Сталин. Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 58.

Население страны социализма

(К итогам Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г.)

I

Задолго до нашего времени Фридрих Энгельс писал: «Человечество могло бы размножаться быстрее, чем это может быть совместно с современным буржуазным обществом. Для нас это является еще одним новым основанием для того, чтобы объявить это буржуазное общество препятствием развитию, таким препятствием, которое должно быть убрано»¹.

Великая Октябрьская социалистическая революция убрала это препятствие. Покончив навсегда с буржуазно-помещичьим господством в России, она открыла новую эпоху в истории человечества с присущим ей социалистическим законом народонаселения. Итоги Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г., проведенной, как отметил Совнарком СССР, «правильно, в соответствии с указаниями Правительства и требованиями статистической науки», служат наиболее ярким и убедительным доказательством величия социалистического строя.

Могущество страны социализма находит свое воплощение в небывало быстром темпе роста населения. Показательны цифры: по переписи 17 декабря 1926 г. население СССР составляло 147 027 915 человек; по переписи 17 января 1939 г. оно возросло до 170 467 186 человек. За 12 лет население СССР увеличилось, таким образом, на 23 439 271 человек, т. е. на 15,9%. Этот небывало быстрый рост населения Советского Союза является прямым результатом победы социализма, результатом коренных изменений, которые произошли за истекшие 12 лет в нашей стране.

За эти 12 лет наша родина превращена в страну передовой социалистической индустрии, в страну самого крупного в мире передового социалистического сельского хозяйства — в мощную социалистическую державу.

За минувшие 12 лет произошли коренные изменения в соотношении классовых сил внутри страны. Ликвидированы капиталистические элементы, навсегда уничтожены безработица в городе, пауперизм в деревне. В СССР обеспечено дружественное сотрудничество рабочих, крестьян и интеллигенции, невиданно укрепилось морально-политическое единство советского общества.

Победа социалистического строя законодательно закреплена в новой Конституции СССР, в великом творении гения человечества — товарища Сталина. В нашей стране «...осуществлена в основном первая фаза коммунизма, социализм» (Сталин). СССР вступил в период завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

¹ Маркс и Энгельс, Письма, Соцэкгиз, 1931, стр. 163.

Огромный рост населения СССР является результатом именно этих экономических, социальных и культурных изменений, происшедших в нашей стране за годы двух пятилеток, результатом заботы государства о человеке, о людях; «...из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» (Сталин).

По темпам роста населения СССР оставил далеко позади капиталистические страны. Показательно в этом отношении следующее сопоставление: население СССР за 1927—1938 гг. увеличилось на 23,4 млн. человек, или на 15,9%; население всей капиталистической Европы за тот же период увеличилось с 367 млн. до 399 млн. человек — на 32 млн., или на 8,7%; население всех капиталистических стран Европы, США и Японии увеличилось за тот же период с 545 млн. до 602 млн. человек — на 57 млн., или на 10,4%.

Таким образом, темпы роста населения в СССР в полтора — два раза выше, чем в капиталистических странах. Еще ярче выступает огромный рост населения СССР при сравнении с главнейшими странами капиталистического мира.

	Прирост населения за 1927—1938 гг. (в %)	Среднегодовой естественный прирост населения (в %)
СССР	15,9	1,23
США	11,0	0,67
Германия	7,0	0,62
Англия	5,0	0,36
Франция	2,7	0,08

Эти цифры характеризуют две системы — два мира. Они свидетельствуют об огромных преимуществах социалистической системы хозяйства перед капиталистической системой.

Замечательная особенность социалистического развития СССР состоит в том, что вместе с огромным ростом населения страны еще более быстрыми темпами растет народный доход, общественное богатство тружеников социалистического общества, их материальное благополучие и культурный уровень. Народный доход СССР вырос с 21,7 млрд. руб. в 1926 г. до 105 млрд. руб. в 1938 г., т. е. на 384%. Этот рост происходил на основе коренных изменений в социальной структуре населения СССР.

Социальный состав населения СССР (в %)

	1928 г.	1937 г.
Рабочие и служащие	17,3	34,7
Колхозное крестьянство и кооперированные кустари	2,9	55,5
Крестьяне-единоличники и некооперированные кустари	72,9	5,6
Прочие трудящиеся население (учащиеся, армия, пенсионеры)	2,4	4,2
Капиталистические элементы (нэпманы, кулаки)	4,5	—
В т. ч. кулаки	3,7	—
Итого	100,0	100,0

Если в 1926 г. известная часть народного дохода являлась достоянием капиталистических и других нетрудовых элементов, то в 1938 г. весь народный доход СССР составлял достояние только трудящегося народа.

II

Одним из замечательных итогов истекших 12 лет является огромный рост городского населения Советского Союза.

	Городское население (в тыс.)	В % ко всему населению
17 декабря 1926 г.	26 314,1	17,9
17 января 1939 г.	55 909,9	32,8

За 12 лет городское население СССР увеличилось более чем в два раза. Теперь оно составляет одну треть всего населения, тогда как в 1926 г. составляло менее одной пятой.

Рост городского населения СССР непосредственно связан с социалистической индустриализацией страны. К началу 1926 г. численность его достигла довоенного уровня России. Быстрый рост городского населения начался в период борьбы партии за индустриализацию страны и особенно интенсивно происходил в годы первой и второй пятилеток. Характерно следующее сопоставление: в 1926 г. промышленность СССР дала продукции на 15,9 млрд. руб., в 1938 г. стоимость продукции промышленности выражалась уже в сумме 106 млрд. руб., увеличившись за это время в 6,7 раза. За этот же период городское население СССР выросло в 2,1 раза. Сопоставление роста промышленности и городского населения свидетельствует об огромном подъеме производительности его труда.

В помещичье-буржуазной России городское население наиболее значительно возросло в период 1897—1913 гг., увеличившись на 8,9 млн. человек, или в среднем на 500 тыс. человек в год. В СССР в течение 1927—1938 гг. городское население увеличивалось в среднем на 2 460 тыс. человек в год, т. е. рост был почти в 5 раз больше, чем в царской России.

Из современных капиталистических стран США по праву считаются первыми по темпам роста городского населения. За период с 1920 до 1930 г. городское население США увеличилось на 14,7 млн. человек, или на 27%¹. В СССР за 12 лет (1927—1938) городское население увеличилось на 29,6 млн. человек, или на 112,5% к уровню 1926 г.

По количеству городского населения наша страна уже в 1930 г. занимала первое место в Европе и второе (после США) в мире, между тем еще в 1927 г. СССР в этом отношении стоял позади Германии и Англии. В настоящий момент одно только городское население Советского Союза (55,9 млн. человек) больше, чем все население Великобритании (46 337 тыс. человек в 1932 г.), Франции (41 840 тыс. человек в 1932 г.), Италии (41 664 тыс. человек в 1932 г.). Мы не говорим уже о том, что социальная структура городского населения СССР совершенно иная, чем в капиталистических странах.

За счет каких источников выросло так бурно городское население СССР с 1927 до 1938 г.?

Во-первых, за счет перемещения в города сельского населения — 18,5 млн. человек; во-вторых, за счет преобразования многих сельских населенных мест в городские — 5,8 млн. человек; в-третьих, за счет естественного прироста городского населения — 5,3 млн. человек.

¹ Statistical Abstract of the Us. 1935.

Перепись 17 января 1939 г. установила, что сельское население СССР насчитывает 114 557 278 человек; в 1926 г. оно составляло 120 713 801 человек; естественный прирост сельского населения за истекшие 12 лет дал 18,1 млн. человек. Таким образом, перемещение в города сельского населения превысило его естественный прирост, значительный по своему размеру. За этот период сельское население уменьшилось на 6,2 млн. человек, или на 5,1%.

В нашей стране перемещение сельского населения в города ничего общего не имеет с процессом роста городского населения за счет земледельческого в капиталистических странах. В последних, как и в помещичье-буржуазной России, городское население растет за счет постоянно разоряющегося крестьянства, выталкиваемого капитализмом из деревни в город, где оно пополняет ряды пролетариата, увеличивает постоянно растущее относительное перенаселение, а в период всеобщего кризиса капитализма усиливает, кроме того, и хроническую безработицу. Наше колхозное крестьянство обеспечено в колхозах и работой и зажиточной жизнью. В СССР перемещение сельского населения в города вытекает из планомерного перераспределения рабочей силы внутри одной социалистической системы — между социалистическим городом (промышленность, транспорт) и колхозной деревней (сельское хозяйство) — в интересах общего развития социалистических производительных сил. Это — организованное размещение рабочей силы в социалистическом хозяйстве.

В Советском Союзе перемещение сельского населения в города является процессом отнюдь не односторонним. Город получает от колхозной деревни не только дополнительную рабочую силу, необходимую для промышленности и транспорта. В отличие от капиталистических городов социалистический город привлекает ежегодно сотни тысяч людей в школы, техникумы, вузы и т. д. с целью подготовки для колхозной деревни квалифицированных кадров и ежегодно направляет в колхозную деревню сотни тысяч мастеров, техников, агрономов, инженеров, врачей, учителей и т. д. и т. д.

Увеличение городского населения СССР в связи с преобразованием многих сельских населенных мест в города, на основе создания в них новых промышленных очагов, также является результатом социалистической индустриализации страны.

Огромное по своим размерам перемещение сельского населения в города происходило в нашей стране одновременно с коллективизацией сельского хозяйства. Если в 1926 г. коллективизация охватила всего лишь 1,7% крестьянских хозяйств, то в 1938 г. было коллективизировано 93,5%. В 1926 г. стоимость продукции сельского хозяйства выражалась в сумме 14,8 млрд. руб., что составляло на одного сельского жителя 122,7 руб. В 1938 г. сельское хозяйство дало продукции на 18,5 млрд. руб. (в сравнимых ценах), что составляло уже 165,9 руб. на одного сельского жителя. Показательны данные об изменении товарной продукции зерна за этот период (в млн. пуд.):

	1926/27 г.	1938/39 г.
Всего товарной продукции зерна	630	2 230
В том числе:		
Колхозы и совхозы	38	2 225
Середняки и бедняки	466	—
Единоличники	—	5
Кулаки	126	—

Хлопка-сырца было собрано в 1926 г. 5 377 тыс. ц, а в 1938 г. — 26 870 тыс. ц.

За 12 лет товарная продукция зерна увеличилась в 3,5 раза, а сбор хлопка в 5 раз. Таким образом, при некотором уменьшении сельского населения его производительная сила на базе социалистического производства в сельском хозяйстве выросла в огромной степени.

Увеличение городского населения СССР за счет последовательно возрастающего естественного прироста является одной из замечательных сторон нашей действительности.

Социалистический труд, новые основы культуры и быта, запрещение аборт и забота советского правительства о материальном обеспечении женщин и детей, государственная помощь многодетным матерям, широкое развитие сети родильных домов, детских садов, яслей и т. д.— все это непосредственно содействует естественному приросту населения, уменьшению смертности, увеличению рождаемости. Достаточно сказать, что смертность в СССР по сравнению с царской Россией сократилась больше чем на 40%.

Иная картина в капиталистических странах. Капитализм вынуждает трудящиеся массы сокращать рождаемость; он несет с собой увеличение смертности. Естественный прирост населения в капиталистических странах падает. Так, за пять лет (с 1928 по 1933) он упал: в Германии — с 7,0 до 3,5 человек на 1 000 человек населения, в Англии и Уэльсе — соответственно с 5,0 до 2,1, во Франции — с 1,7 до 0,5.

Рождаемость населения в городах Советского Союза значительно выше, чем в городах капиталистических стран. Вот, например, данные по ряду городов:

Г о р о д а	Всего родилось (тыс.)	В среднем на 1 000 человек
Москва (1938 г.)	117,2	28,5
Ленинград (1938 г.)	83,8	27,4
Киев (1938 г.)	22,5	27,4
Харьков (1938 г.)	22,4	27,7
Баку (1938 г.)	26,9	33,9
Берлин (1936 г.)	59,5	14,1
Лондон (1936 г.)	56,3	13,6
Нью-Йорк (1936 г.)	99,4	13,5
Париж (1936 г.)	32,5	11,5

Как по абсолютному, так и по относительному числу родившихся Москва занимает первое место среди крупнейших городов мира. Количество родившихся в Москве в 1938 г.—117,2 тыс. человек — равно численности населения такого крупного города, как Мурманск (117 054 человека).

Еще более показательны данные об изменении естественного прироста городского населения СССР по сравнению с царской Россией. Для примера приведем ряд городов:

Г о р о д а	Отношение родившихся к умершим (в %)	
	1913 г.	1938 г.
Москва	130	195
Ленинград	124	169
Харьков	131	217
Минск	165	252

В 1936 г. отношение родившихся к умершим выражалось в следующих цифрах: в Берлине — 107%, в Лондоне — 110%. Во многих городах капиталистических стран вымирание трудящегося населения (превышение смертности над рождаемостью) становится все более и более частым явлением.

Характерны исчисления перспектив роста населения в капиталистических странах. В Англии, например, Национальным статистическим комитетом исчислена такая перспектива естественного прироста населения на 1931—1941 гг. «Предполагается, что население Англии и Уэльса за десятилетие 1931—1941 гг. возрастет на 2,6% и составит около 41 000 000 человек при росте населения за период 1921—1931 гг. на 5,5%. Это предположение основывается на том, что за время с 1931 г. до середины 1934 г. прирост выражается всего лишь в 1,3%, а все население составило 40 467 тыс. человек. По имеющимся показателям, тенденция замедления роста населения будет иметь место до конца десятилетия»¹.

Предполагаемый этим исчислением прирост населения Англии и Уэльса за 1931—1941 гг. составит 1 050 тыс. человек.

В СССР при нынешних темпах роста населения (они будут в дальнейшем последовательно возрастать) ежегодный прирост его за 1927—1938 гг. был равен 2 млн. человек, т. е. в 2 раза больше, чем исчисляемый на десятилетие прирост населения в Англии.

III

Широкий размах социалистического строительства в первой и второй пятилетках сопровождался равномерным размещением крупного социалистического производства и населения по всей стране. Этим самым создавалась прочная основа для уничтожения противоположности между городом и деревней, а также для социалистического расселения.

Пути преобразования городов и деревень на началах социалистического расселения четко указаны в решениях июньского (1931 г.) пленума ЦК ВКП(б): «Индустриализация страны, создание новых промышленных очагов в крестьянских районах, переустройство всего сельского хозяйства на социалистических началах ведут не только к росту населения и прежде всего пролетариата в старых городах, но и к возникновению новых городов, к превращению так называемых городских поселков и нынешних районных центров в социалистические города, которые должны обеспечить культурный подъем и охрану здоровья широких трудящихся масс, повышение производительности труда и освобождение женщины-работницы от оков домашнего хозяйства»².

Коренная реконструкция старых промышленных предприятий и огромное новое промышленное строительство создали прочную материальную базу для роста и развития старых городов, большинство которых в прошлом не имело или почти не имело крупной промышленности. В свою очередь создание новых промышленных очагов в сельских районах сопровождалось строительством новых городов и рабочих поселков. Развитие городского строительства СССР идет, таким образом, и вширь и вглубь.

Сотни сел и деревень превращены в города и рабочие поселки. Созданы сотни новых городов и рабочих поселков. Они возникли по всей огромной территории Советского Союза — за полярным

¹ Census of England and Wales, 1931, Housing Report and Tables, 1935.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 472.

кругом, на побережье Великого Северного морского пути (Кировск, Игарка); в тайге Приамурья (Комсомольск); в бассейне далекой р. Колымы (Магадан); в огромной Якутии; на просторах Сибири (Сталинск); в горах и предгорьях Урала (Магнитогорск, Березники, Красноуральск); в Прибалхашье (Балхаш) и в Кара-Кумах (Кара-Богаз-Гол); в степях Калмыкии (Элиста); в горах Кавказа (Микоян-Шахар) и т. д. и т. д. Новые центры промышленности и культуры возникли там, где веками дремала природа, где до того не ступала нога человека.

За годы двух пятилеток разрослись и коренным образом изменились старые промышленные центры. Социалистическое преобразование страны требовало превращения исторически сложившихся промышленных городов в мощные центры крупного производства, покоящегося на высокой передовой технике, соответствующей эпохе социализма. Как бы значительна ни была дореволюционная промышленность этих городов, одна она, будучи восстановлена, не могла служить твердой основой их развития. Поэтому необходима была коренная реконструкция промышленности и огромное новое строительство в старых промышленных центрах. Отсюда и рост их населения.

Рост населения некоторых старых промышленных центров характеризуется следующими данными:

Города	Население (в тыс.)			Рост (в %)	
	1917 г.	17/XII 1926 г.	17/I 1939 г.	1939 г. к 1917 г.	1939 г. к 1926 г.
Москва	1 701,3	2 029,4	4 137,0	243,2	203,9
Ленинград	2 165,0	1 690,1	3 191,3	147,4	188,8
Харьков	313,2	417,3	833,4	266,1	199,7
Баку	248,3	453,3	809,3	325,9	178,5
Горький	148,1	222,4	644,1	434,9	289,6
Днепропетровск	216,8	236,7	500,7	231,5	211,5
Ярославль	125,2	114,3	298,1	238,1	260,8
Иваново	85,2	111,5	285,1	334,6	255,7
Тула	156,6	155,6	272,4	173,9	175,7
Калинин	101,1	108,4	216,1	213,7	199,4

Население старых промышленных центров выросло в два-три раза и более. Вместе с этим старые промышленные пункты, считавшиеся до революции рабочими поселками, а то и просто сельскими пунктами, превращены в крупные центры социалистической индустрии и культуры. Таковы многочисленные промышленные пункты Донбасса, Урала, Центрального промышленного района. Население их увеличилось в несколько раз. Так, б. Юзовка (г. Сталино) насчитывала в 1917 г. 48,4 тыс. жителей. В 1926 г. г. Сталино имел уже 174,2 тыс. жителей. По переписи 1939 г., в нем 462,4 тыс. человек. За 1917—1939 гг. население г. Сталино увеличилось, таким образом, в 9,5 раза. Возьмем Макеевку. В 1917 г. это был небольшой рабочий поселок с 15,9 тыс. жителей. Сейчас это крупный промышленный центр с 240,1 тыс. жителей. Или б. село Каменское — ныне г. Днепродзержинск. В 1917 г. в нем было 35,5 тыс. жителей, а в настоящее время — 147,8 тыс. жителей. Горловка сейчас насчитывает 108,7 тыс. жителей, Константиновка — 95,1 тыс., Краматорск — 93,4 тыс., Орджоникидзе — 88,2 тыс., Красный луч — 50,8 тыс. и т. д. Это в Донбассе. На Урале выросли такие крупные города, как Нижний Тагил, Надеждинск, Березники, Лысьва и др.

В крупные промышленные центры превращены за годы двух пятилеток также города, имевшие до революции преимущественно торговое или торгово-промышленное значение, как, например, Одесса, Ростов на Дону, Саратов, Самара (ныне Куйбышев), Астрахань, Владивосток, Царицын (ныне Сталинград), Екатеринбург (ныне Свердловск), Новониколаевск (ныне Новосибирск), Архангельск и т. д. Нельзя сказать, что города эти не имели до революции промышленности. Промышленность, главным образом пищевая и легкая и в меньшей степени — тяжелая, в них была. Но решающую роль в их развитии вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции играла торговля. Интересы социалистического преобразования страны и равномерного размещения крупного производства требовали индустриализации этих городов. В настоящее время они получили прочную основу для своего развития — крупную социалистическую индустрию. Рост населения некоторых таких городов характеризуется следующими данными: Сталинград (б. Царицын) — 1917 г. — 132,7 тыс., 1926 г. — 151,5 тыс. и 1939 г. — 445,5 тыс. человек; Новосибирск (б. Новониколаевск) — соответственно 69,8 тыс., 120,1 тыс. и 405,6 тыс. человек; Куйбышев (б. Самара) — 228 тыс., 175,6 тыс. и 390,3 тыс. человек; Саратов — 223,4 тыс., 219,5 тыс. и 375,9 тыс. человек; Воронеж — 126,9 тыс., 121,6 тыс. и 326,8 тыс. человек; Архангельск — 48,2 тыс., 76,8 тыс. и 281,8 тыс. человек и т. д.

Население большинства таких городов увеличилось в два-три раза и более. По темпам роста населения эти города не только не уступают старым промышленным центрам, а, напротив, превосходят последние.

За годы двух пятилеток превращены в крупные промышленные центры многие города бывших национальных окраин, имевшие до революции преимущественно административно-торговое значение и являвшиеся опорными пунктами колонизаторской политики русского самодержавия.

Вот данные о росте населения некоторых таких городов:

Города	Население (в тыс.)			Рост (в %)	
	1917 г.	17/XII 1926 г.	17/I 1939 г.	1939 г. к 1917 г.	1939 г. к 1926 г.
Киев	467,7	513,6	846,3	180,9	164,8
Ташкент	151,2	323,6	585,0	386,9	180,8
Тбилиси	246,0	294,0	519,2	211,1	176,6
Уфа	106,7	98,5	245,9	230,5	249,6
Минск	152,6	131,8	238,8	156,5	181,2
Алма-Ата	35,4	45,4	230,5	651,1	507,7
Ереван	34,0	64,6	200,0	588,2	309,6
Ижевск	38,9	63,2	175,7	451,6	278,0
Улан-Уде	21,5	28,9	129,4	601,9	447,7
Орджоникидзе	80,0	78,3	127,2	159,0	162,4
Ашхабад	58,9	51,6	126,6	214,9	245,3
Фрунзе	13,5	36,6	92,7	686,7	253,3
Махач-Кала	17,9	33,6	86,8	484,9	258,3

Многие в прошлом небольшие города являются ныне крупными промышленными и культурными центрами, достойными столицами союзных и автономных республик, автономных областей. Старая, присущая феодально-империалистической России, ограниченность развития городов преимущественно в центральной России отошла в историческое прошлое. По темпам роста, по размаху строительства города национальных образований Советского Союза не от-

стают от многих старых городов. Они ликвидируют свою отсталость, развивая всемерно городскую культуру, национальную по форме, социалистическую по содержанию.

Итоги Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г. свидетельствуют об огромном росте населения союзных и автономных республик, о торжестве национальной политики партии Ленина—Сталина.

За годы двух пятилеток созданы новые мощные центры социалистической индустрии, на базе которых выросли новые большие социалистические города: это—Б. Запорожье—289,2 тыс. жителей, Сталинск—169,5 тыс., Караганда—165,9 тыс., Магнитогорск—145,9 тыс., Кемерово—133,0 тыс., Мурманск—117,1 тыс., Прокопьевск—107,2 тыс., Дзержинск—103,4 тыс., Сталинабад—82,5 тыс., Сталиногорск—76,2 тыс., Комсомольск—70,7 тыс. и т. д.

Замечательной чертой городского строительства Советского Союза является быстрый рост больших городов. На эту сторону развития наших городов указывал товарищ Сталин в докладе XVII съезду ВКП(б): «Выросли почти на пустом месте новые большие города с большим количеством населения. Колоссально разрослись старые города и промышленные пункты»¹.

Рост больших городов вытекает из самой природы нашего социалистического строя. Создание мощных очагов крупного социалистического производства, целесообразно размещаемых по всей стране, предполагает образование на базе их больших городских центров.

Характерны в этом отношении следующие данные:

Группировка городов	17/XII 1926 г.		17/I 1939 г.	
	число городов	население (в тыс.)	число городов	население (в тыс.)
Москва	1	2 029,4	1	4 137,1
Ленинград	1	1 690,1	1	3 191,3
Города от 500 тыс. до 1 000 тыс. жителей	1	513,6	9	5 852,5
» » 400 » » 500 » »	3	1 291,5	5	2 140,7
» » 300 » » 400 » »	2	631,7	3	1 093,0
» » 200 » » 300 » »	4	972,7	20	4 949,2
» » 100 » » 200 » »	21	2 860,4	43	6 069,2
Итого по городам с населением свыше 100 тыс. человек	33	9 989,4	82	27 432,8
Города от 50 тыс. до 100 тыс. жителей	57	3 903,2	92	6 703,9
Итого по городам с населением свыше 50 тыс. человек	90	13 892,6	174	34 136,6
Города и городские поселения с количеством жителей до 50 тыс. человек	744	12 421,5	2 196	21 773,3
Всего	834	26 314,1	2 370	55 909,9

Население городов, рабочих поселков и других населенных мест городского типа, насчитывающих до 50 тыс. жителей, увеличилось

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 553.

за этот период с 12,4 млн. до 21,8 млн. человек, или на 75,8%; население городов с числом жителей в 50—100 тыс. человек увеличилось с 3,9 млн. до 6,7 млн. человек, или на 71,8%; население городов, насчитывающих свыше 100 тыс. жителей, увеличилось с 9,99 млн. до 27,4 млн. человек, или на 174,3%.

Замечательнее всего то, что удельный вес населения, проживающего в больших городах, заметно вырос как по отношению к городскому населению — с 37,9 до 49,1%, так и по отношению ко всему населению Союза — с 6,8 до 16,1%. Иначе говоря, в настоящее время половина городского населения Советского Союза проживает в больших городах, пользуясь всеми теми условиями, которые сегодня предоставляют трудящимся эти центры социалистической индустрии и культуры.

По темпам роста больших городов Советский Союз занимает первое место в мире. Между тем еще недавно такой страной были США. В США за период 1920—1930 гг. число городов с населением свыше 100 тыс. жителей увеличилось с 68 до 93, или на 36,8%, а в СССР за период 1927—1938 гг. — на 148,5%; население этих городов в США за тот же период увеличилось с 27,4 млн. до 36,3 млн. человек, или на 32%, тогда как в СССР оно увеличилось на 174,3%.

По удельному весу городского населения, проживающего в больших городах (с населением свыше 100 тыс. человек), Советский Союз занимает в настоящее время второе место в мире, а именно: Англия — 59,7%, СССР — 49,1, США — 46,5, Германия — 45,2, Франция — 40,1%.

Но дело не только в этом, суть в принципиально различной природе роста и развития больших городов у нас и в капиталистическом мире.

В капиталистических странах население «так же централизуется, как и капитал, что вполне естественно, ибо в промышленности человек, рабочий, рассматривается лишь как своего рода капитал, которому фабрикант за пользование им платит проценты под видом заработной платы»¹.

Крайняя неравномерность развития, стихийность размещения капиталистического производства являются причиной неравномерного расселения людей и роста городов в капиталистических странах. Там наряду с несколькими городами-спрутами с противоестественным скоплением в них гигантских масс населения имеются десятки тысяч небольших заброшенных городков. В США, например, пять городов-гигантов с населением свыше 1 млн. человек (Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Детройт, Лос-Анжелос) насчитывают вместе 15 064,5 тыс. жителей, а 13 433 небольших города — 9 183,6 тыс. жителей.

В Советском Союзе население, в частности городское, расселяется в соответствии с планомерным размещением по стране крупного социалистического производства. Тот контраст в расселении, который имел место, как и во всякой капиталистической стране, в помещичье-буржуазной России, последовательно и быстро изживается. «Характерной чертой социалистического пути развития наших городов является именно то, что на основе целесообразного размещения производительных сил, использования естественных богатств, энергетических и сырьевых баз всей страны мы идем к постепенной ликвидации противоречия между городом и деревней, т. е. к развитию современной промышленности, к развертыванию передовой го-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 318.

родской социалистической культуры там, где ее раньше не было, где были одичалость и вековая темнота»¹.

Большие капиталистические города ярко выражают собой классовую эксплуататорскую сущность капитализма. В каждом из них два города: фешенебельные районы буржуазии и многочисленные трущобные районы и окраины, населенные пролетариатом. Это деление было присуще городам помещичье-буржуазной России, в частности Москве и Петербургу.

Великая Октябрьская революция навсегда ликвидировала эксплуататорскую сущность городов, изменила их облик. В докладе XVII съезду партии товарищ Сталин дал яркую картину коренного различия между капиталистическими и социалистическими городами: «Изменился облик наших крупных городов и промышленных центров. Неизбежным признаком крупных городов буржуазных стран являются трущобы, так называемые рабочие кварталы на окраинах города, представляющие груды темных, сырых, большей частью подвальных, полуразрушенных помещений, где обычно ютятся неимущий люд, копошась в грязи и проклиная судьбу. Революция в СССР привела к тому, что эти трущобы исчезли у нас. Они заменены вновь отстроенными хорошими и светлыми рабочими кварталами, причем во многих случаях рабочие кварталы выглядят у нас лучше, чем центры города»².

Социалистические города не допускают стихийного роста и тем более противоестественного скопления в них гигантских масс населения, как это имеет место в капиталистических странах. В социалистическом, разумно организованном обществе города растут и развиваются в соответствии с общими интересами всестороннего развития производительных сил и прежде всего главной и решающей силы — строителей социалистического общества.

Июньский (1931 г.) пленум ЦК ВКП(б) дал четкие указания о путях роста и развития наших крупных городских центров: «Учитывая, что дальнейшее развитие промышленного строительства страны должно идти по линии создания новых промышленных очагов в крестьянских районах и тем самым приближать окончательное уничтожение противоположности между городом и деревней, пленум ЦК считает целесообразным нагромождение большого количества предприятий в ныне сложившихся крупных городских центрах и предлагает в дальнейшем не строить в этих городах новых промышленных предприятий, в первую очередь не строить их в Москве и Ленинграде, начиная с 1932 г.»³.

XVIII съезд ВКП(б) подтвердил это решение и распространил его на ряд других крупных городов. Съезд постановил: «Обеспечить должный контроль за выполнением решений ЦК ВКП(б) и СНК СССР о запрещении строительства новых предприятий в Москве и Ленинграде, а также распространить это постановление на Киев, Харьков, Ростов на Дону, Горький, Свердловск, в которых впредь запретить строительство новых предприятий»⁴.

Развитие наших городов и колхозных сел идет по пути уничтожения противоположности между городом и деревней, по пути нового,

¹ Л. Каганович, За социалистическую реконструкцию Москвы и городов СССР, «Московский рабочий», 1931, стр. 68.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 571.

³ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 478.

⁴ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу г. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 26.

социалистического расселения, чуждого как урбанизации населения в немногочисленных крупных центрах, так и дезурбанизации, направленной к ликвидации городов.

За годы двух пятилеток в огромной степени выросла культура наших городов, что особенно ярко выступает на примере столицы СССР — Москвы. В городах и рабочих поселках построено за это время органами советской власти и кооперативами 50,3 млн. кв. м новой жилой площади. В огромной степени выросло коммунальное обслуживание населения. За 1928—1937 гг. число городов, имеющих водопровод, увеличилось с 312 до 387, канализацию — с 32 до 101, трамвай — с 39 до 74, автобусное сообщение — с 40 до 217, бани — с 748 до 1 145, прачечные — с 27 до 153. За годы второй пятилетки в Москве построен лучший в мире метрополитен, в 5 крупных городах (Москва, Ленинград, Киев, Тбилиси, Ростов на Дону) организовано троллейбусное сообщение. Значительно выросло потребление электроэнергии на коммунально-бытовые нужды. Огромная работа проведена по благоустройству городов — их асфальтированию, озеленению и т. д. За годы двух пятилеток в коммунальное хозяйство городов вложено 8,45 млрд. руб.

В нашей стране развиваются подлинно социалистические города, достойные эпохи победившего социализма.

* * *

Значение Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г. огромно не только для учета и показа изменений, происшедших в СССР за период между двумя переписями. Она играет еще большую роль в планировании нашего народного хозяйства, в дальнейшем подъеме материального благосостояния и культурного уровня народов СССР. Первые итоги переписи населения послужат ценнейшим материалом для научно-исследовательской работы в области экономики социалистического государства, в частности для разработки проблемы догнать и перегнать в экономическом отношении главные капиталистические страны в течение ближайших 10—15 лет, — этой основной экономической задачи СССР, поставленной перед партией и всем советским народом великим Сталиным.

Итоги и перспективы технического развития каменноугольной промышленности СССР

В докладе на XVIII съезде ВКП(б) товарищ Сталин указывал: «Наиболее важным результатом в области развития народного хозяйства за отчетный период нужно признать завершение реконструкции промышленности и земледелия на основе новой, современной техники»¹.

Проблему реконструкции народного хозяйства страны на базе новой техники выдвинул В. И. Ленин вскоре после Октябрьской революции. Эта проблема получила конкретную разработку уже в плане Гозлро, который Ленин назвал второй программой партии.

Широкое техническое перевооружение народного хозяйства было развернуто после провозглашения товарищем Сталиным на XIV съезде партии политики индустриализации страны. Ускоренными темпами техническая реконструкция начала осуществляться в период первой пятилетки и свое основное завершение она получила во второй пятилетке.

Историческая задача создания материально-технической основы социализма в СССР осуществлена в невиданно короткие сроки, несмотря на крайнюю технико-экономическую отсталость страны к моменту свержения капитализма и жестокую хозяйственную разруху вследствие империалистической и гражданской войн.

В создании материально-технического базиса социализма важную роль играет развитие и глубокое техническое перевооружение горно-топливной индустрии и ее ведущего звена — каменноугольной промышленности. На огромное значение каменноугольной промышленности указал В. И. Ленин в своем выступлении на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих в апреле 1920 г.: «...без угольной промышленности никакая современная промышленность, никакие фабрики и заводы не мыслимы»².

В СССР каменноугольная промышленность является одной из ведущих отраслей индустрии страны. Успехи развития этой отрасли промышленности в СССР велики. Темпы добычи угля неуклонно растут. Если в 1913 г. добыча составляла 29,1 млн. т, то к началу первой пятилетки она выросла до 35,5 млн., второй пятилетки — до 64,4 млн. и третьей пятилетки — до 128 млн. т. В 1942 г. добыча угля в СССР должна составить 243 млн. т.

Властители царской России не в состоянии были развернуть разработку богатейших каменноугольных месторождений в стране и вели народное хозяйство к топливной катастрофе, которая и разразилась во время империалистической войны. Несмотря на огромные запасы в недрах, в 1913 г. свыше 15% потребности страны в каменном угле было покрыто за счет импорта. Русские углепромышленники, объеди-

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 18.

² Ленин, Соч., т. XXV, стр. 131.

ненные в монополистические организации, умышленно держали страну на голодном топливном пайке, обеспечивая таким путем получение сверхприбылей.

Ленин и Сталин создали гениальный план ликвидации топливного дефицита, «угольного голода», оставленного в наследство дореволюционной экономикой. В основу этого плана были положены следующие идеи:

а) техническое перевооружение энергетики страны на базе электрификации; это открывало перспективы широкого использования гидроэнергии, а также развития добычи низкосортного местного топлива для сжигания в топках электростанций;

б) вовлечение в эксплуатацию новых каменноугольных бассейнов, перед которыми открывались особые перспективы в условиях электрификации страны;

в) минерализация топливного баланса, так как только минеральное топливо могло быть базой крупной промышленности;

г) механизация топливной и в частности каменноугольной промышленности, полная техническая реконструкция ее на основе развития горного машиностроения.

Осуществление этого ленинско-сталинского плана позволило выйти из топливных затруднений в период гражданской войны, обеспечить снабжение народного хозяйства каменным углем на всех этапах социалистического строительства и поставить на XVIII партийном съезде задачу создания государственных резервов топлива.

Большевистская политика восстановления и реконструкции каменноугольной промышленности встречала яростное сопротивление классовых врагов на всех этапах развития этой отрасли. Крайне острую форму приняла классовая борьба в горной промышленности в начале первой пятилетки. Контрреволюционные вредительские организации буржуазных специалистов пытались сорвать реконструкцию каменноугольной промышленности, утаить лучшие пласты, вывести из строя, затопить отдельные шахты. Вредительская деятельность «шахтинцев» и членов «Промпартии» была разоблачена. Партия большевиков мобилизовала горняцкие массы на преодоление последствий вредительства и развертывание каменноугольной промышленности под лозунгом овладения техникой, выдвинутым товарищем Сталиным.

Победоносное осуществление первой пятилетки, блестящие успехи социалистического строительства во второй пятилетке приводили в ярость врагов народа, и они все более активизировались. Под видом концентрации горных работ вредители закрывали шахты, забрасывали участки, заваливали забои, замедляли проходку штреков, срывали работы по поддержанию горных выработок. Подлые троцкистско-бухаринские шпионы и диверсанты организовывали на шахтах диверсии и аварии. Но так же, как и на предшествовавших этапах, враги народа были разгромлены и уничтожены. Ликвидируя последствия вредительства, выдвигая на командные посты новые, молодые силы, опираясь на стахановцев и ударников, армия горнорабочих вступила в третью пятилетку под лозунгом товарища Сталина о политическом воспитании кадров и овладении большевизмом.

Основой успешного развития каменноугольной промышленности была ее коренная техническая реконструкция. Задачу реконструкции горно-топливной промышленности Ленин ставит еще в 1920 г. В 1921 г. Ленин глубоко интересуется техническими вопросами, выясняя наличие врубовых машин в Донбассе, возможности их рационального использования.

Вопросами технической реконструкции каменноугольной промыш-

ленности партия, правительство и лично товарищ Сталин занимаются на всех последующих этапах развития народного хозяйства. Огромную роль в подъеме этой отрасли индустрии сыграла работа комиссии под руководством т. Молотова в Донбассе (1930 г.).

Направление технического развития каменноугольной промышленности было определено решениями XVII конференции и XVII съезда ВКП(б), выдвинувших в качестве основной и решающей хозяйственной задачи второй пятилетки завершение технической реконструкции всего народного хозяйства.

Во всем многообразии мероприятий, которые были проведены для технического перевооружения каменноугольной промышленности, прежде всего необходимо выделить основное направление—механизацию трудоемких процессов. Именно эту сторону технической реконструкции подчеркивали Ленин и Сталин. Выступая на совещании хозяйственников в июне 1931 г., товарищ Сталин говорил, что «...механизация процессов труда является той н о в о й для нас и р е ш а ю щ е й силой, без которой невозможно выдержать ни наших темпов, ни новых масштабов производства»¹.

Первый этап технического развития каменноугольной промышленности определяется механизацией процессов зарубки, отбойки и доставки угля вдоль забоя. В период первой пятилетки были достигнуты значительные успехи на этих участках, особенно в новых шахтах.

Второй этап в техническом развитии связан с выполнением директивы партии о подтягивании механизации остальных процессов угледобычи до уровня механизации зарубки. На этой стороне технической реконструкции фиксировал внимание страны XVII съезд ВКП(б) в директивах по второму пятилетнему плану. Вторая пятилетка создала предпосылки для постановки вопроса о завершении комплексной механизации, под знаком которой происходит техническое развитие каменноугольной промышленности в целом и ее отдельных звеньев.

XVIII съезд ВКП(б), утверждая основные задачи третьего пятилетнего плана, постановил: «Завершить комплексную механизацию добычи угля во всех угольных районах страны и организовать добычу угля на основе внедрения во всех угольных районах страны графика циклической работы — основы стахановской производительности труда шахтеров»².

На участке геологических разведок достижения рисуются следующими цифрами: в 1913 г. известные запасы каменного угля в современных границах СССР составляли около 230 млрд. т, или 3% мировых запасов; на 1 января 1937 г. эти запасы выросли до 1 654 млрд. т, составив уже 20% мировых запасов. Особенно важно отметить тот факт, что рост разведанных запасов происходил главным образом не в старых угольных бассейнах, а в новых периферийных месторождениях угля. Это создавало предпосылки для более равномерного развития промышленности на территории страны. Изучение и освоение угольных ресурсов Кузбасса послужило основой для создания второй угольно-металлургической базы СССР. Разведанные запасы Караганды позволили создать третью мощную угольную кочегарку страны. Радикально изменились перспективы развития Подмосковского бассейна. Распространение угленосной площади Донбасса к юго-востоку, к северу и северо-западу меняет традиционные представления об этом старом бассейне и путях его дальнейшего развития.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 450.

² Резолюция XVII съезда ВКП(б) по докладу т. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 16.

Важнейшей задачей в третьей пятилетке является ликвидация разрыва между общими геологическими и промышленными запасами угля. Особо актуальной эта задача становится в связи с указанием XVIII съезда ВКП(б) о том, что в третьей пятилетке должны строиться, главным образом, шахты небольшой и средней мощности. Общая мощность шахт, которые должны быть заложены в течение третьей пятилетки, составит 170 млн.

Рост изученных запасов каменного угля в недрах был связан с технической реконструкцией всего разведочного дела. За истекший период освоены геофизические методы разведок. Эффективность этих новых методов и освоение производства необходимой аппаратуры создают предпосылки для дальнейших успехов горных разведок.

Радикально изменились и методы разведочного бурения. От штанговых и канатных ударных станков горная промышленность переходит к колонковым вращательным станкам. С 1928/29 г. в СССР налаживается производство буровых вращательных станков; с 1932 г. импорт этого оборудования прекращается. С развертыванием стахановского движения создается новый станок —ЗВ-750, снабженный гидравлической подачей; по своей производительности он в два раза превосходит старые станки.

Важным моментом в техническом перевооружении разведок, в том числе и на уголь, был переход к дробовому бурению. Впервые в СССР дробовое бурение было применено в 1924 г. С 1928 г. оно получает широкое распространение. Дальнейшая рационализация дробового бурения развертывается под влиянием стахановского движения. До стахановского движения считали, например, необходимым производить засыпку дробы малыми порциями. Стахановцы перешли к засыпке большими порциями, повысив скорость бурения на 50—100%.

Всемерно осваивая в третьей пятилетке новые стахановские методы разведок и совершенствуя мощные буровые станки, необходимо в то же время создать перелом в выпуске легких буровых станков, смонтированных на автомобиле. Без срочного разрешения этой задачи широкое вовлечение в эксплуатацию местных каменноугольных бассейнов и план строительства средних и небольших шахт в третьей пятилетке могут быть поставлены под угрозу.

Процесс технической реконструкции каменноугольной промышленности СССР развертывался прежде всего за счет создания новых, технически совершенных шахт. За 1920—1928 гг. было пройдено 56 шахт, за 1929—1932 гг. — 125 шахт, за 1933—1937 гг. — 102 шахты. В третьей пятилетке, как указано выше, будет заложено большое количество средних и небольших шахт.

Развертывание нового строительства в каменноугольной промышленности было связано с изменением обычных и специальных способов проходки, крепления и оборудования шахт. Для ускорения проходки горизонтальных выработок по однородной породе получают применение скреперные грузчики. Создается проходческий комбайн для проведения горизонтальных выработок по углю, комбайн инж. Чихачева — для проходки горизонтальных выработок по породе. Достижением советской техники является создание буро-сблочных машин.

Стахановское движение выдвинуло ряд новых, передовых методов скоростной проходки, особенно при проведении горизонтальных выработок (применение шелевого вруба, центральных буровых врубов, рассредоточенных зарядов).

Враги народа особенно много навредили в новом шахтном строительстве. Под прикрытием разговоров об экономических преимуществах шахт-гигантов (для Кузбасса, например, проектировалась шахта

в 7 млн. т годовой добычи), игнорировалось строительство средних и небольших шахт. Темпы строительства вредительски затягивались на 7—8 лет (шахты Григорьевская, Несветай-5, Брянская, Советская, Западно-капитальная и др.). Враги народа срывали осуществление ряда ценных предложений, ускоряющих и удешевляющих строительство (механизация уборки породы при проходке вертикальных и горизонтальных выработок, взрывные работы на выброс, применение специальных проходческих машин).

Перелом в строительстве шахт наступил в 1938 г., после ряда приказов т. Л. М. Кагановича, в которых нарком указывал пути скоростного шахтного строительства и предлагал реализовать передовые технические идеи в этом деле. Выполняя указания наркома, стахановцы шахты-новостройки Пролетарская-Крутая довели скорость проходки готового вертикального ствола до 50 м в месяц; на шахте Кураховка скорость проходения наклонного ствола была доведена до 142 м. Строительство четырех наркомовских шахт показало полную возможность строить шахты в 1 год вместо 7-8 лет.

Решающим условием скоростного шахтного строительства в третьей пятилетке является механизация горно-проходческих работ. Приказ № 123 (от 13 июня 1939 г.) наркома топливной промышленности т. Л. М. Кагановича дает развернутую программу действий в этом направлении. Нарком предлагает внедрить в 1939—1940 гг. ряд новых механизмов: легкие врубовые машины (ЛВШ) для работы в раскосах, универсальную врубовую машину (ГВУ) с поворотным баром для подготовительных работ на мощных пластах Кузбасса, проходческий комбайн (ПК-1) для проходки горизонтальных выработок по углю в условиях Подмосковского и Кузнецкого бассейнов, комбайн инж. Чихачева для проходки штреков по породе, ленточные перегружатели, породопогрузочные и навалочные машины. Для вертикальной проходки стволов шахт намечено внедрение машины Чихачева; для уборки взорванной породы при проходке стволов будут применены экскаватор Рикмана и грейферный кран Чугунова.

Глубокую техническую реконструкцию претерпели процессы выемки каменного угля. В царской России добыча угля производилась примитивными способами и базировалась на применении мускульной силы. В 1913 г. угледобыча была механизирована на 1,7%. В начале первой пятилетки удельный вес механизированной добычи составлял уже 16,3%, в начале второй пятилетки поднялся до 65,4% и в начале третьей пятилетки достиг почти 89,6%. Решающее значение для механизации выемки имеют тяжелые врубовые машины, на которые в начале третьей пятилетки приходилось свыше 46% общей добычи.

Исключительную роль в развитии механизации зарубки сыграло стахановское движение. Так же как и в других звеньях горного дела, стахановцы сломали узаконенные здесь технические нормы. Так, обычно, врубмашинисты работали со скоростью подачи не выше 0,53 м/мин. Стахановцы же увеличили скорость подачи до 1 м/мин и выше. Считалось научно обоснованным работать со скоростью резания в 1,85 м/сек. Стахановцы стали давать скорость резания до 2,5 м/сек и выше. Под влиянием стахановского движения широко развернулись работы над созданием новых, более совершенных врубовых машин, особенно с автоматической подачей. Третья пятилетка, в условиях которой процесс зарубки продолжает сохранять ведущую роль, ставит новые огромные задачи перед советским горным машиностроением. Упомянутый выше приказ т. Л. М. Кагановича о внедрении новых машин и механизации производственных процессов в угольной промышленности дает развернутую программу и в части дальнейшей механизации зарубки.

Каковы же основные направления в развитии механизации зарубки? Для мощных пластов должна быть изготовлена универсальная врубовая машина (ГВУ) с поворотным баром. Опытные образцы ее будут закончены уже в IV квартале 1939 г. Опыт применения таких машин в США дает основание предполагать, что в комбинации с механическими грузчиками они сыграют крупную роль в механизации процессов зарубки на мощных пластах и явятся основой создания комбайнов для подготовительных работ на мощных пластах.

Для подготовительных работ в маломощных пластах создается легкая врубовая машина.

Огромное значение имеет совершенствование врубовой машины для очистных работ.

В связи с развитием механизации и стремлением использовать врубовую машину как комбайн (в комбинации с отбойным баром и погрузочным транспортером) мощность существующей врубовой машины ГТК-3 оказалась недостаточной. Тов. Л. М. Каганович предлагает форсировать производство мощной врубовой машины «ГМА».

Второе место в механизации выемки занимают отбойные молотки, при помощи которых в начале третьей пятилетки было получено около 16% всей добычи. Производство отечественных отбойных молотков было освоено в 1929 г. заводом «Пневматика». Советские отбойные молотки «ОМ-5» получили широкое распространение в каменноугольной промышленности СССР. Стахановское движение толкнуло техническую мысль на создание более совершенных, облегченных отбойных молотков с уменьшенной отдачей и с большей силой удара. Достижением советской техники является создание электрического отбойного молотка «КНШ-3», успешно внедряемого на шахтах Подмосковского бассейна и в Кузбассе.

В процессе технической реконструкции каменноугольной промышленности осуществлена была механизация отбойки угля. Операции же навалки до сих пор не механизированы. Необходимо отметить, что стремление решить проблему механизации навалки угля в забое с помощью навалочных машин типа «НИС», которое имело место на протяжении последних 5—6 лет, является ошибочным. Навалочные машины этого типа в длинных лавах смогут иметь очень узкую сферу применения. Создание новой машины «С-1», которая будет отличаться от «НИС» габаритами, шириной питателя и загребающим механизмом, также не решает проблемы механизации навалки в длинных забоях, так как эта машина будет иметь небольшой фронт погрузки, требовать большого незакрепленного пространства, а на маневры при погрузке будет затрачиваться много времени. Необходимо немедленно начать работу над созданием скребковых транспортеров типа Джеффри или других машин с большим фронтом погрузки.

Изыскивая способы механизации процесса навалки, необходимо основное внимание сосредоточить на создании комбайнов, одновременно механизующих зарубку, отбойку и навалку и обеспечивающих многоциклическую работу. Переход к комбайнам является в третьей пятилетке основным направлением механизации работ по выемке. Это направление развернуто обосновывает приказ т. Л. М. Кагановича за № 123 от 13 июня 1939 г. Врубовая машина ГТК-3 должна быть превращена в комбайн С-24 путем перехода к отбойному бару с расширителем и погрузочному транспортеру. Мощность ГТК-3 при этом увеличивается путем применения второго мотора. Наряду с этим должны вестись работы по внедрению комбайна Бахмутского, создаваемого на базе мощной врубовой машины ГМА, а также работы по постройке гидравлического комбайна С-5.

Крупные технические изменения произошли и в процессе доставки.

В дореволюционный период механизация доставки носила экспериментальный характер. Быстрым темпом она начинает развиваться в Донбассе и других каменноугольных бассейнах СССР в 1930 г., после работы комиссии под руководством т. Молотова. В 1932 г. механизированным способом было доставлено 43,1% всего добытого угля, а вместе с забоями, где уголь идет собственным весом, — 76,5%; в 1937 г. — соответственно 52,3 и 84,4%.

Основным механизмом на доставке является конвейер. Уже в период первой пятилетки завод «Свет шахтера» начал широко снабжать угольные бассейны приводами ДК-5 и ДК-15, а позже — ДК-2-15. Стахановское движение показало, что пропускная способность существующего типа конвейера недостаточна, что необходимо улучшить и его конструкцию. В 1938 г. завод изготовил привод ПК-19, часовая производительность которого по горизонтали составляет 49 т (производительность старого привода — 16,4 т).

Учитывая запросы стахановцев, завод «Свет шахтера» начал выпускать во второй пятилетке и забойные транспортеры, которые в связи с борьбой за цикличность имеют большие шансы на широкое распространение в шахтах.

Производство доставочных механизмов получает в третьей пятилетке огромный размах. За один только 1939 г. завод «Свет шахтера» должен выпустить 2 700 конвейерных приводов.

Механизация откатки в угольной промышленности СССР получила распространение лишь во второй пятилетке, да и то недостаточное. В 1932 г. уровень механизации откатки достиг 15%, в 1937 г. — 47,6%. Все большую роль в механизированной откатке играют электровозы. Массовый выпуск аккумуляторных электровозов марки 1-АР-113, 3-АР-115 начался в период первой пятилетки на Подольском механическом заводе. Однако механизация откатки, в отличие от механизации очистных работ, осваивалась медленно. Вследствие вредительской подрывной работы в 1935 г. ряд шахт возвращается от электровозной откатки к конной.

Стахановское движение внесло решающий корректив в дальнейшее развитие электровозной откатки. Опережая конструкторов, стахановцы начали переделывать на шахтах аккумуляторные электровозы в троллейно-аккумуляторные и тем самым показали возможность более широкого применения их. Приведя в образцовое состояние пути, добившись выделения запасного количества вагонеток у ствола, поставив специальных сцепщиков у ствола и под лавой, стахановцы резко сократили простой и добились увеличения производительности на механизированной откатке в два-три раза.

В третьей пятилетке необходимо еще шире внедрить электровозную откатку. Масштабы электровозной откатки в третьей пятилетке характеризуются темпами производства электровозов. По приказу т. Л. М. Кагановича, Подольский завод в 1939 г. должен дать 1 000, а в 1940 г. — 2 000 электровозов. Заводы должны дать стахановцам каменноугольной промышленности электровозы с большим сцепным весом для коренных штреков, а также электровозы-лилипуть.

Выше мы говорили о применении конвейеров и транспортеров для доставки угля вдоль забоя. Для транспорта угля по основным выработкам они играют до сих пор ничтожную роль. Некоторым исключением здесь является Подмосковский бассейн, где конвейеры и транспортеры получили сравнительно широкое распространение на штреках. Необходимо преодолеть наблюдающуюся на шахтах недооценку работы транспортеров в промежуточных штреках, уклонах и бремсбергах. Опыт показал, что транспортеры могут и должны стать здесь преобладающим видом откатки. Перелом в развитии конвейеризации

создает приказ т. Л. М. Кагановича «О внедрении новых машин и механизации производственных процессов в угольной промышленности», в котором намечено значительное производство транспортеров уже в 1939 г.

Механизация выемки каменного угля привела к изменению систем разработок. Особенности каменноугольных месторождений СССР¹ создали предпосылки для развития сплошной системы разработки. К началу 1935 г. по этой системе добывалось около 42% всего угля (без учета крутопадающих пластов), а в Донбассе — 65% угля против 24,5% в 1913 г.

В третьей пятилетке сплошная система разработок должна получить дальнейшее распространение на пластах малой и частично средней мощности. Применение конвейерной доставки и транспортеров приведет к еще большему увеличению длины лав.

На крутопадающих пластах обычно применяется сплошная система с выемкой потолкоуступным забоем. К началу 1935 г. по всей каменноугольной промышленности на эту систему приходилось около 20—22% добычи. В Донбассе, например, она сохранилась почти на том же уровне, что и до революции. Лишь в последнее время, в связи с применением тяжелых врубовых машин на крутопадающих пластах, потолкоуступные забои стали заменяться прямолинейными.

Подлинную революцию в этой системе выемки произвело стахановское движение. Длина уступов возросла с 5—8 м до 16—25 м, а в ряде случаев и больше. Это резко повысило производительность забойщиков. В третьей пятилетке средняя высота молоткового уступа в Донбассе должна еще больше возрасти.

На разработке мощных пологопадающих пластов до последнего времени преобладала старая и наименее рациональная система: короткие столбы с выемкой заходками на всю высоту. Вслед за выработкой угля производилось обрушение кровли. Эта система была связана с огромными потерями угля, а в ряде случаев — с пожарами.

Принципиально новым был переход к слоевой выемке. Первоначально она велась прежним способом — заходками с обрушением кровли. Затем перешли к длинным столбам с выемкой прямолинейным забоем, причем слои разрабатывались сверху вниз с обрушением кровли. Яркий пример такой эволюции разработки мощных угольных пластов дает Челябинский бассейн, где благодаря переходу к выемке прямолинейным и длинным забоем освоена выемка нескольких слоев под обрушенными породами. Решающим условием успешной работы здесь является полная выемка угля.

Несмотря на многочисленные эксперименты в период второй пятилетки не было найдено рациональных систем разработок мощных крутопадающих пластов. Конец разброду технической мысли был положен постановлением партии и правительства о работе периферийных угольных бассейнов, опубликованным 21 октября 1938 г. В этом постановлении предлагалось ликвидировать старые, хищнические системы и перейти к слоевой разработке мощных крутопадающих пластов.

Еще в конце первой пятилетки инженерно-техническая общественность, преодолевая упорное сопротивление вредителей, подняла вопрос о расширении в Донбассе полного и частичного обрушения и о сокращении работ с закладкой выработанного пространства из забутовочных штреков. Успешное освоение системы наклонных слоев

¹ По данным переписи забоев, произведенной в конце 1934 г., 63,3% добычи Советского Союза приходилось на пласты с углом падения до 25° при средней мощности 1,4 м; на наклонные пласты с углом падения 26—40° при средней мощности в 1,5 м приходилось 16% добычи.

в Челябинском и Кизеловском бассейнах было связано именно с совершенствованием способов управления кровлей обрушением. В третьей пятилетке вопросы управления кровлей обрушением должны получить дальнейшее развитие.

Широкое распространение способов обрушения кровли (там, где это позволяют естественные условия) ни в коем случае не должно заслонить вопросов закладки, выбора и подготовки закладочных материалов и создания закладочных машин, так как в ряде случаев (разработка мощных крутопадающих пластов) рациональная закладка будет являться основным условием развития эффективных систем разработок.

Все отмеченные изменения в механизации добычи и разведок угля в системах разработок непосредственно связаны с технической реконструкцией горного предприятия в целом и его отдельных звеньев (подъем, водоотлив, вентиляция, освещение, техника безопасности, связь, поверхность рудников, обогащение). В общем в техническом комплексе горного предприятия особое значение приобретает подъем, так как именно его пропускной способностью, как правило, определяется производственная мощность действующих шахт. В царской России преобладал примитивный клетевой одноэтажный подъем, приводимый в движение от паровой машины. После революции начали получать широкое распространение электрические подъемные установки. К 1935 г. они составляли в Донбассе уже 70% от общего количества действующих подъемных установок. В других бассейнах удельный вес электрических подъемников еще выше.

В процессе технической реконструкции парк подъемных машин был почти полностью обновлен. От одноэтажных подъемников с неразгружающейся площадкой шахты перешли к многоэтажным клетям. Уже в 1935 г. в каменноугольной промышленности СССР имелось 83 скиповых подъемника. Сейчас на 70% запроектированных новых шахт принят подъем в скипах и опрокидных клетях. Отстают подъемные установки в части механизации загрузки и выгрузки вагонеток.

Серьезные требования были предъявлены к подъемным установкам в период развертывания стахановского движения. Стахановцы показали наличие больших резервов в подъемных установках, добились увеличения их пропускной способности путем четкой регламентации работы, сокращения времени на вспомогательные операции, ускорения спуска и подъема груза.

Горное машиностроение должно в третьей пятилетке быстро вернуть производство подъемных машин малой и средней мощности. Последний приказ наркома топливной промышленности обязывает Сталинский и Красноярский заводы дать уже в 1939 г. 140 подъемных машин диаметром в 2—3 м.

В стационарном оборудовании шахты огромная роль принадлежит водоотливу. До революции водоотливное хозяйство характеризовалось крайней отсталостью; преобладали паровые насосы при ограниченном применении многоступенчатых центробежных насосов. В первой и второй пятилетках происходит почти полное обновление парка водоотливных машин. Уже к началу 1935 г. в числе 7 749 насосов, работающих на шахтах, только 4,4% приходилось на старые установки. Особенно расширяется насосный парк за счет увеличения количества центробежных насосов. Производство отечественных насосов развертывается на Горловском заводе уже с 1925 г. и затем неуклонно совершенствуется. Во второй пятилетке разрабатывается новая конструкция насосов — ДИП — производительностью до 300 кубометров в час; наименьший напор — 50 м, наибольший — 700 м. Ве-

сят насосы ДИП в 2—2,5 раза меньше, чем насосы старых марок; коэффициент их полезного действия выше.

В третьей пятилетке дальнейшее улучшение советских насосов должно идти по линии повышения коэффициента полезного действия, уменьшения габаритов, увеличения высоты напора и числа оборотов. Особенное значение приобретает рационализация электрической части насосов. Широко должна реализоваться идея автоматизации насосных установок. Развитие шахтного строительства и скоростная проходка горизонтальных и наклонных выработок требуют создания специальных проходческих насосов. В целях борьбы с разрушением насосного оборудования кислыми водами необходимо широко применять кислотоупорные насосы, арматуру и трубы.

В дореволюционной каменноугольной промышленности большое количество шахт-«мышеловок» имело естественное проветривание. По данным комиссии проф. Бокия, в Донбассе искусственная вентиляция имела только на 150 шахтах из 1604. Преобладали вентиляторы устарелых конструкций и низкой производительности, которая не превышала в отдельных случаях 100 кубометров в минуту.

Вентиляционное хозяйство каменноугольной промышленности СССР создано вновь. К началу 1935 г. имелось уже всего 3% вентиляторов, установленных до революции. Отечественное горное машиностроение выпускает сейчас вентиляторы для всех конкретных потребностей шахт.

Крупным достижением советской техники является создание, на основе расчетных работ ЦАГИ, первых осевых вентиляторов, установленных в Московском метрополитене им. Л. М. Кагановича и освоенных горным машиностроением.

Одновременно необходимо вести работы по модернизации центробежных вентиляторов и увеличению коэффициента их полезного действия. Наряду с освоением нового вентиляционного оборудования в третьей пятилетке должно быть обращено особое внимание на упорядочение всего вентиляционного хозяйства.

Освещение шахт в дореволюционной каменноугольной промышленности, в том числе и в Донбассе, было еще в худшем положении, чем вентиляция. На газобезопасных шахтах применялись допотопные светильники. Первым мероприятием советской власти в этой области было обеспечение шахт достаточным количеством бензиновых ламп Вольфа. Быстро налаживается собственное производство этих ламп. В 1925 г. появляются на газовых шахтах импортные аккумуляторные лампы, а в конце первой пятилетки организуется отечественное производство их. В течение второй пятилетки ручные аккумуляторные лампы уже были освоены. В третьей пятилетке должны получить широкое распространение аккумуляторные лампы с увеличенной силой света.

Работы по стационарному освещению очистных забоев начались в первой пятилетке. Уже первые опыты показали, что стационарное освещение резко повышает производительность рабочего и снижает себестоимость угля. Однако широкое применение стационарного освещения даже во второй пятилетке срывалось из-за отсутствия достаточного количества необходимого оборудования. Это отставание стационарного освещения должно быть преодолено в третьей пятилетке.

Глубокая реконструкция была произведена и в области техники безопасности. С каменноугольной пылью на шахтах царской России не боролись. Из-за этого происходили тяжелые катастрофы. В 1908 г. на шахте 4-4 бис, около Юзовки, от взрыва угольной пыли погиб 271 человек.

После Октябрьской революции, в целях предупреждения взрывов, на шахтах начали применять орошение пыльных участков, осланцевание, для чего были созданы специальные механические осланцеватели. Применение обеспыливающих устройств и дальнейшее распространение осланцевания является основным направлением борьбы с угольной пылью и в третьей пятилетке.

Для обеспечения высокой техники безопасности и одновременно повышения эффективности и экономичности взрывного дела в каменноугольной промышленности изменялись взрывчатые вещества, детонаторы, способы паления и т. п.

Широко развилось в социалистической каменноугольной промышленности и горно-спасательное дело. Советские горно-спасательные команды вооружены совершенной аппаратурой. В последнее время осуществляется переход от громоздких изолирующих спасательных аппаратов к легким фильтрующим, основанным на принципе противогазов.

Для удовлетворения потребностей горной промышленности в средствах связи освоено производство шахтных водонепроницаемых телефонов в чугунных ящиках, которые заменяют собой производившиеся в первой пятилетке аппараты системы МБ в деревянных ящиках.

Огромное значение имеет на шахтах связь при помощи звуковой и световой сигнализации. Для шахт, опасных по пыли и газу, применяются устройства, на которых мощность возникающих искр размыкания сводится до минимальных размеров путем понижения рабочего напряжения.

Электрификация каменноугольной промышленности, внедрение электропривода на всех звеньях горного дела создали предпосылки для применения диспетчеризации, телемеханики и автоматики.

Техническая реконструкция горной промышленности изменила и облик поверхности шахт. Начала развертываться механизация поверхностного транспорта. В третьей пятилетке она должна быть завершена применением «самокатной» и канатной тяги, мотовозов.

Погрузка угля на шахтах в царской России велась вручную. После революции в качестве механических грузчиков стали применяться скреперы. Новые перспективы в этой области работы открывает погрузочная машина Флуса. На шахтах строятся специальные угольные бункера, которые в сочетании с большегрузными открытыми вагонами создают идеальные условия для механизации погрузки.

Однако, несмотря на ясность путей механизации погрузки угля, развитие ее идет недостаточно быстро: к началу третьей пятилетки одна треть всей добычи еще грузилась вручную. В течение третьей пятилетки ручная погрузка угля должна быть ликвидирована путем развития бункерного хозяйства, внедрения специальных погрузочных машин, передвижных скреперных грузчиков. Необходимо широко внедрить стахановские методы погрузки, предложенные т. Блудманом.

Крупную роль в развитии каменноугольной промышленности играют процессы обогащения угля. Но углепромышленники царской России не считали нужным строить обогатительные фабрики, предпочитая хищническую эксплуатацию недр. В Донбассе было лишь небольшое количество мелких углемоек и сортировок с примитивным оборудованием.

Советское правительство разворачивает в первой пятилетке реконструкцию старых и строительство новых обогатительных фабрик. Во второй пятилетке горная промышленность СССР переходит на отечественное обогатительное оборудование. Наряду со старыми способами обогащения (при помощи отсадочных машин) осваиваются рео-

мойки, агрегаты пневматического обогащения. Однако углеобогащение остается пока одним из наиболее отстающих звеньев в технике нашей каменноугольной промышленности. Директивы партии и правительства о развитии этого дела не были выполнены, особенно по восточным бассейнам.

Техническая реконструкция горной промышленности СССР происходила в теснейшей связи с развитием новых форм организации труда и производства.

До революции организатором трудовых производственных процессов был артельщик, доверенное лицо шахтовладельца. Рабочие находились под двойным прессом эксплуатации — со стороны предпринимателя и артельщика. Последний, пользуясь своим положением, обшчитывал рабочих, брал взятки за лучшие пай и т. д. Все процессы добычи угля производились вручную.

Революция уничтожила частную собственность на рудники, а вместе с ней — и власть артельщика в шахте. Под влиянием технической реконструкции возникли новые формы организации производства. С переходом к механизации зарубки угля и доставки на пологих пластах работы были организованы по методу простого циклования, т. е. в одну смену осуществлялись зарубка и бурение шпуров по углю, во вторую — отбойка и доставка угля, в третью — ремонтные работы и переноска конвейеров. Этот метод содействовал созданию специализированных сменных бригад. Но в то же время весь цикл производственных процессов был разорван, отсутствовала преемственность в работе отдельных смен, нагрузка оборудования была незначительна.

В 1931 г. передовые люди Донбасса гг. Карташев, Касауров, Филимонов открыли новую страницу в организации производства на механизированных шахтах. Тов. Филимонов впервые осуществил зарубку лавы не только снизу вверх, но и сверху вниз. Это дало возможность одновременно производить новый вруб и отбойку старого. Особенно большое значение имело предложение гг. Карташева и Касаурова — совмещать зарубку и отбойку угля, что резко увеличивало ту часть рабочего времени, которая затрачивалась на выдачу угля из забоя на промежуточный штрек. Дальнейшее увеличение времени очистных работ было связано с сокращением ремонтной смены и, в частности, с ускорением передвижки конвейера.

Но переход на новые методы работы был сорван вредителями, искусственно создававшими неблагоприятные условия. Под прикрытием «теории концентрации» враги народа свертывали подготовительные работы. Путем игнорирования плано-предупредительного ремонта организовывались аварии. Срывалась организация сменных бригад, запутывалась система оплаты труда рабочих. В результате этого вредительства новые методы организации производства на шахтах были дискредитированы. В 1935 г. в Донбассе возникает стахановское движение. Стахановцы, в совершенстве овладевшие техникой, ломают старые формы труда и производства. Исходным моментом стахановских методов работы становится разделение труда, которое дает возможность совмещать отдельные производственные процессы во времени. Это в свою очередь создает предпосылки для перехода к единой добычной бригаде, комплексно осуществляющей все процессы, связанные с добычей.

Успешная перестройка форм организации труда и производства была обеспечена благодаря разоблачению преступной банды троцкистско-бухаринских шпионов и диверсантов в каменноугольной промышленности и работе по ликвидации последствий вредительства.

Для широкой реализации новых идей в этой отрасли требовалось найти то звено, ухватившись за которое можно было начать пере-

стройку и повести развернутую борьбу за подъем угледобычи. Эту задачу блестяще разрешил т. Л. М. Каганович, который указал, что таким звеном является цикл работы в лаве. В речи на совещании шахтеров-стахановцев и ударников в г. Стадино 7 октября 1937 г. т. Каганович показал, при каких условиях борьба за цикл в лаве будет успешной. С тех пор понятие «цикл» приобрело новый смысл. Инициатор борьбы за цикл в Донбассе т. Гвоздырьков так определяет его: «Цикл — это законченный круг работ в лаве. Сделать цикл — это значит подрубить всю лаву машиной, убрать весь порубленный уголь, закрепить выработанное пространство, перенести конвейерную линию».

Вслед за т. Гвоздырьковым, который добился многоциклической работы на шахте № 22/6 им. Кирова, к внедрению цикла приступили другие передовые организаторы каменноугольной промышленности. Параллельное ведение основных процессов в забое получило широкое распространение на шахтах. Это создало предпосылки для перестройки форм организации труда на базе единой сменной бригады. Застрельщиками в этом отношении были стахановцы участка № 3 шахты им. Сталина, возглавляемые т. Шашацким.

Успех циклической работы со всей остротой поставил вопрос об ускоренном ведении подготовительных выработок. Здесь также новой формой организации труда и производства явилось совмещение во времени породных и угольных работ и развертывание их на основе графика циклическости.

В третьей пятилетке все организационно-технические проблемы этой отрасли индустрии должны решаться в свете задачи завершения комплексной механизации угледобычи и организации работ на базе графика циклическости.

Перестройка социалистической каменноугольной промышленности получила свою историческую проверку в динамике производительности труда. С 1913 по 1937 г. среднемесячная производительность трудящегося в каменноугольной промышленности нашей страны выросла с 8,2 до 23,5 т, т. е. почти в три раза. Вот блестящий итог мудрой ленинско-сталинской политики, направленной к подъему творческой инициативы рабочего класса — подъему, осуществляемому в условиях коренной технической реконструкции народного хозяйства, в условиях роста культуры и благосостояния масс.

В первой пятилетке среднемесячная производительность трудящегося выросла по всей каменноугольной промышленности СССР с 11,8 до 14,2 т, т. е. на 20%, а по Донбассу с 11,2 до 13,6 т, т. е. на 21%. План роста производительности труда не был выполнен. На уровне производительности каждого занятого в каменноугольной промышленности особенно отрицательно сказалось то, что сильно «разбухло» количество служащих (в 1927/28 г. служащие составляли 10,8% всех занятых в этой отрасли, а в 1932 г. — 15%). Это являлось отражением негодных канцелярско-бюрократических методов руководства в угольной промышленности, решительно осужденных постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР в апреле 1933 г.

Низкая производительность труда в этот период объяснялась также недостаточным количеством выходов на работу (20—21 выход в месяц). Перестройка системы заработной платы, проведенная в начале второй пятилетки на основе исторического постановления партии и правительства, принятого в апреле 1933 г., создала реальные условия для борьбы против прогулов, за подъем производительности труда.

Отрицательно сказался на уровне производительности труда в период первой пятилетки и разрыв между добычей и производственной

мощностью шахт. Недогрузка предприятий вела к превышению штата так называемой группы постоянных рабочих. Наконец, производительность труда снижалась из-за неуплотненности рабочего дня. Вследствие аварий и простоев отдельные категории горнорабочих были загружены на 50—60%.

Техническая реконструкция особенно благоприятно сказалась на динамике производительности труда забойщиков. В 1927/28 г. на 100 т добычи эта группа рабочих затрачивала 32,6 смены. В 1932 г., в результате применения врубовых машин и отбойных молотков, на 100 т добычи требовалось уже только 20,6 смены. Обратное явление наблюдалось по группе прочих рабочих забоя (навалотбойщики, переносчики конвейеров, крепильщики, посадчики кровли, бутчики и др.). В 1927/28 г. на 100 т добычи эта группа рабочих затрачивала 25,3 смены, а в 1932 г.—33,1 смены. Здесь сказались отставание в механизации отбойки и навалки, невыполнение директив партии и правительства о комплексной механизации угледобычи. С другой стороны, применение врубовых машин привело к увеличению длины лавы и к изменению системы управления кровлей, что требовало дополнительного штата рабочих.

Группа подземных рабочих, занятых на транспорте и ремонтных работах, в 1927/28 г. затрачивала на 100 т добычи 57,1 смены, а в 1932 г.—56,3 смены. Столь незначительное снижение явилось следствием срыва механизации откатки, игнорирования конвейерного транспорта и увлечения канатным, который был источником многочисленных аварий, особенно на уклонах.

Поверхностные рабочие в 1927/28 г. на 100 т добычи затрачивали 63 смены, а в 1932 г.—40 смен. Несмотря на это заметное снижение к концу первой пятилетки имелись еще огромные резервы. Плохо оборудованная поверхность старых шахт, медленные темпы механизации погрузки отрицательно влияли на динамику производительности труда работающих на поверхности.

В период второй пятилетки отмечается значительное повышение темпов роста производительности труда. За 1932—1937 гг. среднемесячная производительность трудящегося по каменноугольной промышленности СССР выросла с 14,2 до 23,5 т, т. е. на 66% против 20% роста за первую пятилетку; по Донбассу производительность труда повысилась с 13,6 до 21,1 т, т. е. на 55% против 21% в период первой пятилетки. Рост этот был обеспечен благодаря проведению в жизнь исторических решений партии и правительства, принятых в апреле 1933 г., а также в результате широкого развертывания стахановского движения.

Борьба против функционалки и канцелярско-бюрократических методов руководства, против «разбухания» административно-управленческого персонала привела к тому, что число служащих сократилось с 15% в 1932 г. от общего количества трудящихся до 11,3% в 1937 г. В результате увеличилась производительность труда на одного трудящегося, занятого в каменноугольной промышленности. Дальнейшее сокращение числа служащих позволит поднять производительность труда в третьей пятилетке еще на 3—4%.

Количество выходов на работу повысилось во второй пятилетке до 22,5 в месяц, благодаря чему производительность труда выросла на 4,3%. В третьей пятилетке благодаря укреплению трудовой дисциплины создаются предпосылки для дальнейшего подъема производительности труда.

Сокращение разрыва между производственной мощностью и фактической добычей дало во второй пятилетке рост производительности труда примерно на 20%. Ликвидация этого разрыва в третьей

пятилетке должна в еще большей степени сказаться на уровне производительности труда.

Стахановское движение и подъем производственной активности рабочих нанесли серьезный удар по простоям. Производительность труда каждого занятого в каменноугольной промышленности увеличилась во второй пятилетке за счет сокращения простоев и уплотнения рабочего дня почти на 18%. Дальнейшая организационно-техническая перестройка каменноугольной промышленности на основе стахановского движения обеспечивает все условия для полного устранения простоев, что вызовет новый подъем производительности труда.

• Большое влияние на уровень производительности труда продолжает оказывать во второй пятилетке техническая реконструкция каменноугольной промышленности СССР. Происходит дальнейшее снижение трудовых затрат группы забойщиков: на 100 т добычи вместо 20,6 смены в 1932 г. требуется уже только до 8,7 смены в 1937 г., т. е. на 57,7% меньше. Это — результат механизации, результат стахановского движения, которое в первую очередь развернулось именно среди этой группы рабочих.

По группе прочих рабочих забоя трудовые затраты снижаются в 1937 г. на 13,3% (до 28,7 смены на 100 т добычи вместо 33,1 смены в 1932 г.). Такое снижение далеко не достаточно; еще не достигнут даже уровень, имевшийся к началу первой пятилетки. Здесь продолжает сказываться невыполнение директив партии и правительства о механизации трудоемких процессов, о комплексной технической реконструкции шахт.

В третьей пятилетке необходимо разрешить проблему механизации отбойки на пологих и наклонных пластах. В этом — один из крупнейших резервов повышения производительности труда. Надо разрешить и проблемы механизации навалки угля, а также усовершенствования доставочных механизмов. Ручные работы на процессах доставки должны быть ликвидированы.

По группе прочих подземных рабочих затраты труда снизились на 36,7% (35,2 смены на 100 т добычи вместо 55,3 смены). Здесь благоприятно сказалась механизация откатки и стахановское движение среди машинистов электровозов.

Наконец, по группе работающих на поверхности соответственно затрачивалось: в 1932 г. — 40 смен, а в 1937 г. — 22,4 смены (снижение на 44%).

В процессе технической реконструкции каменноугольной промышленности радикальное изменение претерпел и профессиональный состав рабочих, занятых в этой отрасли. До революции и в первые годы развития советской каменноугольной промышленности выемку угля на 100% производили забойщики, работавшие вручную. Они же вели крепление очистного забоя. В 1938 г. во всей каменноугольной промышленности в очистных забоях работало всего 1,9% забойщиков вручную. На смену им пришли машинисты и помощники машинистов врубовых машин, забойщики на отбойных молотках. Доставка угля до революции производилась полностью саночниками или откатчиками. Сейчас их полностью заменили машинисты конвейерных приводов. На транспорте раньше были заняты вагонщики, работающие вручную, коногоны. Эти профессии также исчезают. Коногоны составляли в 1938 г. только 2,1% всех рабочих, вагонщики, работающие вручную — 0,3%. На смену им пришли машинисты электровозов и лебедок.

Крупную роль в профессиональном составе занятых в каменноугольной промышленности играют рабочие электромеханических це-

хов, которые до революции были совершенно неизвестны. Однако незавершенность комплексной механизации к началу третьей пятилетки приводит к тому, что еще значительное количество рабочих, занятых в каменноугольной промышленности, работает вручную. Так, например, вручную работают такие решающие профессии, как навалотбойщики, крепильщики и посадчики лав, переносчики конвейеров, бутчики; вручную работает огромная армия подсобных рабочих. Только завершение комплексной механизации каменноугольной промышленности в третьей пятилетке создаст условия для окончательной ликвидации ручного труда в этой отрасли. Для этого имеются все необходимые предпосылки. Каменноугольная промышленность СССР располагает новым фондом шахт, обильно оснащенных современной передовой техникой, а также квалифицированными инженерно-техническими и рабочими кадрами. Советское горное машиностроение способно обеспечить эту отрасль индустрии всеми необходимыми машинами и аппаратурой. Развитие каменноугольной промышленности направляется мудрой и ясной технической политикой, сформулированной Лениным и Сталиным, а также в решениях партии и правительства.

В третьей пятилетке СССР вступает «...в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму...»¹. Завершение комплексной механизации каменноугольной промышленности, внедрение системы машин, научное решение вопросов управления горным давлением, газовым режимом горных пород, рост элементов автоматизации — все это подготавливает и в каменноугольной промышленности постепенный переход к технике коммунизма. В этой фазе развития производства будет завершён процесс ликвидации противоположности между физическим и умственным трудом и совершится переход на систему автоматически работающих машин, переход от механической к химической технологии, к широкому развитию подземной газификации.

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу т. В. Молотова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 11.

К вопросу о роли денег и кредита в расширенном социалистическом воспроизводстве

Основная экономическая задача СССР — догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны Европы и Соединенные Штаты Америки — ставит во весь рост проблему наиболее рациональной организации всего процесса производства и обращения.

Новая полоса развития, в которую вступил СССР, — полоса завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму — характеризуется дальнейшим усилением роли советских денег в социалистическом воспроизводстве и развитием денежного хозяйства страны.

Задача улучшения бюджетной и кредитной работы и укрепления советского рубля на основе роста социалистического производства, усиленного развития товарооборота и общего подъема материального уровня жизни народа сохраняет свое значение на всем протяжении периода перехода к коммунизму. Социалистическое общество и дальше будет нуждаться в деньгах, поскольку на всем протяжении этой полосы развития в основе системы распределения лежит социалистический принцип — от каждого по способностям, каждому по его труду, поскольку противоположности между умственным и физическим трудом, между городом и деревней еще до конца не ликвидированы. Необходимость денег будет сохраняться вплоть до высшей фазы коммунистического общества для учета затрат труда различного качества, для распределения и перераспределения общественного продукта, установления соответствия между мерой труда и мерой потребления, контроля над затратами труда в различных звеньях общественного производства.

Социалистическое государство широко использовало и использует советские деньги, механизм финансов и кредита в борьбе за победу коммунизма в нашей стране. Советские деньги и весь механизм финансовых связей в социалистическом хозяйстве должны служить целям постепенного перехода к коммунистическим основам производства и распределения.

Товарищ Сталин прямо связывает необходимость денег в первой фазе коммунизма с их ролью в развертывании товарооборота между городом и деревней, между районами и областями страны, между различными отраслями народного хозяйства.

Учет общественных потребностей и их удовлетворение в социалистическом обществе происходит через систему советской торговли, через планомерно регулируемое обращение товаров между социалистическими предприятиями, через систему заработной платы, систему финансовых планов, через бюджетную и кредитную системы.

Советские деньги являются необходимым орудием, посредством которого осуществляются процессы распределения и перераспределения общественного продукта социалистического общества.

Для понимания роли советских денег важнейшее принципиальное значение имеет указание товарища Сталина в докладе об «Итогах первой пятилетки» — о ценности советских денег. Это указание двигает вперед марксистскую теорию и освещает пути дальнейшей конкретной разработки вопросов денег и денежного обращения в советском хозяйстве. Товарищ Сталин указывает, что советская валюта смогла выполнить свою роль в историческом процессе индустриализации нашей страны и коллективизации сельского хозяйства как валюта, представляющая ценность и обладающая устойчивостью.

Весь практический опыт функционирования денежной формы в социалистическом хозяйстве подтверждает, что советские деньги являются не простой счетной единицей, не расчетным знаком, «квитанцией» или «талоном». Вместе с тем советские деньги не являются знаком золота. Советские деньги — особая экономическая категория социалистического общества, выражающая производственные отношения этого общества. Посредством денег измеряются затраты общественного труда социалистического общества на производство продуктов общественного труда. Через обращение денег осуществляется распределение общественного продукта и рабочей силы в расширенном социалистическом воспроизводстве. Свойства советских денег, указанные товарищем Сталиным, определяют их роль как орудия учета и распределения общественного продукта и рабочей силы в соответствии с требованиями народнохозяйственного плана. Тем самым в денежно-финансовом механизме создается механизм планового направления производства и обращения, а также контроля над ними.

* * *

Расширенное социалистическое воспроизводство осуществляется в советском хозяйстве при посредстве денежной формы: денежная оценка продуктов общественного труда, денежная оплата труда, денежные взаимоотношения между различными хозяйственными организациями советского государства, денежная форма обращения и т. д.

В советском хозяйстве труд является непосредственно общественным. Непосредственный характер общественного труда в различных сферах его приложения определяется социалистической собственностью на средства производства и народнохозяйственным планом.

Советские деньги обслуживают процесс планового социалистического производства. Расширенное социалистическое воспроизводство представляет собой единство процессов производства, распределения и потребления. Основу воспроизводства составляет производство, осуществляемое, во-первых, государственными предприятиями, и, во-вторых, колхозами и другими кооперативными объединениями.

Государственные предприятия действуют на началах хозяйственного расчета. «При строжайшем соблюдении производственно-финансовой плановой дисциплины в рамках заданных лимитов предприятие должно быть самостоятельным. Его администрация несет полную ответственность за выполнение программы. В распоряжение предприятия предоставляется определенная сумма средств, размер которой определяется ежегодно промфинпланом». Так формулирует основной принцип финансовой организации социалистических предприятий постановление ЦК ВКП(б) от 5 декабря 1929 г. «О реорганизации управления промышленностью».

Устанавливая производственную программу предприятия, план определяет вместе с тем и сумму средств, необходимых для ее осуществления. Естественно, что в хозяйственном обороте предприятия определенному размеру производства должно соответствовать определенное количество материальных ресурсов, необходимых для обеспечения бесперебойного хода производства: запасы сырья, топлива, вспомогательных материалов, материальные ценности, находящиеся на каждый данный момент в процессе производства (полуфабрикаты и незавершенное производство), запасы готовой продукции, ожидающей отгрузки. Нормальные размеры производственных запасов каждого предприятия устанавливаются регулируемыми органами советского государства, в зависимости от технических и экономических особенностей данной отрасли или группы предприятий. Так, заводам Главного управления металлургической промышленности были установлены следующие нормативные запасы: по сырью и основным материалам — в размере 37-дневной потребности производства, по вспомогательным материалам — 70-дневной, по топливу — 18-дневной, по незавершенному производству — 4,6-дневной потребности и т. д.

Кроме того у ряда предприятий, главным образом перерабатывающих сельскохозяйственное сырье, образуются сезонные запасы в связи с сезонными условиями снабжения и сбыта. Планы предприятий устанавливают на каждый планируемый период также и размеры сезонных запасов материальных ценностей. Например, накопление хлопка на предприятиях текстильной промышленности, при нормальном запасе, равном примерно месячной переработке, в осенне-зимние месяцы достигает квартальной и более потребности данного предприятия.

Материальные ценности, находящиеся в распоряжении социалистических предприятий, учитываются в денежном выражении, по плановым ценам. В рублях представлена та доля совокупного общественного продукта, которая в тот или иной момент находится в данном хозяйственном звене — в качестве средств производства незавершенного производства и готовой продукции. Такое выражение в денежной форме материальных ресурсов в каждом хозяйственном звене является не только методом денежного учета, но и орудием контроля над рациональным использованием производственных ресурсов, ускоряющим продвижение продукта через всю цепь звеньев, занятых его переработкой и доведением до потребителя.

Образование запасов сырья, материалов и т. д. на каждом предприятии требует от него вложения определенных денежных средств. В балансах предприятий и хозяйственных организаций, с одной стороны, отражаются материальные ресурсы, находящиеся в обороте данного предприятия, а с другой — денежные средства, за счет которых вовлечены материальные ценности и источники образования этих денежных средств. Производственно-финансовые и торгово-финансовые планы устанавливают на планируемый период размеры вложений в оборот каждого предприятия и источники получения средств. Известно, что на основании постановления СТО от 23 июля 1931 г. предприятия наделены собственными оборотными средствами в размерах, соответствующих нормальным запасам материальных ценностей. Наряду других потребностей предприятия получают банковские кредиты в соответствии с их планами. По закону предприятия не могут получать денежные средства для сверхпланового накопления материальных ресурсов. Сверхплановое вовлечение средств производства той или иной организацией, вследствие нерационального ведения хозяйства, ведет к незаконному вовлечению ею в свой оборот финан-

совых ресурсов сверх плана, к нарушениям финансовой дисциплины. Например, предприятиям ГУМПа в 1938 г. были запланированы вложения оборотных средств в 16,7 коп. на 1 рубль продукции, а фактическое вложение средств в запасы материальных ценностей составило 21,2 коп. на 1 рубль. Не допуская нарушений финансовой дисциплины, побуждая предприятия обходиться предоставленными им оборотными средствами, финансовые органы, хозяйственные наркоматы и органы Госбанка воздействуют на хозорганы в направлении правильного, соответствующего плану, распределения запасов материальных ценностей в процессе производства и обращения.

Таким образом, существующая в советском хозяйстве денежная форма распределения материальных ресурсов между социалистическими предприятиями создает основу для того, чтобы запасы средств производства и готовой продукции у каждого предприятия планировались и контролировались не только непосредственно, но и путем планирования его финансовых ресурсов.

Планирование для каждого предприятия источников покрытия расходов по приобретению необходимых ему запасов материальных ценностей имеет большое значение также и с точки зрения воздействия на выполнение предприятием планов себестоимости. Лишь при выполнении этих планов предприятие не только сохранит выделенные ему оборотные средства, но и увеличит их, обеспечив себе тем самым возможность нормально вести хозяйственный процесс.

То обстоятельство, что количество денежных средств, предоставленных данной организации, нормируется, дает возможность через финансовые рычаги направлять хозяйственные процессы, контролировать выполнение показателей планов, стимулировать их выполнение и перевыполнение.

Затраты общественного труда на производство и обращение каждого продукта фиксируются в денежной форме: себестоимость продукта, его цена. Сопоставление плановой себестоимости каждого предприятия с фактической показывает, в какой мере организация производственного процесса и уровень производительности труда отвечают требованиям, которые предъявляет государство к данному предприятию.

В ценах продукции стираются различия в затратах общественного труда на производство данной продукции по отдельным предприятиям. Эти различия вызываются как отклонениями от плановых норм, так и особенностями производства, учитываемыми планом. Перерасход сырья, топлива и заработной платы (вследствие нерационального использования рабочей силы) в том или ином предприятии не отражается на ценах его продукции. Если то или иное предприятие допустит превышение плановых издержек производства, то это скажется на размерах его накопления. В производственный процесс другого предприятия продукция первого входит по плановым ценам. Таким образом, цена конечного продукта, который прошел через целый ряд производственных звеньев, отражает не сумму индивидуальных затрат общественного труда на производство этого продукта, а размеры затрат, установленные планом и выраженные в плановых ценах. Все индивидуальные отклонения от плана отразятся лишь на накоплениях тех производственных звеньев, где эти отклонения имели место. Это стимулирует выполнение каждым предприятием плановых норм издержек, поощряет экономию в расходах и содействует сверхплановому снижению себестоимости путем повышения производительности труда и рационализации производства.

Цены не выражают непосредственно фактических размеров затрат

труда на производство каждого данного товара еще и потому, что через них происходит плановое распределение общественного продукта. В плановом порядке устанавливается такое соотношение цен, которое: а) обеспечивает известный уровень денежного накопления в данной отрасли; б) способствует необходимой рентабельности отраслей хозяйства, потребляющих данный продукт в виде сырья, предметов оборудования и т. д.; в) отражает соотношение затрат общественного труда по различным видам товаров и учитывает состояние потребительского спроса на них; г) обеспечивает аккумуляцию в руках государства части народного дохода, идущей на общие нужды социалистического общества.

Проблема ценообразования является одной из важнейших проблем советского хозяйства. Здесь переплетаются задачи укрепления хозрасчета и социалистического накопления, аккумуляции социалистического накопления в бюджетной системе, вопросы баланса денежных доходов и расходов населения и т. д.

Механизм планового социалистического ценообразования стимулирует выполнение заданий плана в части ассортимента продукции, экономию в потреблении отдельных видов сырья, топлива, поощряет использование местных сырьевых и топливных ресурсов и т. п. При этом цены в советском хозяйстве не могут во всех случаях пассивно следовать за себестоимостью. Соотношение цен на различные виды товаров не должно и не может устанавливаться в прямой пропорции к издержкам их производства и обращения. Например, задача снижения стоимости строительства требует включения в цену строительных материалов сравнительно незначительных накоплений. Вместе с тем вся разница между плановой себестоимостью продукции и ее ценой, устанавливаемой государством, не может определять рентабельность соответствующего предприятия. При отсутствии в советском хозяйстве каких-либо экономических оснований для установления «средней нормы прибыли» различия в плановой рентабельности отдельных отраслей и предприятий должны вытекать из конкретных условий производства и потребления каждого товара, а не просто регистрировать колебания соотношений цен и себестоимости.

Денежные накопления, образующиеся в результате деятельности социалистических предприятий как разница между ценами и себестоимостью их продукции, в большинстве случаев лишь частично оседают в этих предприятиях в качестве их прибылей. Часть денежного накопления аккумулируется в бюджете через налог с оборота, взимаемый по различным ставкам с различных товаров.

Налог с оборота, помимо того, что он является основным орудием аккумуляции бюджетных доходов, играет огромную роль в установлении экономически правильного уровня рентабельности производства отдельных видов продукции. В некоторых случаях экономически целесообразная цена на тот или иной товар такова, что оставление предприятию всей разницы между ценой и себестоимостью давало бы ему чрезмерные прибыли и значительные отчисления в фонд директора даже при невыполнении плана. Это снижало бы хозрасчетные стимулы борьбы за перевыполнение плана, за социалистическое накопление. Налог с оборота аккумулирует в бюджет часть накоплений таких предприятий. И наоборот, там, где цены установлены на уровне, близком к себестоимости (на важнейшие средства производства, на промышленные товары массового потребления и пр.), ставки налога с оборота минимальны или он не взимается вовсе.

Налог с оборота, таким образом, позволяет устанавливать в плановом порядке цены на товары, исходя из всей совокупности факторов в сфере их производства, обращения и потребления. Вместе с тем благодаря дифференцированному налоговому обложению уровень рентабельности производства отдельных товаров не вытекает автоматически из соотношения цены и себестоимости, а устанавливается планоно.

Движение общественного продукта через различные звенья процесса производства и обращения происходит в советской системе хозяйства посредством обратного движения денег — от каждого последующего звена к предыдущему.

Предприятие должно уплатить поставщикам за используемые им средства производства и услуги. Оно должно выплачивать заработную плату рабочим по количеству и качеству затраченного ими труда. Установленные по плану и включенные в отпускную цену накопления предприятие обязано частью передать в финансовую систему, частью израсходовать на расширение производства, как указано в его промфинплане. Измерение в деньгах расходов на производство товара — не чисто счетная операция. Оно отражает действительное движение денег, их расходование предприятием. При отгрузке товара предприятие получает от покупателя денежные платежи по плановым ценам на отгруженную продукцию.

Передвижение денежных средств между взаимосвязанными предприятиями происходит на основе перемещения материальных продуктов через последовательные звенья процесса производства и процесса обращения. Но это передвижение денег не является простым производным от движения товаров; чтобы уплатить поставщику, предприятие должно иметь в своем распоряжении соответствующие денежные средства. Абсолютно бесперебойно этот процесс может протекать лишь при условии выполнения показателей плана во всех звеньях производства и обращения данного товара. Если товар не реализуется в установленные сроки, а блуждает в «закоулках товаропроводящей сети», торговая организация не может заплатить своим поставщикам. Если у предприятия, вырабатывающего этот товар, себестоимость окажется выше отпускной цены, ему нечем будет заплатить поставщикам сырья.

Обращение денег, в свою очередь, в известной мере обуславливает движение товаров. Поскольку советские деньги выступают как платежное средство, движение денег не совпадает с движением товаров и по времени. В случае нарушения платежной дисциплины движение товаров на известное время отрывается от движения денег. Задержки платежей покупателями являются фактором нарушения хозрасчета, отражающим невыполнение покупателями показателей планов, иммобилизация ими средств и вызывающим финансовые затруднения у поставщика. Так, например, у 45 ленинградских предприятий Наркомтяжпрома и Наркоммаша задолженность поставщикам составляла на 1 октября 1938 г. 150 млн. руб., а им были должны их покупатели 59 млн. руб. Средства поставщиков, незаконно вовлеченные в оборот этих предприятий, составляли 18% к общей сумме средств в их обороте. Задолженность поставщикам одного только Ярославского резино-асбестового комбината достигла 50 млн. руб.¹ Система Госбанка, на которую возложена задача организации расчетов в хозяйстве, еще совершенно недостаточно борется за платежную дисциплину.

¹ «Индустрия» № 47 за 1939 г.

В 1931 г. товарищ Сталин так охарактеризовал экономические последствия ослабления хозрасчета в результате покрытия Госбанком финансовых прорывов предприятий: «Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций давно уже перестали считать, калькулировать, составлять обоснованные балансы доходов и расходов. Это факт, что в ряде предприятий и хозяйственных организаций понятия: «режим экономии», «сокращение непроизводительных расходов», «рационализация производства» — давно уже вышли из моды. Очевидно, они рассчитывают на то, что Госбанк «все равно нам выдаст необходимые суммы». Это факт, что за последнее время себестоимость на целом ряде предприятий стала повышаться»¹.

В этих словах ярко показано, какое значение имеет правильная организация финансов хозяйственных организаций для борьбы за режим экономии, за снижение себестоимости и социалистическое накопление. Вполне естественно, что если предприятие бесплатно вовлекает в свой оборот добавочные средства, не оплачивая товаров, полученных от поставщиков, то это столь же отрицательно влияет на себестоимость, на рационализацию производства, как и бесплановое, бесконтрольное получение кредитов из Госбанка.

Денежные средства, поступающие в каждое звено общественного производства при реализации его продукции, в основном соответствуют доле общественного труда, которая должна быть затрачена на производство данного продукта при выполнении установленных планом производственных показателей. Эти денежные средства в первую очередь используются для возмещения израсходованных предприятием средств производства и предоставления рабочим и служащим данного предприятия доли общественного фонда средств потребления в соответствии с количеством и качеством затраченного ими труда.

Денежные поступления за реализованную продукцию превышают размеры затрат на ее производство. Значительная часть той доли общественного продукта, которая должна быть направлена на расширение производства, на покрытие издержек управления, на оборону, социально-культурные мероприятия, представлена денежными средствами, остающимися после покрытия затрат на производство продукции хозяйства.

В процессе расширенного социалистического воспроизводства общественный продукт должен постоянно распределяться между фондом возмещения израсходованных средств производства, накоплением, индивидуальным потреблением и покрытием общих потребностей социалистического государства. Денежная форма, которую принимает общественный продукт, и обращение его как товара позволяют осуществлять это распределение. Планы издержек производства и обращения, плановые фонды заработной платы, плановое накопление, грандиозные цифры бюджета социалистического государства и т. д. представляют собой в денежном выражении то задание, которое ставится государственным народнохозяйственным планом в области распределения общественного продукта.

Натуральная форма продукции многих социалистических предприятий такова, что продукция того или иного предприятия может служить либо только для индивидуального потребления, либо только для возмещения израсходованных средств производства и расширения производства. Между тем денежные суммы, выручаемые каждым предприятием при реализации его продукции, распадаются на часть, пред-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 462.

назначаемую для возмещения израсходованных средств производства, часть, представляющую потребление рабочих и служащих, занятых в данном предприятии, и часть, представляющую социалистическое накопление. Маркс в своем гениальном анализе капиталистического воспроизводства показал, что в капиталистическом хозяйстве противоречие между натуральной формой продукта и его распадением на постоянный капитал (c), переменный капитал (v) и прибавочную стоимость (m) выражает и развивает основное противоречие капитализма — противоречие между общественным характером производства и частным способом присвоения. Это противоречие находит разрешение через кризисы, периодически потрясающие капиталистическую систему.

В социалистическом обществе нет места противоречиям капиталистического воспроизводства. Хозяйственная жизнь страны, производство и распределение общественного продукта направляются государственным народнохозяйственным планом. План устанавливает и соответствие между « $v + m$ » первого подразделения и « c » второго подразделения (в особом, социалистическом смысле этих терминов), на необходимость которого в социалистическом хозяйстве указывал В. И. Ленин.

Деньги в советском хозяйстве являются одним из орудий планового направления процесса производства. В денежном выражении дается плановое задание по накоплению каждому предприятию — как производящему средства производства, так и производящему средства индивидуального потребления.

Товарищ Сталин говорит: «...марксистская теория воспроизводства учит, что современное общество не может развиваться, не накапливая из года в год, а накапливать невозможно без расширенного воспроизводства из года в год»¹. Для того чтобы осуществить расширенное воспроизводство в социалистическом обществе, необходимо перемещение общественного продукта как между I и II подразделениями, так и между различными предприятиями внутри каждого подразделения. Но перемещение общественного продукта происходит в социалистическом хозяйстве при посредстве обращения денег. Поэтому необходимо предварительное перемещение через финансовую систему денежных накоплений предприятий, где они образуются, в предприятия и организации, где должно быть реализовано накопление. Точно так же через финансовую систему должны быть направлены денежные средства в те органы советского государства, которые осуществляют расходы на общие нужды социалистического общества (оборона, управление, социально-культурные мероприятия). Процесс расширенного воспроизводства в социалистическом обществе, таким образом, включает в себя не только плановое распределение общественного продукта, но и плановое перераспределение денежного накопления.

Денежная форма служит орудием выявления и преодоления частичных диспропорций в ходе расширенного воспроизводства. Если вследствие отставания отдельных предприятий, нерациональной организации производства, недостаточного внимания к выполнению планов себестоимости и т. п. расход сырья будет превышать плановые нормы, производительность труда будет ниже плана, а фонд заработной платы будет превышен, то это вызовет диспропорциональность, которая найдет свое выражение через денежную форму. Денежные накопления окажутся ниже предусмотренных планом. В распоряжении

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 301.

хозяйства будет меньше денежных средств, чем сумма, которая должна привести в движение все материальные фонды социалистического накопления, необходимые для расширенного воспроизводства в установленных размерах. Соответственно большая сумма денежных средств потребуется для вовлечения в процесс производства сырья, материалов и т. д. в той части, которая необходима лишь для простого возмещения израсходованных средств производства. Большая сумма денежных средств будет направлена на приобретение средств потребления. Предприятия, недовыполняющие планы по себестоимости, не смогут полностью оплачивать приобретаемые средства производства. Сократятся их платежи финансовым органам.

Быстрое, оперативное выявление в сфере денежного оборота хозяйственных диспропорций будет стимулировать их ликвидацию, что явится дополнительным фактором, способствующим ликвидации оставания отдельных предприятий. При надлежащем финансовом режиме необходимость соблюдения платежной дисциплины, контроль над фондами заработной платы и т. д. побуждают каждое предприятие добиваться выполнения планов себестоимости и накоплений.

Партия неоднократно указывала на необходимость укрепления планово-финансовой дисциплины в хозяйстве. Финансовая и банковская система, главки и хозяйственные наркоматы должны давать резкий отпор нарушению предприятиями финансовой дисциплины, в частности в сфере платежей поставщикам. Финансовые рычаги должны побуждать хозяйственников быстро устранять допускаемые ими провалы в выполнении планов.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что денежный механизм отнюдь не является сам по себе достаточным для преодоления хозяйственных диспропорций. Недопустимыми, антигосударственными являются действия отдельных хозяйственников, которые нарушают планы, прикрываясь удовлетворительными суммарными финансовыми показателями. Достаточно сослаться на известный факт допускаемых некоторыми предприятиями передвижек в ассортименте при недовыполнении планов. Известно также, что, перевыполняя планы накоплений, некоторые предприятия создают излишние запасы материальных ценностей, в том числе дефицитных. Это ведет к замедлению хозяйственного оборота, к менее рациональному использованию средств производства во всем народном хозяйстве.

Денежная форма движения общественного продукта в советском хозяйстве способствует выполнению и перевыполнению хозяйственных планов лишь в органической связи с другими методами контроля над ходом производства и обращения и при соблюдении правильного финансового режима.

Чрезвычайно существенна роль советских денег в распределении той доли общественного продукта, которая представляет фонд индивидуального потребления. В форме заработной платы, т. е. в определенном количестве денежных средств, фиксируется доля рабочего социалистического предприятия в потреблении общественного продукта на основе социалистического принципа: от каждого по способностям, каждому по его труду.

Огромным завоеванием социалистического строя, явившимся результатом перевода миллионов крестьянских хозяйств на путь колхозов, является господство и в колхозном хозяйстве социалистического принципа распределения по труду. Значительная и все растущая доля доходов колхозников получается ими в денежной форме.

Доля общественного продукта, предназначенная для индивидуаль-

ного потребления, распределяется, следовательно, в социалистическом обществе посредством механизма, включающего: систему дифференцированной заработной платы, распределение натуральных и денежных доходов колхозов по трудодням, развитие советской торговли по ценам, установленным государством, и колхозной торговли по экономически регулируемым ценам колхозного рынка. К этому надо добавить бесплатные услуги государства трудящимся СССР, бесплатное образование, лечение, социально-культурные мероприятия.

Советские деньги, давая возможность приобретать продукты общественного труда, позволяют каждому трудящемуся использовать причитающуюся ему долю общественного продукта в соответствии с его индивидуальными вкусами и потребностями.

Победа социализма в нашей стране ликвидировала возможность использования денег как свидетельства на присвоение продукта чужого труда. Однако на отдельных участках денежного оборота воры и расхитители народного добра пытаются использовать деньги для расширения социалистической собственности, спекуляции и т. д. Дальнейшее укрепление социалистического государства, пользующегося единой поддержкой многомиллионного советского народа, дальнейший рост социалистического хозяйства все более пресекают такие попытки использования денег.

* * *

Чрезвычайно существенным моментом, создающим предпосылки для государственного контроля над процессами денежного оборота и планового их регулирования, является, во-первых, сосредоточение циркуляции денежных средств между государственными и кооперативными организациями в Госбанке; во-вторых, прохождение значительной части оборота наличных денежных средств через кассы Государственного банка.

Кредитные отношения, возникая в нашем хозяйстве на основе оборота денежных средств, создают условия для такой организации денежного обращения, при которой его регулирование сосредоточивается в руках Государственного банка. Кредитная система является необходимым звеном денежного оборота в советском хозяйстве.

Товарищ Сталин в докладе на XVI съезде партии со всей полнотой охарактеризовал значение безналичного денежного оборота для укрепления рубля: «Рациональная организация кредитного дела и правильное маневрирование денежными резервами имеют серьезное значение для развития народного хозяйства. Мероприятия партии по разрешению этой проблемы идут по двум линиям: по линии сосредоточения всего дела краткосрочного кредита в Госбанке и по линии организации безналичного расчета в обобществленном секторе. Тем самым, во-первых, Госбанк превращается в общегосударственный аппарат учета производства и распределения продуктов, во-вторых, из обращения освобождаются целые массы денег: Не может быть никакого сомнения, что эти мероприятия приведут (они уже приводят) к упорядочению всего кредитного дела и укреплению нашего червонца»¹.

Безналичный платежный оборот в советском хозяйстве основывается на сосредоточении в Государственном банке свободных денежных средств хозяйственных организаций. Остатки денежных средств хозяйственных организаций на расчетных счетах в Госбанке составляли к 1939 г. 8,7 млрд. руб. Эти средства обслуживают платежный

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 403.

оборот, составивший в 1938 г. 682 млрд. руб., оборачиваясь около 80 раз в течение года.

Сосредоточение свободных денежных средств хозяйства в Государственном банке происходит на началах кредитных взаимоотношений, предполагающих возврат банком этих средств хозоргану по мере необходимости. Для осуществления платежей, вытекающих из хозяйственной деятельности последнего.

В советском хозяйстве средства, выделенные каждому предприятию, совершают постоянный кругооборот. Они переходят из материальной формы в денежную, из денежной, по мере расходования на приобретение средств производства,— в материальную, проходят через процесс производства и снова превращаются в товар, предназначенный для реализации. Вместе с тем эти средства во всякий момент находятся в различных фазах кругооборота. Кругооборот средств в советском хозяйстве имеет свои специфические закономерности, принципиально отличные от закономерностей кругооборота капитала. Здесь мы имеем дело не с кругооборотом капитала. Не увеличение стоимости является в нашем хозяйстве целью, движущим мотивом процесса производства. В советском хозяйстве нет имманентных капиталистическому производству остановок в кругообороте, возникающих вследствие периодической невозможности превращения товара в деньги и т. д.

Существенное значение в данной связи имеет то обстоятельство, что в процессе кругооборота средств социалистических предприятий происходят постоянные колебания размеров средств, занятых в обороте каждого данного предприятия. Эти колебания ведут к высвобождению или дополнительному привлечению денежных средств.

Система кредита в советском хозяйстве является механизмом оперативного перераспределения денежных средств, временно высвобождающихся из хозяйственного оборота отдельных предприятий. За счет этих средств, которые сосредоточиваются на расчетных счетах, Госбанк предоставляет кредиты хозяйству. Вместе с тем эти средства служат для их владельцев кассовыми остатками и денежными резервами.

«Простое право на подучение денег,— говорит Маркс,— может замещать действительные деньги лишь в том случае, если долговые требования уравниваются»¹. Поскольку в советской системе хозяйства все взаимные расчетные связи хозяйственных организаций сосредоточены в Госбанке, основная часть взаимных платежей хозяйственных и финансовых органов уравнивается. Поэтому «право на получение денег» от банка, запись на расчетном счете предприятия полностью замещает его действительные деньги.

Практически весь оборот денежных средств между хозяйственными организациями сосредоточен в Госбанке (кроме платежей на мелкие суммы). Денежные средства той или иной организации, которые выдаются ей с расчетного счета наличными, например, на платежи по заработной плате, лишь временно уходят за пределы кредитной системы. По мере реализации населением денежных доходов деньги снова возвращаются в каналы Госбанка— на расчетные и текущие счета торговых и других организаций, обслуживающих население (транспорт, театры, почта и т. п.), на счета сберегательных касс и т. д. «Выпадает» из каналов Госбанка только та часть денежных средств, которая представляет собой остаток наличных денег в обращении. Это — деньги, находящиеся у населения (например, средний

¹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1936, т. III, ч. II, стр. 452.

остаток заработной платы, денежная выручка колхозников от колхозной торговли и т. д.). В Государственном банке сосредоточены и те денежные средства, которые обслуживают перераспределение социалистического накопления. От момента образования денежного накопления в составе суммы платежа тому или иному предприятию за реализованную им продукцию и до момента реализации накопления при расширении производства эти денежные средства остаются в каналах Госбанка. Они лишь переходят с расчетного счета хозяйственной организации на счет бюджета в Госбанке, с этого счета — на счет Промбанка и, наконец, на расчетный счет финансируемой организации. В Госбанке сосредоточиваются и те денежные резервы социалистического общества, которые создаются из года в год вследствие превышения бюджетных доходов над расходами.

В осуществлении платежного оборота роль Госбанка не сводится к чисто бухгалтерским функциям. Техника осуществления безналичных расчетов дает возможность через банковский аппарат контролировать платежный оборот и воздействовать на него в направлении правильного выполнения хозорганами их платежных обязательств.

На том же сосредоточении денежных средств хозяйственных и других организаций в Госбанке основывается и прохождение через него основных потоков наличных денег, циркулирующих в хозяйственном обороте. Это дает возможность регулировать количество наличных денег в обращении в соответствии с установками народнохозяйственного плана.

Основные потоки наличных денег в советском хозяйстве проходят через кассы банка: выплата фондов заработной платы, основная часть денежных доходов колхозов, распределяемых по трудодням, до 90% выручки торговых организаций, выручка транспорта, поступления в сберегательные кассы и т. д. Этот налично-денежный оборот достигает огромных размеров. В 1938 г. он составил 138 млрд. руб. Естественно, что осуществление такого оборота требует определенной массы денег, постоянно находящихся в обращении. Но весь налично-денежный оборот страны не исчерпывается оборотом, проходящим через кассы Госбанка. Часть денежных средств постоянно занята в каналах колхозной торговли и обслуживает другие платежи населения. От скорости оборота каждого рубля зависит, какая масса наличных денег необходима для осуществления оборота материальных ценностей. При прочих равных условиях с ростом денежных доходов, оборотов государственных и кооперативных торговых организаций и оборотов колхозной торговли должна увеличиваться и масса наличных денег в обращении, т. е. эмиссия денег. Соответствие выпуска денег потребностям оборота является одним из существенных элементов народнохозяйственного планирования.

Что представляет собой эмиссия в советском хозяйстве? Рост потребности хозяйственного оборота в наличных денежных средствах означает, что общество в целом оплатило привлеченный им труд на соответственно большую сумму, чем та, которую члены общества за тот же период, во-первых, израсходовали на продукты труда и, во-вторых, сберегли, внося в сберкаассы, участвуя в госзаймах и т. д. В определенных размерах такое несоответствие, представляющее отсрочку потребления, технически необходимо, так как использование каждым трудящимся причитающейся ему доли продукта общественного труда, представленного в советских деньгах, происходит не одновременно, а по частям, по мере расходования населением денежных доходов.

Понятно, что в том случае, если бы банк допустил чрезмерную эмиссию, была бы создана уже не технически необходимая, а вынуж-

денная отсрочка потребления со всеми вытекающими отсюда отрицательными народнохозяйственными последствиями.

Троцкистско-бухаринские предатели и их союзники из лагеря контрреволюционных шахтинских буржуазных специалистов, для того чтобы затормозить ход социалистического строительства, пытались «объяснять» трудности в сфере товарооборота, возникавшие при проведении индустриализации страны, влиянием денежных факторов. Вместе с тем троцкистско-бухаринские выродки толкали на то, чтобы игнорировать влияние денежного фактора на хозяйство. Партия и советское правительство всегда проявляли и проявляют максимальную заботу об устойчивости советского рубля, уделяя серьезнейшее внимание правильному установлению размеров эмиссии с тем, чтобы количество денег в обращении соответствовало потребностям хозяйственного оборота.

Госбанк является государственным органом, который практически осуществляет выпуск или изъятие из обращения наличных денег и регулирует их обращение так, чтобы в итоге было реализовано плановое задание по эмиссии. Прохождение денежного оборота через кассы Госбанка создает, следовательно, в советском хозяйстве такие рычаги оперативного регулирования эмиссии посредством кредитного и кассового плана, которые недоступны капиталистическим эмиссионным банкам.

В результате увеличения количества денег, постоянно находящихся в сфере обращения, оказывается возможным соответственно расширить фонды производительного потребления и использовать эмиссию для приведения в движение этих фондов и направления их в те звенья общественного производства, где такое производительное потребление предусмотрено планом. Такое перемещение в распределении народного дохода и общественного продукта проявляется в том, что эмиссия представляет собой ресурс, используемый Государственным банком для кредитования хозяйства.

Для успешного проведения Госбанком его кредитных, кассовых, расчетных и эмиссионных операций огромное значение с точки зрения денежного обращения имеет правильное построение и выполнение кредитного плана Госбанка. Этот план включает три основных элемента: размеры привлеченных ресурсов, размеры потребного хозяйству кредитования и размеры экономически необходимого увеличения массы наличных денег в обращении. Общей основой роста ресурсов и кредитов Госбанка является подъем социалистического производства, расширение хозяйственного оборота и повышение благосостояния трудящихся.

Вместе с тем соответствие между ресурсами Госбанка и размерами его кредитов устанавливается не автоматически, не самотеком. Размеры кредитования определяются возникновением у хозяйственных организаций определенного круга потребностей в средствах для покрытия сезонных затрат, приобретения сезонных запасов материальных ценностей, покрытия разрывов во времени между отгрузкой продукции и поступлением платежа и т. п. Объем средств, привлеченных Госбанком, отражает иные процессы — высвобождение из хозяйственного оборота денежных средств, обслуживающих обращение материальных ценностей между социалистическими предприятиями, перераспределение социалистического накопления и образование денежных резервов. Объем экономически необходимой эмиссии является массой денежных средств, потребных для обслуживания лично-денежного оборота.

Таким образом, ресурсы Госбанка — это (наряду с собственными средствами банка) обращающиеся в хозяйственном обороте денежные

средства, обслуживающие наличные и безналичные платежи, а также денежные резервы хозяйства и населения.

Размеры кредитования в конечном итоге ограничены ресурсами Госбанка. Однако такое ограничение происходит не механически; банк в оперативной работе не «делит» имеющуюся у него «кучу» денег. В этом заложены возможности гибкого приспособления кредитного механизма к требованиям хозяйства, но в то же время и опасности нарушения плановых показателей в области денежного обращения.

Технически выдача ссуды отделением Госбанка возможна совершенно независимо от наличия у данного отделения привлеченных средств или от использования им эмиссионного источника. При этом «просто» определенная сумма записывается на ссудный счет данной организации и одновременно на ее расчетный счет. В пределах низового звена кредитной системы, которое непосредственно осуществляет операции, выдача ссуды не только не обусловлена наличием в данный момент у этого звена соответствующих ресурсов, но даже как бы влечет за собой увеличение остатков на текущих счетах. Связь между размерами кредитования и ресурсами Госбанка обнаруживается, во-первых, только в масштабе всей кредитной системы, во-вторых, только на протяжении определенного периода времени. Кредитные операции Госбанка в целом за этот период могут выйти за пределы привлеченных ресурсов, и тогда они приводят к соответствующему приросту эмиссии. Такой конечный результат кредитных операций появляется в итоге всего платежного оборота (как безналичного, так и осуществляемого посредством наличных денег), который проходит через кредитную систему.

Предприятие берет ссуду не для того, чтобы держать денежные средства на своем счете в банке. Эти деньги расходуются им, допустим, на оплату средств производства, под сезонное накопление которых была выдана ссуда, и переходят на расчетный счет его поставщика. Для последнего поступившая к нему сумма денежных средств уже не является заемными оборотными средствами. Его оборотные средства, существовавшие ранее в товарной форме, приняли денежную форму в результате реализации продукции. Эти денежные средства предприятие-поставщик, в свою очередь, расходует частью на выплату заработной платы, частью — на платежи другим хозяйственным организациям, осуществляемые по безналичным расчетам. Денежные средства, предоставленные Госбанком в кредит хозяйству, обслуживают платежный оборот: частью в порядке безналичных расчетов, частью же превращаются в наличные деньги. В какой мере увеличатся при этом остатки на расчетных и текущих счетах хозяйственных, финансовых и других организаций, зависит от того, сколько выделит хозяйственный оборот денежных средств для осуществления текущих платежей, для перераспределения накоплений социалистических предприятий и образования денежных резервов хозяйственных и финансовых организаций. Прирост привлеченных сумм зависит от экономически необходимого высвобождения денежных средств из оборотов хозяйственных организаций и аккумуляции средств финансовой системой. В этих пределах возрастут привлеченные ресурсы Госбанка, однако не вследствие увеличения его кредитов, а в результате развития хозяйственного оборота, роста платежного оборота, увеличения объема перераспределения через бюджетную систему и т. д. Если Госбанк увеличит кредитование лишь в таком объеме, значит он правильно учел в кредитном плане экономически необходимый прирост привлеченных средств и не вышел при кредитовании за пределы этого прироста. Банк лишь предвосхитил увеличение денежных остатков, образующихся в хозяйственном обороте.

Госбанк может, однако, увеличить кредитование хозяйства на большую сумму, чем возрастут остатки на расчетных и текущих счетах. Это значит, что денежные средства, предоставленные банком хозяйственному обороту, будут вытолкнуты из каналов безналичных расчетов. Следовательно, наличные деньги, снятые с расчетных счетов хозорганизаций, в соответствующей части не вернутся на расчетные счета. Выдача наличных денег из касс Госбанка превысит поступления их в эти кассы. Это и явится приростом эмиссии, причем такой прирост может произойти не в тех пунктах, где увеличено кредитование, вызвавшее этот прирост, и не совпасть с ним во времени.

Рост выданных кредитов может, следовательно, предвосхитить и обусловить соответствующее увеличение массы наличных денег в обращении. Понятно, что такое использование эмиссионного ресурса возможно и целесообразно в пределах нормального, экономически необходимого прироста массы наличных денег в обращении. Однако ослабление кредитной дисциплины, перекредитование хозяйства и невнимание к аккумуляции средств в Госбанке может привести к тому, что эмиссионная директива окажется нарушенной.

Чтобы обеспечить выполнение плана эмиссии, кредитный план должен увязать воедино размеры кредитования, прирост привлеченных средств и размеры эмиссии. Между тем на практике иногда размеры кредитования рассматриваются как твердые величины, автоматически вытекающие из промфинпланов отраслей хозяйства. В то же время планирование ресурсов Госбанка до сих пор еще не находится на высоком уровне. В плане по расчетным счетам еще не отражаются достаточно полно факторы, определяющие динамику их остатков, еще не создан механизм оперативного воздействия на выполнение планов по ресурсам.

Кредитный план Госбанка не автоматически следует за промфинпланами отраслей хозяйства, а вносит в них коррективы. Конкретно банк может потребовать выполнения данного объема производства или обращения с меньшим авансированием денежных средств, т. е. с меньшим первоначальным вложением продуктов общественного труда. Это может быть достигнуто путем ускорения процессов производства и обращения и сокращения необходимых запасов материальных ценностей в данном предприятии. Банк может также активно воздействовать и на план его ресурсов — по линии мобилизации внутренних средств предприятий, увеличения накоплений, ускорения оборота материальных ценностей, расширения оборотов советской торговли и внутрипромышленного оборота и т. п.

В свете задач третьей пятилетки должна быть усилена роль низовых оперативных звеньев системы Госбанка в борьбе за выполнение плана привлечения средств. Надо создать оперативную финансовую заинтересованность отделений банка, его «клиентуры» и местных советских органов в увеличении высвобождающихся денежных средств предприятий. Тем самым будет ускорен оборот материальных ценностей в производстве и обращении и повысится использование местных хозяйственных ресурсов.

В эпоху постепенного перехода к коммунизму растут производительность труда и материальный уровень жизни советского народа. Происходит дальнейшее техническое и организационное укрепление социалистических предприятий и расцвет крупного социалистического сельского хозяйства. Развивается и крепнет вся социалистическая экономика. Это создает условия для все большего укрепления советского рубля и всего денежного и финансового механизма, что, в свою очередь, является фактором дальнейшего экономического развития страны, уверенно шагающей по пути к коммунизму.

А. ПЕТРОВ

О методах учета продукции промышленности¹

Вопросы учета валовой и товарной продукции промышленности, поднятые в статье т. Колганова², не являются новыми в статистической литературе. Казалось бы, что они относятся к области специальных статистических проблем. Между тем, эти вопросы всегда имели и имеют большое значение для методологии планирования и учета. Методология учета продукции освещалась до сего времени преимущественно в специальной литературе. Наши экономисты уделяют мало внимания экономической статистике вообще и в частности таким важнейшим проблемам, как учет продукции. Между тем все вопросы советской статистики могут найти научное разрешение только на базе марксистско-ленинской теории, на базе политической экономии социализма.

Научная постановка методологических проблем советской статистики приобретает особо актуальное значение в настоящее время, когда перед плановиками и статистиками стоит задача скорейшей ликвидации последствий вредительства в области планирования и учета. К сожалению, научная разработка вопросов народнохозяйственного учета идет крайне медленно. Практические методы учета во многих случаях теоретически не обоснованы и подчас носят характер эмпирических и произвольных построений.

По поводу применяемой в настоящее время формулы учета продукции промышленности следует сказать, что она не вполне удовлетворительна как для учета выполнения плана, так и для определения полного объема произведенной за данный отрезок времени продукции. Для учета выполнения плана суммарный показатель валовой продукции не вполне пригоден, так как при этом методе учета невыполнение плана по готовой комплектной продукции может быть покрыто незаконченной продукцией.

В свое время по этому вопросу т. Орджоникидзе в докладе на заседании Совета при наркомте тяжелой промышленности сказал следующее: «Товарищ Сталин предложил, и мы с ним целиком согласны: считать выполненной программу только того предприятия, которое дало и по количеству и по качеству хорошую продукцию.

Если предприятие дало количество продукции по плану, но не дало по качеству, не считать программу выполненной. Если оно дало по количеству, но не дало комплектно, не считать это выполнением программы... В связи с этим пора нам отказаться от планирования выполнения плана по валовой продукции. Надо планировать выполнение программы не по валовой продукции, а по товарной — сколько готовой продукции мы выпустили для нашего населения, для нашего народного хозяйства»³.

¹ Печатается в порядке обсуждения. — Ред.

² См. журнал «Проблемы экономики» № 4 за 1938 г.

³ «За индустриализацию», 5/VII 1936 г.

Как известно, показатель валовой продукции по «заводскому» методу включает не только производство готовых изделий и полуфабрикатов, отпущенных на сторону, но и в некоторых отраслях (машиностроении, лесозаготовке, торфодобыче и производству кинофильмов) также прирост незавершенного производства. Очевидно, что показатель товарной продукции предприятия дает более правильную характеристику выполнения плана, тогда как валовая продукция показывает весь итог производства, в том числе и сумму произведенных незаконченных изделий, не поступивших в народно-хозяйственный оборот. Небезынтересно заметить, что в случае уменьшения незаконченного производства в конце периода по сравнению с началом, товарная продукция будет больше валовой. В этом случае непригодность показателя валовой продукции для определения реального объема изделий, поступивших в народное хозяйство, очевидна.

Помимо этого, показатель валовой продукции, исчисленный по «заводскому» методу, имеет еще один недостаток. Особенность этого метода состоит в том, что продукция, пошедшая в дальнейшую переработку на этом же предприятии, рассматривается как внутренний оборот и в итог валовой продукции не включается. Так, в продукцию прядильно-ткацкой фабрики включаются только ткань и прирост остатков переработанной пряжи собственного производства. Если же прядильная и ткацкая фабрики представляют собою самостоятельные предприятия, то в учет продукции текстильной промышленности войдет не только ткань, но и пряжа. Эта особенность учета продукции по «заводскому» методу затрудняет правильное построение динамических рядов продукции и производительности труда по отдельным отраслям и всей промышленности в целом, так как вследствие изменений организационной структуры промышленности продукция будет искусственно либо занижена, либо завышена, и тем самым, следовательно, исказится динамика производительности труда. Наконец, валовая продукция, исчисленная по «заводскому» методу, оказывается во многих случаях несопоставимой в натуральном выражении. Из приведенного выше примера видно, что сумма продукции прядильных фабрик не может быть сопоставлена с производством пряжи в целом в натуре, так как пряжа, производившаяся в текстильных комбинатах, в общую сумму продукции (в денежном выражении) не входит. Это обстоятельство привело к тому, что в некоторых отраслях пищевой промышленности учет продукции производится по так называемому методу валового оборота (валового выпуска).

Совершенно очевидно, что в ряде случаев (для правильного отражения динамики продукции и производительности труда, для сохранения сопоставимости денежной оценки и натурального количества и т. д.) целесообразно применять метод валового оборота. Наиболее правильное определение валового оборота может быть достигнуто учетом продукции по твердой номенклатуре изделий. В этом случае в общий объем продукции промышленности должны быть включены вся пряжа, весь металл и т. д., независимо от того, производятся ли они на самостоятельных предприятиях или же в цехах сложных предприятий и в комбинатах. Метод валового оборота обеспечит полный и единообразный учет всех отдельных изделий, включенных в номенклатуру, и тем самым позволит более правильно определить динамику продукции и производительности труда.

Не следует думать, что валовая продукция по «заводскому» методу вовсе излишний и непригодный показатель. Для определения общего объема продукции отдельного предприятия, для изучения издержек производства за данный период необходима валовая продукция, ис-

численная по этому методу. Однако такой показатель не может быть пригоден одновременно для разных целей. Выполнение плана предприятия лучше всего характеризует товарная продукция. Последняя показывает, какое количество изделий «выдано» предприятием для народного хозяйства, т. е. для населения и для других предприятий, у которых выполнение плана тесно связано с запланированным поступлением сырья, полуфабрикатов, топлива, оборудования и т. д. Наконец, для изучения натурально-вещественного состава промышленной продукции важно учесть полностью сумму всех отдельных видов ее, т. е. учесть весь объем поступления из производства этих отдельных видов продукции, называемый в статистике валовым оборотом или валовым выпуском.

Экономическая статистика не ограничивается этими показателями продукции. Для определения народного дохода необходимо исчисление чистой продукции, получаемой путем вычета из валовой продукции всех материальных производственных затрат (включая амортизацию).

Имеет значение и так называемая отраслевая валовая продукция, т. е. продукция без повторного счета (об этом показателе далее будет сказано подробнее).

Что касается товарной продукции предприятия, то ее определение довольно просто: сюда должна быть отнесена продукция за данный период, реализованная («отпущенная») на сторону, либо предназначенная к реализации и, следовательно, также законченная производством в данном предприятии. Если идет речь о какой-либо совокупности предприятий, например об объединении, главке, целой отрасли и т. д., то в этом случае, наряду с суммированием товарной продукции отдельных предприятий, представляет большое практическое значение определение товарности всего объединения в целом, т. е. определение объема продукции, которая поступит во-вне из объединения, главка, отрасли и, наконец, из всей промышленности в целом. Ясно, что в этих случаях исключается внутренний оборот продукции, т. е. реализация одних предприятий другим в пределах данного объединения, главка и т. д.

Сложнее обстоит дело с определением валовой продукции по «заводскому» методу и валового оборота. Кроме сказанного нами ранее о содержании этих показателей, необходимо остановиться на вопросе, подлежащем особому обсуждению, а именно: следует ли включать в валовую продукцию (и в валовой оборот) незаконченную продукцию и, если следует, то каким образом. Очевидно, что полное исключение незаконченной продукции определит не что иное, как товарную продукцию. Между тем для многих целей, как уже сказано выше, необходим учет всей продукции (при определении полного объема и структуры издержек производства, составлении натуральных балансов, исчислении народного дохода и т. д.).

В существующей практике учета незавершенное производство включается в валовую продукцию в размере прироста его за данный период (или вычитается из валовой продукции в случае его уменьшения в конце периода по сравнению с началом) только по машиностроению, лесозаготовке, торфодобыче и производству кинофильмов. Таким же образом учитывается изменение остатков инструментов своей выработки в тяжелой промышленности (включая машиностроение). Что касается остатков полуфабрикатов своей выработки, то, по новой инструкции ЦУНХУ, изменение их (соответственно со знаком плюс или минус) учитывается при определении валовой продукции во всех отраслях промышленности. Изъятие в отношении учета изменения незавершенного производства и производства ин-

струментов сделано для ряда отраслей промышленности по практическим соображениям, исходя из того, что удельный вес прироста или уменьшения незавершенного производства и остатков инструментов своей выработки незначителен по отношению к продукции. Существенным в применяемом методе являются не эти изъятия для ряда отраслей, а то, что в принципе в валовую продукцию включается только изменение объема незавершенного производства и остатков инструментов и полуфабрикатов своей выработки.

Тов. Колганов считает теоретически правильным именно такой метод учета продукции промышленности и высказывается против нашего предложения о включении в валовую продукцию в сей суммы остатков (на конец изучаемого периода) незавершенного производства и остатков полуфабрикатов своей выработки.

Пытаясь методологически «обосновать» свое предложение, т. Колганов не заметил, что вся его аргументация как раз раскрывает теоретическую несостоятельность существующей формулы учета продукции промышленности и, в конечном итоге, подтверждает наши предложения. Тов. Колганов правильно подмечает с самого начала, что применяемая формула — выпуск готовых изделий + прирост или убыль незавершенного производства за период — носит чисто эмпирический характер. В самом деле, если незавершенное производство хотя бы в какой-то своей части, именно в части прироста, считается все же продукцией, то какие могут быть основания, чтобы не считать всей суммы незавершенного производства. Вычитание же уменьшения незавершенного производства из суммы готовых изделий само по себе вообще не поддается рациональному объяснению. Логически более последователен такой способ, когда учитываются только готовые изделия («готовые» для данного предприятия), а незавершенное производство не учитывается вовсе. Экономически этот способ, однако, неправилен, так как наряду с недоучетом продукта годового труда (народного дохода) будет также иметь место недоучет материальных затрат (под незавершенное производство) и, следовательно, будет запутан счет материальных балансов и всего баланса производства и потребления.

Критикуя существующую схему учета валовой продукции, т. Колганов дает свою формулу учета. Незавершенное производство на конец года должно, по его мнению, в качестве продукта труда данного года, целиком войти в валовую продукцию. Что же касается производства законченных изделий (условимся называть так все готовые изделия и полуфабрикаты, отпущенные предприятием на сторону или предназначенные для отпуска на сторону), то их следует включать в валовую продукцию не в полной сумме, а за вычетом незавершенного на начало года производства, как относящегося к продукции прошлого года.

Нетрудно видеть, что количественные итоги расчета по схеме т. Колганова и по действующей инструкции совпадают. Что же касается методологической стороны дела, то эта схема наилучшим образом показывает несостоятельность существующей практики и предложения т. Колганова.

Основной порок действующего метода в том, что он разрывает натуральный учет и учет в денежном выражении в тех случаях, когда имеет место уменьшение остатков незавершенного производства. По схеме т. Колганова разрыв натурального и денежного учета будет иметь место во всех случаях (т. е. и тогда, когда налицо прирост незавершенного производства), так как фактическая сумма выпуска готовых изделий должна быть уменьшена на величину стоимости незавершенного производства к началу года.

Различие вариантов формулы учета продукции промышленности может быть иллюстрировано следующим условным примером.

I. Для случая, когда остатки незавершенного производства возросли:

а) незавершенное производство на начало года	50 тыс. руб.	
б) выпуск законченных изделий	1 000	» »
в) незавершенное производство на конец года	60	» »

По действующей инструкции в отраслях, где введен учет изменений незавершенного производства, валовая продукция будет определена так: выпуск законченных изделий—1 000 тыс. руб. плюс прирост незавершенного производства—10 тыс. руб. (60 тыс. руб. минус 50 тыс. руб.) = 1 010 тыс. руб.

По схеме т. Колганова состав продукции будет иным, а именно: стоимость готовых изделий (1 000 тыс. руб. минус незавершенное производство на начало года 50 тыс. руб.)—950 тыс. руб. плюс незавершенное производство на конец года—60 тыс. руб., а всего 1 010 тыс. руб.

Уменьшение фактического поступления законченных изделий получится по схеме т. Колганова и в том случае, если нет никаких изменений незавершенного производства от начала до конца периода. Таким образом, фактическое поступление законченных изделий и «продукция» не совпадают.

II. Для случая, когда объем незавершенного производства снизился:

а) незавершенное производство на начало года	50 тыс. руб.	
б) выпуск законченных изделий	1 000	» »
в) незавершенное производство на конец года	40	» »

В этом случае объем и состав продукции по схеме т. Колганова представится следующим образом: законченные изделия—950 тыс. руб. (1 000 тыс. руб. минус 50 тыс. руб.) плюс незавершенное производство на конец года—40 тыс. руб. = 990 тыс. руб.

Этот же объем, исчисленный по действующей инструкции, включает только выпуск законченных изделий, уменьшенных на 10 тыс. руб. (на разницу между 50 и 40 тыс. руб.).

Указанный пример обнаруживает явную теоретическую несостоятельность существующей формулы учета, а равно и предложения т. Колганова. Коренным недостатком их является запутывание натурально-вещественного состава продукции и, следовательно, всего материального баланса. Если обратиться к приведенному выше примеру, то окажется, что во всех случаях в народнохозяйственный оборот поступило законченных изделий на сумму 1 000 тыс. руб. Эти законченные изделия пошли либо в производство и значит будут учтены в затратах других отраслей как полуфабрикаты, топливо и т. п., либо пошли в личное потребление и тогда найдут отражение в структуре фактического потребления населения. Метод учета изменений незавершенного производства, при котором сальдируется производство законченных изделий (между прочим, это могут быть в отдельных предприятиях целиком предметы потребления) с незавершенным производством, дает иную структуру продукции. Эта структура, как мы видели выше, не совпадает со структурой фактического поступления продукции в народное хозяйство и, следовательно, ее расхода.

Единственно правильным является такой метод учета продукции, когда в него входят полностью все законченные изделия и вся сумма незавершенного производства на конец года.

Применительно к приведенному примеру расчет получается следующий: 1 000 тыс. руб. (выпуск готовых изделий) плюс 60 тыс. руб. (не-

завершенное производство на конец года) = 1060 тыс. руб. Исчисленная таким образом продукция включает все готовые продукты труда, вышедшие в течение данного периода из различных стадий производства, независимо от того, что часть из них начата производством еще в предшествовавшем периоде, а часть произведенных в данном периоде продуктов труда осталась на конец года как незавершенное производство (полуфабрикаты и инструменты своей выработки могут быть отнесены к законченным продуктам труда подобно всяким другим полуфабрикатам и инструментам). Применяемая ныне схема имеет одно практическое преимущество: она позволяет получить годовой итог продукции как простую сумму ежемесячных итогов. Если же в продукцию за месяц включать сумму незавершенного производства, то при сложении итогов двух и более месяцев получится повторный счет, так как незавершенное производство будет учтено в данном месяце в продукции самостоятельной суммой и повторно в следующем месяце — в стоимости готовых изделий как элемент затрат при производстве последних. Очевидно, что для получения годового итога придется произвести исключение этого повторного счета, что связано с некоторыми практическими трудностями. Однако теоретически правилен метод включения в валовую продукцию, наряду с полной стоимостью готовых изделий, также и всей суммы остатков незавершенного производства на конец года.

Решение поставленного вопроса вытекает из определения и структуры годового продукта труда и рассмотрения показателя продукции в связи со всеми другими показателями воспроизводства, т. е. изучения показателя производства в системе баланса народного хозяйства.

В основу конкретной формулы учета продукции должно быть положено определение общественного продукта и его структуры. Как известно, Маркс различает годовой продукт и продукт годового труда. Годовой продукт есть весь произведенный продукт; он является результатом труда не только данного года, но и предшествующих лет (в части перенесенной стоимости). Годовой общественный продукт включает как предметы потребления, так и средства производства.

Из приведенных определений вытекает формула учета продукции: в продукцию должно быть включено все вышедшее из производства за данный период, независимо от того, что частично производство начато было еще до этого периода. Вся стоимость сырья и полуфабрикатов, потребленных в производстве, должна войти в общую стоимость продукции данного периода, если даже это сырье и полуфабрикаты были произведены до его начала.

С другой стороны, весьма важно заметить, что средства производства, выпускаемые в данном периоде, также включаются Марксом в годовой продукт, несмотря на то, что они в последующий период, в свою очередь, войдут вновь в продукцию в качестве элементов перенесенного труда.

Из сказанного с очевидностью вытекает, что, определяя продукцию данного периода (например, года), мы рассматриваем его как вполне обособленный от предыдущих и последующих периодов. По отношению к ним данный период является, по существу, лишь звеном непрерывного процесса воспроизводства.

Таким образом, в объем продукции должно быть включено все, что произведено трудом данного года (т. е. продукт годового труда), а также и продукция предыдущих периодов, поскольку она в качестве перенесенного труда вошла в виде сырья, топлива, полуфабрикатов, амортизации и т. д. в продукцию текущего периода.

Критикуя взгляды А. Смита, который, как известно, запутался в вопросе о понятии валового и чистого продукта, Маркс указывал, что «...общий годовой продукт есть результат полезного труда, затраченного в течение года»¹. Что же касается стоимости годового продукта, то лишь часть ее создается в данном году (вновь созданная стоимость), а другая часть представляет собой перенесенную стоимость, т. е. стоимость средств производства, имевшихся к началу года и потребленных в производстве в данном году. Кстати говоря, т. Колганов приводит в своей статье как раз это же высказывание Маркса, на основе которого он формулирует следующее правильное определение продукции: «применительно к социалистическому хозяйству мы вправе сказать, что валовая продукция представляет собой сумму потребительных благ, произведенных за данный период. Поэтому при подсчете затрат труда, связанных с производством валовой продукции, включаются как затраты прошлого труда (перенесенные на продукт средствами производства), так и вновь произведенные затраты живого труда» (стр. 71).

Однако двумя страницами ниже (см. стр. 73) т. Колганов приходит к совершенно другому выводу, который противоречит марксовому определению годового валового продукта и его собственным первоначальным положениям. Это второе толкование т. Колганова, являющееся основой всех его практических предложений, заключается в следующем: а) незавершенное производство на начало года есть продукт труда прошлого года (это совершенно правильно) и б) так как незавершенное производство есть продукт труда прошлого года, его не следует включать в валовую продукцию текущего года (!?).

Но разве незавершенное производство и полуфабрикаты «своей выработки» являются единственным продуктом труда прошлого года? Ведь все средства производства, имевшиеся на начало периода, являются продуктом труда прошлого года. Больше того, с народнохозяйственной точки зрения весь запас средств производства на начало года является своего рода «незавершенным производством» и включает также полуфабрикаты «своей выработки» предшествующего года.

Таким образом, последовательное применение предлагаемого т. Колгановым определения продукта труда данного года приведет нас к необходимости исключить по народному хозяйству весь продукт труда прошлого года, в результате чего мы получим чистую продукцию, а никак не валовую продукцию.

Аргументируя свое предложение об исключении из валовой продукции незавершенного производства и запасов полуфабрикатов своей выработки, автор придумал особо хитроумное доказательство, которое позволило бы ему избежать вычета всех средств производства, имевшихся к началу года, из продукции текущего года и ограничиться вычетом незавершенного производства и полуфабрикатов своей выработки. Это доказательство состоит в том, что незавершенное производство и остаток полуфабрикатов своей выработки не могут якобы считаться средствами производства в данном периоде, а остаются лишь продуктами труда.

В этом утверждении все запутано и неверно. Во-первых, незавершенное производство не является продуктом труда в том смысле, в каком Маркс говорит о продукте труда, т. е. в смысле законченного на данной стадии процесса производства и создания потребительной стоимости. Незавершенное производство есть незаконченный продукт труда и потому скорее является именно предметом

¹ Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. II, кн. II, стр. 270.

труда. Что касается полуфабрикатов своей выработки, то они, безусловно, могут считаться законченными продуктами труда. Во-вторых, почему продукты труда прошлого периода (если принять в качестве таковых и незавершенное производство) не могут быть предметами труда в данном периоде? Не ясно ли, что значительная часть предметов труда данного месяца или года является продуктом труда прошлого месяца или года и лишь их фактическое использование в данном периоде дает право отнести их к средствам производства.

Маркс говорит: «...является ли известная потребительная стоимость сырым материалом, средством труда или продуктом, это всецело зависит от ее определенной функции в процессе труда...»¹. Приводя это высказывание Маркса, т. Колганов приходит к следующему заключению: поскольку незавершенное производство и полуфабрикаты получают свое определенное место в процессе труда только после того, как превратятся в готовую продукцию, нельзя считать их продуктом труда предшествовавшего периода и одновременно предметами труда для данного периода. В целом это положение обобщается т. Колгановым в таком виде, что разграничение во времени не является одним из признаков различия овеществленного и живого труда. Это положение в корне ошибочно: как раз по той причине, что потребительные стоимости являются средствами производства не вследствие своей физической природы, а в зависимости от их функции в процессе труда продукты труда прошлого периода переходят в данном периоде в состав либо средств производства, либо предметов потребления. Например, сахар, имеющийся в запасе на конец месяца или года и являющийся продуктом труда этого месяца или года, в той его части, которая пойдет на производственные цели в следующем месяце или году, очевидно, должен быть отнесен к предметам труда. Попутно следует отметить, что полуфабрикаты своей выработки во всяком случае являются бесспорными предметами труда (в том случае, конечно, когда они поступают в производство). Однако и незавершенное производство на начало периода является предметом труда в данном периоде и входит, наряду с другими средствами производства, в общую сумму материальных затрат, а, следовательно, и в стоимость готовой продукции.

Таким образом, годовой продукт есть продукт полезного труда данного года, в который, как известно, входит в определенной доле продукт труда прошлого года. Всякая попытка «очистить» годовой продукт от труда прошлого года поведет по пути определения продукта годового труда, т. е. народного дохода.

Поскольку должна быть учтена вся готовая продукция, поступившая в течение данного периода, незавершенное производство на начало этого периода само собой входит как элемент издержек производства этой готовой продукции. Отсюда ясно, что незавершенное производство как элемент издержек не отличается от всех других издержек производства.

Другое дело, когда идет речь о незавершенном производстве как части продукции. Для оценки выполнения плана, конечно, важно особо учитывать готовые изделия и особо незавершенное производство. Вместе с тем нас не удовлетворяет также суммарный учет и готовых изделий: необходимо, чтобы учет выпуска производился в соответствии с ассортиментом плана.

Каковы практические последствия неправильного метода учета валовой продукции? Прежде всего неполно учитывается ее объем. Для

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 203.

промышленности в целом незавершенное производство составляет более 5% валовой продукции, а для отдельных отраслей — 20% и более. Кроме того в ряде случаев (как это показано в ранее приведенном нами примере), когда незавершенное производство и остатки полуфабрикатов и инструментов своей выработки уменьшаются к концу периода по сравнению с началом, отпадает возможность конкретно детализировать продукцию и определить все отдельные виды изделий, поступивших из промышленности.

Весьма существенным дефектом неполного учета валовой продукции является искажение структуры затрат и себестоимости. Поскольку в объем валовой продукции не входит незавершенное производство на начало периода, соответственно эта же величина незавершенного производства не включается и в затраты.

Рассмотрим это на следующем условном примере:

а) незавершенное производство на начало периода	50 тыс. руб.		
б) выпуск готовых изделий за период	1 000	»	»
в) незавершенное производство на конец периода	50	»	»
г) потреблено в производстве покупных материалов, сырья, топлива и т. д. на	790	»	»
д) заработная плата	210	»	»

По существующему методу учета валовая продукция составит 1 000 тыс. руб.

Сумма затрат под эту продукцию, равная также 1 000 тыс. руб., складывается из следующих элементов: на сырье, материалы, топливо — 790 тыс. руб. и на заработную плату — 210 тыс. руб.; следовательно, материальные затраты составляют 79% и заработная плата — 21%.

Взяв весь объем валовой продукции, мы получим иной объем и структуру затрат. Полный объем валовой продукции равен сумме выпуска готовых изделий (1 000 тыс. руб.) плюс незавершенное производство на конец периода (50 тыс. руб.), т. е. 1 050 тыс. руб.; соответственно увеличатся и материальные затраты, которые составят 840 тыс. руб. (из них 790 тыс. руб. — стоимость покупных материалов и 50 тыс. руб. — стоимость незавершенного производства на начало периода). Всего затрат получится 1 050 тыс. руб., из них материальных — 840 тыс. руб., или 80%, и заработная плата (остается без изменения) — 210 тыс. руб., или 20%.

Хотя объем чистой продукции в обоих случаях один и тот же (в продукции и затратах делается поправка на одну и ту же сумму), искажается, как мы видели на условном примере, структура валовой продукции — соотношение материальных затрат и заработной платы.

Наконец, недоучет незавершенного производства неправильно определяет объем средств, которыми располагает наша промышленность на данный период. Учитывая запасы готовых изделий, полуфабрикатов и т. д., нельзя произвольно исключать незавершенное производство как с точки зрения реального значения этого вида ресурсов, так и в целях определения удельного веса этого своеобразного незаконченного продукта труда в общем запасе средств производства.

Тов. Колганов проявляет полную непоследовательность в разрешении методологических вопросов учета продукции. Выдвигая совершенно правильное положение о том, что учет валовой продукции должен базироваться на конкретном перечне продуктов, подлежащих учету исходя из требований планирования (стр. 75), автор не замечает, что все его рассуждения об исключении незавершенного производства и остатков полуфабрикатов своей выработки, имевшихся в

наличии к началу года, не позволяют учесть объем продукции как сумму конкретных продуктов.

В заключение несколько замечаний об исчислении валовой продукции без повторного счета. Выше нами было указано в общих чертах значение и условия применения показателей валовой продукции, валового оборота, товарной продукции и чистой продукции. Можем ли мы считать эти показатели удовлетворительными с точки зрения всех целей экономического анализа? Теория и практика дают на этот вопрос отрицательный ответ. Если, например, ставится задача определения доли отраслей народного хозяйства в производстве совокупного общественного продукта, то ни один из этих показателей, строго говоря, не пригоден для этой цели. При сравнении продукции разных отраслей сказывается известная несопоставимость показателей валовой продукции и валового оборота, зависящая от своего характера производства. Вместе с тем и сравнение отраслей по объему товарной продукции, дающее правильный результат для характеристики взаимосвязей отраслей, не отвечает на вопрос — какова роль отрасли в производстве всего годового продукта. Например, соотношение продукции промышленности и сельского хозяйства не может быть точно выражено показателем товарной продукции, так как в сельском хозяйстве значительная часть ее не реализуется, а идет непосредственно на цели производственного или личного потребления (так называемая натуральная часть).

Практически наиболее простым способом сравнения отдельных отраслей является показатель чистой продукции. Поскольку при определении чистой продукции исключается все производственное потребление, здесь нет никакого повторного счета. Но не следует забывать, что чистая продукция показывает долю участия отрасли в производстве народного дохода (продукта годового труда), а не во всем годовом продукте. Для определения реального объема валовой продукции за год как годового продукта и соответственно для определения доли отраслей в производстве годового продукта нами было выдвинуто предложение: исчислять валовую продукцию без повторного счета. Для всего народного хозяйства это будет чистая продукция плюс запас средств производства, имевшихся на начало года.

Запас средств производства, поступающий в производственное потребление в данном году, составит реальную сумму перенесенного прошлого труда (в эту величину должна входить амортизация основных производственных фондов, имевшихся на начало года). Ясно, что валовая продукция народного хозяйства получается здесь без повторного счета, так как все средства производства, произведенные за данный год и в этом же году потребленные в производстве, в итог не включаются.

Рассуждения т. Колганова о том, что нельзя-де исключать часть продукции, так как все элементы ее реальны, основаны на явном недоразумении. При изучении продукции речь должна идти о всем процессе воспроизводства материальных благ, и здесь совершенно необходимы различные подходы, соответствующие задачам экономического анализа. Теоретически правильным будет рассматривать производство и как совокупность отдельных его частей (предприятий, отраслей) и как целое. Никким образом нельзя ограничиваться одним каким-либо методом изучения продукции, например, так называемым заводским, как это делает т. Колганов.

Стремление т. Колганова всячески ограничить анализ движения продукции выразилось в том, что он отрицает значение определения продукции народного хозяйства без внутреннего повторного счета. Совершенно бесспорно, что наряду с конкретной структурой валовой

продукции представляет большой экономический и практический интерес определение валовой продукции за год в целом, т. е. без оборота внутри этого периода. Кстати говоря, этот показатель вовсе не сводится к экспорту. Валовая продукция без повторного счета по народному хозяйству включает производство основных средств, непроемленное потребление, все запасы на конец года и экспорт за год. При исчислении, например, динамики производительности труда за ряд лет по всему народному хозяйству наиболее правильно исходить из валовой продукции за вычетом повторного счета. Определение валовой продукции без повторного счета дает нам возможность исчислить количество оборотов производства за год — показатель большого экономического значения. Этот показатель получается делением фактической суммы потребления в производстве за год на объем производственного потребления без повторного счета.

Следует указать, что если исключение повторного счета из валовой продукции всего народного хозяйства не представляет практических затруднений, то сложнее это проделать в отдельных отраслях. Все же с допущением некоторых условностей возможно произвести такой расчет и в отдельной отрасли. Тем самым мы сможем определить долю участия отраслей в производстве годового продукта.

Основная ошибка т. Колганова в том, что он ограничительно понимает задачи планирования. Теоретически и практически правильно не ограничивать вопрос учетом выполнения плана отдельного предприятия. Эта задача является важнейшей, но не единственной. Народнохозяйственный учет не может исключить из анализа такие актуальные проблемы, которые освещают связи всех элементов плана. А для разрешения этих проблем надо изучать все движение продукции, группировать ее в различных сочетаниях и т. д. Правильная постановка вопроса об учете продукции заключается в том, чтобы вскрыть экономическое и практическое значение того или иного способа определения объема продукции и место каждого показателя во всей совокупности данных, характеризующих социалистическое воспроизводство.

А. СТУПОВ

Кандидат с.-х. наук.
Депутат Верховного Совета РСФСР

Развитие общественного животноводства в колхозах

В историческом постановлении Совета народных комиссаров и Центрального комитета ВКП(б) «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» от 8 июля 1939 г. дана целостная программа дальнейшего подъема колхозного животноводства. Это постановление вскрывает причины, тормозившие развитие общественного животноводства в колхозах, и указывает конкретные пути ликвидации их.

Окончательно окрепший колхозный строй располагает всеми возможностями для дальнейшего мощного подъема общественного животноводства. Развитие общественного животноводства приумножит общественное богатство колхозов, убыстрит темпы роста зажиточности колхозных масс.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) направлено на реализацию и успешное разрешение задачи, поставленной XVIII съездом ВКП(б) — в третьей пятилетке полностью обеспечить разрешение проблемы животноводства в СССР.

Решениями XVIII съезда ВКП(б) определены как прирост поголовья скота, так и рост товарной продукции животноводства. К 1942 г. по сравнению с 1937 г., согласно третьему пятилетнему плану, поголовье лошадей должно быть увеличено на 35%, крупного рогатого скота — на 40%, свиней — на 100% и овец и коз — на 110%.

В соответствии с таким численным ростом скота и повышением продуктивности стада валовая продукция животноводческой отрасли сельского хозяйства возрастает вдвое, в том числе валовая продукция мяса и сала возрастает в 2,6 раза (266% к уровню 1937 г.), продукция молока — на три четверти (173% к уровню 1937 г.) и продукция шерсти — в 2,7 раза.

В результате успехов, достигнутых за вторую Сталинскую пятилетку в области развития животноводства, и разгрома троцкистско-бухаринских вредителей и диверсантов, нанесших своей подрывной работой серьезный урон животноводству, советский народ реально ощущает достижения общественного животноводства в колхозах. Не только приостановлен упадок поголовья, но и обеспечен дальнейший рост животноводства. Наряду с огромным ростом животноводческих ферм широкий размах получила работа по улучшению породности стада. При непосредственной помощи пролетарского государства ликвидирована полностью бескоровность колхозников.

На XVII съезде ВКП(б) товарищ Сталин, подвергнув суровой критике земельные органы, которые нередко замазывали тяжелое положение в животноводческой отрасли, со всей остротой поставил вопрос о дальнейшем росте животноводства.

«Дело животноводства,— указал товарищ Сталин,— должны взять в свои руки вся партия, все наши работники, партийные и беспартийные, имея в виду, что проблема животноводства является теперь

такой же первоочередной проблемой, какой была вчера уже разрешенная с успехом проблема зерновая»¹.

Выполняя указания товарища Сталина, партия, партийные и непартийные большевики обеспечили рост численности скота, создав этим необходимые предпосылки для дальнейшего мощного подъема социалистического животноводства. Вот данные, показывающие этот рост:

Поголовье скота (в млн. голов на 1 июля)

	1916 г.	1932 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. (в %)	
								к 1916 г.	к 1933 г.
Лошади	35,8	16,6	15,7	15,9	16,6	16,7	17,5	48,9	105,4
Крупный рогатый скот	60,6	38,4	42,4	49,2	56,7	57,0	63,2	104,3	164,6
Овцы и козы	121,2	50,2	51,9	61,1	73,7	81,3	102,5	84,6	204,2
Свиньи	20,9	12,1	17,4	22,5	30,5	22,8	30,6	146,4	252,9

Приведенные данные весьма убедительно показывают, что социалистическое животноводство находится на подъеме.

«Что касается животноводства,—говорил товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б),—то и в этой, наиболее отсталой, отрасли сельского хозяйства намечились за последние годы серьезные сдвиги»².

Темпы роста поголовья скота в годы второй пятилетки были намного выше, чем в восстановительный период.

Прирост скота (в %)

	С 1923 г. по 1928 г.		С 1933 г. по 1938 г.	
	прирост за 5 лет	средн. годовой прирост	прирост за 5 лет	средн. годовой прирост
Крупный рогатый скот	33,2	6,6	64,6	12,9
Овцы и козы	53,9	10,8	104,2	20,8
Свиньи	101,5	20,3	152,9	30,6

Быстрые темпы роста поголовья свидетельствуют о преимуществах социалистического сельского хозяйства перед мелкокрестьянским. Эти преимущества выступают еще нагляднее, если сопоставить темпы роста социалистического животноводства с темпами развития поголовья в дореволюционной России и в ряде капиталистических стран. Так, за период с 1900 по 1913 г. в дореволюционной России среднегодовой прирост стада крупного рогатого скота составлял 2%, свиней — 2,9% и овец — 5,4%.

В США³ с 1932 по 1936 г. среднегодовой прирост рогатого скота составлял 0,7%, во Франции — 0,3%, в Германии — 1,1%. По свиноводству среднегодовой прирост за этот же период равнялся: во Франции — 2,2%, в Германии — 3%, а в США поголовье снижалось ежегодно в среднем на 4,5%. По овцеводству только Австралия давала прирост — по 0,5% в год, а в США, Франции и Англии поголовье овец уменьшилось.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 568.

² Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 29.

³ Иоффе, СССР и капиталистические страны, 1939 г., стр. 230 и 231.

Таким образом, темпы развития животноводства в капиталистических странах совершенно ничтожны, а в некоторых из них поголовье скота даже сокращается. В то же время в СССР происходит невиданный в истории животноводства рост поголовья. Если взять тот же период (1932—1936), то по СССР среднегодовые темпы роста поголовья составляли: по крупному рогатому скоту 9,3%, по свиноводству — 27,3%, и овцеводству — 9,1%.

Одновременно с количественным ростом поголовья скота в СССР улучшается и качество стада. Достаточно сказать, что 86—90% коров и овец покрывается теперь чистопородными племенными и улучшенными метисными производителями, а в свиноводстве в случку пускаются только племенные производители, чтобы ясна была огромная работа по улучшению животноводства. Социалистическое животноводство стало на твердые ноги. Уже в начале 1938 г. совхозы и колхозы имели свыше 18 млн. крупного рогатого скота, свыше 9 млн. свиней и около 30 млн. овец.

Распределение скота по категориям хозяйств на 1 января 1938 г.

	Крупный рогатый скот		Свиньи		Озцы и козы	
	в млн. голоз	в % к итогу	в млн. голов	в % к итогу	в млн. голов	в % к итогу
Всего	50,9	100,0	25,7	100,0	66,6	100,0
В том числе						
Государственные хозяйства	3,7	7,3	2,8	10,9	7,0	10,5
Колхозы	14,8	29,0	6,3	24,5	22,8	34,2
Колхозники	25,1	49,3	12,8	49,8	30,7	46,1
Единоличники	1,5	3,0	0,6	2,3	2,4	3,6
Рабочие и служащие сельских местностей и городов	5,8	11,4	3,2	12,5	3,7	5,6

Эти данные показывают весьма высокий удельный вес в животноводстве страны личного скота колхозников. Задача развития общественного животноводства в колхозах и повышение его удельного веса в животноводческом хозяйстве страны приобретает сейчас особенно большое значение.

С 1935 по 1938 г. обеспеченность колхозных дворов скотом значительно возросла.

На каждые 100 колхозных дворов приходилось скота (голов)

	Всего скота		В том числе			
			общественного пользования		личного пользования	
	1935 г.	1938 г.	1935 г.	1938 г.	1935 г.	1938 г.
Крупного рогатого скота	159,1	219,0	63,6	81,1	95,5	137,9
Свиней	64,1	105,0	21,8	35,0	42,3	70,0
Овец и коз	158,8	293,0	74,4	124,0	84,4	169,0

За три года обеспеченность колхозных дворов крупным рогатым скотом увеличилась на 37,6, свиньями — на 63,8 и овцами — на 84,5%. Необходимо отметить, что темпы роста скота в личном пользовании колхозников за вторую пятилетку были выше, чем в общественном стаде колхозов. Так, если стадо крупного рогатого скота в колхозных фермах возросло на 79%, то в личном стаде колхозников этот рост составляет 99%, поголовье свиней в колхозно-животноводческих фермах возросло на 110%, а у колхозников — на 313%.

Такие высокие темпы роста скота личного пользования колхозников объясняются не столько воспроизводством стада в личном хозяйстве колхозников, сколько той огромной помощью, которая была оказана колхозному крестьянству социалистическим государством при решении задачи ликвидации бесскотности и бескоровности колхозных дворов.

С 1933 по 1937 г. колхозными фермами передано колхозникам 1,7 млн. голов молодняка крупного рогатого скота, 4,5 млн. ягнят и 16,1 млн. поросят. Кроме этого, колхозники получили из совхозов 684 тыс. телок. Путем контрактации телок у колхозников и единоличников передано бескоровным колхозным дворам еще 3,8 млн. голов крупного рогатого скота. Для обзаведения скотом государство оказало финансовую помощь колхозникам; за годы второй пятилетки для этой цели отпущено свыше 200 млн. руб. кредита.

В Сталинский устав сельскохозяйственной артели, правильно учитывающий необходимость приспособления к интересам общественным личным интересам колхозников, по прямому указанию товарища Сталина было записано, что наряду с основным и главным, общественным животноводством колхозов, колхозному двору для удовлетворения личных нужд разрешается иметь личное подсобное животноводство в рамках, установленных Уставом.

Дальнейшая задача заключается в более быстром росте общественного животноводства, так как приведенные данные показывают отставание роста общественного стада колхозов от роста скота личного пользования колхозников.

Крупное, социалистическое общественное животноводство является основой всего животноводческого хозяйства страны. Только на базе дальнейшего роста и укрепления общественного животноводства может быть окончательно разрешена животноводческая проблема. Общественное животноводство имеет колоссальные преимущества перед личным и в отношении возможностей более быстрых темпов воспроизводства стада и по линии качественных показателей. Развитие именно общественного животноводства умножит богатства колхозов, поднимет на более высокую ступень материальный уровень колхозного крестьянства. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 8 июля 1939 г., устанавливая начисление дополнительного количества трудодней колхозным дворам, сдающим молодняк в общественное стадо, способствует убыстрению темпов роста общественного животноводства.

Победа колхозного строя в деревне создала все условия для быстрых темпов развития животноводства в стране. Животноводческие совхозы и колхозные животноводческие фермы стали основной базой подъема этой отрасли сельского хозяйства, улучшения качества скота и роста товарной продукции.

Решающая роль в развитии животноводства принадлежит колхозным животноводческим фермам. Июльский (1934 г.) пленум ЦК ВКП(б) отметил, что колхозная животноводческая ферма является лучшей формой организации колхозного животноводства. В связи с этим пленум указал, что необходимо «...перевести в течение 1934 года все

«обобщественные стада колхозов на положение колхозных товарных ферм»¹. Одновременно пленум указал: «Организационно-хозяйственное укрепление существующих колхозных товарных ферм и создание фермы в каждом колхозе должно стать первоочередной задачей партийных и советских организаций»².

Наглядное представление о росте колхозных животноводческих ферм дают следующие цифры.

Число животнозодческих ферм в колхозах на 1 января (в тыс.)

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1938 г. в % к 1933 г.
Всего ферм	135,3	173,2	212,2	332,8	371,0	399,2*	295,1
В том числе:							
Крупного рогатого скота	51,3	67,3	103,5	131,5	137,3	134,2	261,6
Свиноводческих	33,6	44,2	60,1	72,0	79,5	80,1	238,4
Овцеводческих	8,6	20,6	43,8	61,9	71,5	77,3	898,8
Коневодческих	3,5	3,9	4,8	10,2	24,6	24,4	697,2
Прочих (смешанные, верблюдоводческие, птицеводческие и др.)	38,3	37,2	—	57,2	58,1	83,2	217,2

* Без пчеловодных.

За период второй пятилетки количество животноводческих колхозных ферм возросло почти в 3 раза. В 1939 г. их насчитывается уже свыше 400 тыс.

Численность скота в колхозных фермах на 1 января (в млн. голов)

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1939 г. в % к 1933 г.
Крупного рогатого скота	5,3	5,6	7,9	10,9	11,8	14,5	12,9	243,4
Свиней	2,4	2,5	3,2	5,0	5,2	5,3	6,6	275,0
Овец и коз	5,4	7,2	10,7	15,6	18,2	18,8	27,2	503,7

В колхозных фермах проводится также большая работа по улучшению породного состава скота и повышению продуктивности.

Рост колхозных ферм и поголовья скота показывает, что общественное животноводство в колхозах добилось решающих успехов. Однако еще имеются значительные неиспользованные резервы для разведения общественного животноводства и организации ферм в дальнейшем.

Не все колхозы еще имеют животноводческие фермы. В Киргизской ССР, например, 45% колхозов не имеют животноводческих ферм, а в Таджикской — и того больше — 62%.

Большое количество колхозов имеет карликовые фермы, меньше 10 коров. В Московской области насчитывается 46% таких колхозов, в Ярославской — 45%, в Украинской ССР — 48,5%. Немудрено, что и удельный вес общественного животноводства колхозов ряда районов стоит на низком уровне. В Воронежской обл. общественное стадо

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 614.

² Там же, стр. 613.

колхозов составляет 23% всего стада, в Грузинской ССР — 22%, в Узбекской ССР — 22%.

В Азербайджанской ССР 50% колхозов не имеют общественного стада овец, в Чечено-Ингушской АССР — 49%, в Узбекской ССР — 35%. А ведь это районы наиболее развитого тонкорунного овцеводства! В Азербайджанской ССР удельный вес колхозного общественного овцеводства составляет только 21,3%, в Таджикской ССР — только 14,8%.

В Казахской ССР колхозники имеют в личном пользовании от 25 до 150 голов овец на один колхозный двор, а в Гурьевской обл. (той же республики) лишь 30% колхозов имеют больше 100 голов овец на колхозную ферму.

В Московской обл. только 12,5% колхозов имеют более пяти свиноматок на колхоз, 12,5% имеют менее пяти маток, а 75% колхозов совершенно не имеют свиноводческих ферм. В Смоленской обл. 65% колхозов не имеют свиноферм.

В Белорусской ССР рост поголовья свиней составил за 1937 г. 22,3%, а в общественном стаде колхозов произошло снижение на 10,5%. В 1938 г. общественное стадо свиней составляло здесь только 10,7% от общереспубликанского поголовья.

В Смоленской обл. поголовье свиней возросло за 1937 г. на 42,1%, в колхозах — только на 9,5%; в результате удельный вес общественного свиноводства на 1 января 1938 г. составлял только 4,6%. Такое положение явно недопустимо и противоречит линии партии, направленной на укрепление общественного животноводства колхозов. Оно явилось результатом недостаточной борьбы местных партийных, советских и земельных органов за укрепление общественного хозяйства колхозов, в том числе животноводства.

Утверждая в 1938 г. план развития животноводства, правительство указало на наличие большого количества мелких ферм и обязало укрупнить их. За истекший год в этой области проделана большая работа, но все еще остается много весьма мелких ферм. В Московской обл. 1288 колхозов имеют от 1 до 4 коров и 1715 колхозов от 5 до 9 коров, 35% колхозов не имеют совершенно овец и 61% имеют до 20 овец.

Такие мелкие, карликовые фермы не отвечают задачам крупного социалистического животноводства, создают лишь видимость общественного животноводства и нерентабельны для колхозов. На мелкой ферме гораздо труднее правильно организовать производственные процессы и наладить зоотехническую работу, хороший уход за скотом, рациональное его содержание и кормление. На таких фермах удои остаются низкими, мал выход мяса и шерсти, низка товарность.

Примеры из практики двух передовых районов Московской обл. — Раменского и Луховицкого — показывают резкое различие в удое коров на крупных и мелких фермах (см. табл. на стр. 95).

Подобная картина наблюдается и по фермам Луховицкого района. В колхозе имени Буденного, где ферма имеет 74 коровы, годовой удой на 1 фуражную корову составил 4 652 кг; в колхозе им. Сталина от 235 коров получен средний удой по 3 628 кг.

В колхозах «Труд», им. Калинина и им. Ильича фермы небольшие, здесь только по 5 коров, и удой на 1 корову составил за 1938 г. от 1 124 до 1 176 кг.

Высокие удои в крупных фермах достигнуты правильной организацией работ, хорошо налаженным зоотехническим уходом за скотом, рациональным кормлением и зоотехническим отбором стада. В мелких фермах, где такая работа проводится не могла, удои остаются на низком уровне.

Средний удой на 1 фуражную корову по некоторым фермам Раменского района

Наименование колхоза	Количество коров на ферме	Удой за 1938 г. (кг)	Удой за 6 мес. 1939 г. (кг)
Им. Тельмана	107	4 572	2 553
«Путь к коммунизму»	84	3 980	2 405
«Пламя»	79	4 131	2 515
Коняшино	9	1 133	1 022
Шмеленки	11	1 182	—
Власово	12	1 365	886

Исходя из задачи роста общественного животноводства в колхозах, Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) в постановлении «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» от 8 июля 1939 г. устанавливают, что «каждый колхоз должен иметь по крайней мере не менее двух животноводческих ферм, из них: одну ферму крупного рогатого скота и другую — овцеводческую или свиноводческую ферму»¹. Однако СНК СССР и ЦК ВКП(б) считают, что желательнее и целесообразнее иметь в каждом колхозе три фермы: крупного рогатого скота, свиноводческую и овцеводческую. Создание ферм в каждом колхозе, дальнейший рост и развитие общественного животноводства призвано приумножить общественное богатство колхозов.

Далее, этим постановлением определяется, что фермы должны иметь определенный обязательный минимум скота, в зависимости от зоны расположения колхозов и количества земли, находящейся в их пользовании.

Установлены следующие минимальные размеры колхозных ферм:

Размеры колхозных ферм крупного рогатого скота

Первая зона ²		Вторая зона ³		Третья зона ⁴	
земельная площадь колхоза (га)	минимальный размер фермы (коров)	земельная площадь колхоза (га)	минимальный размер фермы (коров)	земельная площадь колхоза (га)	минимальный размер фермы (коров)
До 200	10	До 150	8	До 120	5
200 — 500	20	150 — 400	16	120 — 200	7
500 — 1 000	40	400 — 800	28	200 — 500	15
1 000 — 2 000	60	800 — 1 500	45	500 — 1 000	25
2 000 — 3 000	80	Свыше 1 500	60	Свыше 1 000	35
Свыше 3 000	100				

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» от 8 июля 1939 г., «Правда» от 9 июля 1939 г.

² В колхозах Белорусской ССР, Украинской ССР, Башкирской АССР, Крымской АССР (кроме районов южного берега), Северо-Осетинской АССР, Коми АССР, АССР Немцев Поволжья, Кабардино-Балкарской АССР, Бурят-Монгольской АССР, Калмыцкой АССР, Якутской АССР, Алтайского, Краснодарского, Орджоникидзевского и Красноярского краев, Иркутской, Новосибирской, Омской, Восточно-Казахстанской, Гурьевской, Западно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Кустанайской, Пав-

Размеры колхозных свиноводческих ферм

Первая зона ⁵		Вторая и третья зоны		
земельная площадь колхоза (га)	минимальный размер фермы (свиноматок)	земельная площадь колхоза (га)	минимальный размер фермы в колхозах 2-й зоны (свиноматок) ⁶	минимальный размер фермы в колхозах 3-й зоны (свиноматок) ⁷
До 200	6	До 150	4	2
200 — 500	10	50 — 400	6	4
500 — 1 000	18	400 — 800	10	8
1 000 — 2 000	26	800 — 1 500	18	12
Свыше 2 000	34	Свыше 1 500	26	18

Размеры колхозных овцеводческих ферм

Первая и вторая зоны			Третья и четвертая зоны		
земельная площадь колхоза (га)	минимальный размер фермы 1-й зоны (овцематок) ⁸	минимальный размер фермы 2-й зоны (овцематок) ⁹	земельная площадь колхоза (га)	минимальный размер фермы 3-й зоны (овцематок) ¹⁰	минимальный размер фермы 4-й зоны (овцематок) ¹¹
До 300	80	60	До 150	30	20
300 — 1 000	160	120	150 — 400	50	30
1 000 — 2 000	250	180	400 — 1 000	80	50
2 000 — 3 000	350	240	1 000 — 2 000	140	80
Свыше 3 000	500	350	2 000 — 3 000	200	100 (свыше 2 тыс. га)
			Свыше 3 000	280	

лодарской, Куйбышевской, Архангельской, Вологодской, Чкаловской, Саратовской, Сталинградской, Ростовской, Алмаатинской, Актюбинской, Карагандинской, Пермской, Свердловской, Челябинской и Читинской областей.

³ В колхозах Киргизской ССР, Азербайджанской ССР (за исключением районов субтропических культур), Грузинской ССР (за исключением районов западной Грузии), Армянской ССР, Карельской АССР, Приморского и Хабаровского краев, Воронежской, Горьковской, Ивановской, Калининской, Ленинградской, Московской, Курской, Южно-Казахстанской, Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Смоленской и Ярославской областей.

⁴ В колхозах остальных республик, краев и областей.

⁵ В колхозах Украинской ССР, АССР Немцев Поволжья, Краснодарского и Орджоникидзевского краев, зерновых районов Кустанайской, Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской, Ростовской и Сталинградской областей.

⁶ В колхозах Белорусской ССР, Башкирской АССР, Крымской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Мордовской АССР, Татарской АССР, Чувашской АССР, Алтайского и Красноярского краев, Иркутской, Новосибирской, Омской, Челябинской, Чкаловской, Куйбышевской, Саратовской, Воронежской, Курской, Тамбовской, Орловской, Рязанской, Тульской и Смоленской областей.

⁷ В колхозах остальных республик, краев и областей.

⁸ В колхозах Казахской ССР, Киргизской ССР, Туркменской ССР, Северо-Осетинской АССР, Бурят-Монгольской АССР, Дагестанской АССР, Кабардино-Балкарской АССР, Калмыцкой АССР, Орджоникидзевского и Алтайского краев, Ростовской и Сталинградской областей.

⁹ В колхозах Азербайджанской ССР (за исключением районов субтропических культур), Армянской ССР, Грузинской ССР (за исключением районов западной Грузии), АССР Немцев Поволжья, Крымской АССР, Чечено-Ингушской АССР, Башкирской АССР, Краснодарского и Красноярского краев, Читинской, Иркутской, Новосибирской, Омской, Челябинской, Чкаловской, Куйбышевской и Саратовской областей.

¹⁰ В колхозах Татарской АССР, Мордовской АССР, Украинской ССР, Узбекской ССР, Таджикской ССР, Воронежской, Курской, Пензенской, Орловской и Тамбовской областей.

¹¹ В колхозах остальных республик, краев и областей.

На таких фермах можно серьезно ставить задачу правильного зоотехнического обслуживания скота, рациональной организации работ и повышения удойности. Нужно добиться, чтобы установленный минимум был перевыполнен (в сторону увеличения размеров ферм), чтобы каждый колхоз мог гордиться своей фермой.

Многие колхозы содержали только откормочный молодняк свиней, не имея маточного поголовья. Теперь каждая свиноферма должна иметь минимум маток и обязана заниматься воспроизводством свиного поголовья.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) указали сроки доведения поголовья на фермах до установленных размеров. 60% установленного минимума поголовья должно быть достигнуто к концу 1940 г., а установленный минимум — не позже конца 1942 г.

В целях стимулирования общественного животноводства колхозам, имеющим три фермы — крупного рогатого скота, свиноводческую и овцеводческую с указанным выше минимумом поголовья скота — уменьшаются нормы мясopоставок государству на 10%. Одновременно правительство и Центральный комитет партии рекомендуют колхозам «кроме денежной оплаты по государственным закупочным ценам, начислять колхозникам за телку, сданную ими для пополнения фермы, до 10 трудодней и за нетеля до 20 трудодней, в зависимости от качества сданной телки или нетеля». Это — дополнительный стимул к сдаче на пополнение фермы приплода от личной коровы колхозника, что поведет к значительному ускорению темпов роста общественного животноводства. Колхозам, выполнившим план развития животноводства и план мясopоставок, рекомендуется по решению общего собрания колхозников дополнительно начислять трудодни председателям колхозов, зоотехникам и ветфельдшерам, состоящим членами колхоза. Кроме того, вводится денежное премирование животноводческих бригад и зооветперсонала из сумм, полученных колхозами в виде премий-надбавок за продукцию, проданную в порядке госзакупок.

Реализация этих предложений поднимет новые слои работников колхозов на борьбу за перевыполнение государственных планов животноводства.

Особого внимания в работе колхозных животноводческих ферм заслуживает вопрос о качественных показателях животноводства. XVIII съезд ВКП(б) указал, что «...повышение продуктивности животноводства путем улучшения породности скота и коренного улучшения племенного дела, правильного районирования пород, укрепления кормовой базы, улучшения ухода за скотом»¹ является главной задачей в области животноводства в третью пятилетку.

В свиноводстве за годы второй пятилетки значительно выросло количество опоросов на одну свиноматку. Так, в 1932 г. колхозные фермы получали 90 опоросов в год на 100 свиноматок, а в 1936 г. — уже 160 опоросов. В 1932 г. 100 свиноматок дали 683 головы приплода, а в 1938 г. — 1 319 голов. Но эти показатели еще далеки от того, чего достигли передовые фермы и передовики колхозного животноводства. Свиноферма колхоза «Пламя» (Московской обл.) получила в 1936 г. в среднем 22,8 деловых поросят на одну матку; на свиноферме колхоза «Призыв» получено 21,8 деловых поросят; на свиноферме колхозов им. Литвинова и им. Сталина — по 20,8 поросят.

Удойность коров на фермах все еще остается на низком уровне. Средний удой за год 1 фуражной коровы составляет по колхозным

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу тов. В. Молотова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 21.

фермам 1,1 тыс. кг, т. е. увеличился по сравнению с удоем в первые годы организации ферм только на 18%.

Опыт передовых колхозных ферм и передовиков животноводства показывает, что удои коров зависят от правильной организации работы на ферме. Тысячи колхозных ферм дают систематическое повышение удоя молочного скота.

Молочная ферма колхоза им. Тельмана (Московской обл.) в 1938 г. получила средний удой от 107 коров в размере 4 572 кг; за 6 месяцев 1939 г.— 2 553 кг. Рост удоев в этом колхозе шел следующим образом: в 1933 г. было надоено 1 255 кг на 1 корову, в 1934 г.— 1 595 кг, в 1935 г.— 2 580 кг, в 1936 г.— 4 015 кг, в 1938 г.— 4 572 кг.

Колхозница этого колхоза дважды орденосеица т. Вавохина Е. В. в 1936 г. добилась от своей группы коров среднего удоя в 5 131 кг, а в 1938 г. около 6 000 кг.

В колхозе «Красная заря» Луховицкого района, на родине стахановского движения доярка, от 223 коров получен удой по 4 199 кг в среднем на 1 корову, а за 6 месяцев 1939 г.— по 2 266 кг.

Таких примеров тысячи. Они говорят о возможности и необходимости подтянуть все колхозные фермы до уровня лучших, всех работников животноводства до уровня передовиков. Это — первоочередная задача колхозных ферм.

Во многих колхозах животноводство стало основным и решающим источником доходности. Так, в упомянутом выше колхозе им. Тельмана молочно-товарная ферма, начиная с 1936 г., дает более 50% всего дохода. Колхоз им. Ленина, Синельниковского района, Днепропетровской обл. имеет 5 ферм, в которых 800 голов рогатого скота, 300 голов свиней и 200 голов овец. Кроме того, имеется птицеферма (2 500 голов птицы) и конеферма. В 1938 г. общий доход колхоза составил 1 680 тыс. руб., из них одно только животноводство дало 980 тыс. руб.

Задача всех колхозных животноводческих ферм — дополнить количественный рост скота повышением его продуктивности и этим увеличить доходность колхозного животноводства.

На XVI съезде ВКП(б) товарищ Сталин отмечал неустойчивость и экономическую ненадежность мелкого и малотоварного хозяйства. Объединение крестьянских хозяйств в колхозы повысило товарность животноводческой отрасли. Достаточно привести данные по товарному выходу молока, чтобы в этом убедиться.

Расход молока в колхозных товарных фермах (в % к валовому удою)

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Товарность (продажа и сдача . . . % к валовому удою)	56,4	69,4	58,4	61,0	64,1	73,3 ¹
На выпойку телят (в % к валовому удою) . . .	12,9	14,6	16,0	16,8	17,9	19,0

Такая высокая товарность молока достигнута еще и потому, что теперь каждый колхозный двор имеет скот личного пользования, за счет которого покрываются потребности в молоке.

Приведенные данные заслуживают внимания по двум причинам: они показывают, во-первых, весьма высокую товарность колхозных ферм,

¹ Вместе с переработкой на масло; следует учесть, что 75% масла идет в качестве товарной продукции.

во-вторых, рост удельного веса молока, выпоенного телятам, что говорит об улучшении выпойки и содержания телят.

В 1937 г. колхозы сдали в порядке госпоставок, госзакупок и продали в порядке колхозной торговли (без продажи колхозникам) свыше 2 млн. голов крупного рогатого скота, 8,8 млн. свиней и свыше 3,5 млн. овец и коз. Кроме этого, только в порядке госпоставок и госзакупок сдано свыше 25,2 млн. ц молока (против 7,4 млн. в 1932 г.) и 344 тыс. ц шерсти. Сверх этого сдано большое количество масла, мяса в битом виде, кож, щетины и других животноводческих продуктов.

Развитие и темпы роста общественного животноводства зависят прежде всего от состояния кормовой базы. В колхозах кормовая база при правильном ее использовании сможет обеспечить кормами значительно большее количество скота, нежели имеют теперь колхозные фермы. Внедрение правильных севооборотов в колхозах увеличивает ресурсы грубых кормов (люцерны и клевера), сочных кормов и дает возможность расширить производство фуражного зерна (овса, ячменя, кукурузы, бобовых и других культур).

Крайне неудовлетворительно используются колхозами естественные богатства — луга и пастбища. Большие площади естественных сенокосов зачастую остаются нескошенными, с запозданием проводится иногда сеноуборка и пр. Луга и пастбища многими колхозами не улучшаются, поэтому значительные площади дают низкую урожайность трав и подножного корма.

Придавая обеспечению общественного животноводства кормами исключительное значение, Совнарком СССР и ЦК ВКП(б) обязали Наркомзем «организовать в составе МТС в районах с большими сенокосными массивами машинно-сенокосные отряды, обеспечив их комплектом сеноуборочных машин».

К сенокосу 1940 г. должно быть организовано 500 отрядов, к 1941 г. — 450 отрядов. Кроме того, СНК СССР и ЦК ВКП(б) обязали промышленные наркоматы изготовить к началу сенокоса 1940 г. 2 000 широкозахватных сенокосилок, 1 500 широкозахватных грабель, по 50 000 конных сенокосилок и грабель, 1 000 тракторных волокуш и ряд других машин и орудий для проведения необходимых работ по улучшению лугов и пастбищ.

Одновременно Наркомзем СССР обязан «развернуть работу по механизации трудоемких процессов животноводства, в особенности водоснабжения и кормодобывания, обеспечив проведение этой работы, в первую очередь, на крупных фермах и в пригородных зонах».

Госплан СССР должен предусмотреть уже в 1940 г. отпуск Наркомзему СССР 6 000 ветродвигателей, 1 000 газогенераторных двигателей, 600 агрегатов механических доильных машин и т. д.

Этим кладется прочная основа для развертывания работы по механизации труда на колхозных животноводческих фермах.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) указали, что существующая система мясопоставок (исчисление в зависимости от поголовья скота) является одной из помех к дальнейшему быстрому росту общественного животноводства в колхозах: «Делу развития колхозного животноводства мешает, прежде всего, действующая система обязательных поставок мяса государству колхозами, исчисляющая размеры мясопоставок по количеству поголовья скота в колхозных фермах и сообразно с ростом этого поголовья. Эта система, по которой размеры мясопоставок в каждый год увеличиваются для колхозов, имеющих прирост поголовья в фермах, и уменьшаются для колхозов, сокращающих поголовье скота, ставит в невыгодное положение передовые колхозы, уничтожает их заинтересованность в росте об-

ественного животноводства и, наоборот, ставит в льготное положение отсталые колхозы, не имеющие животноводческих ферм или не дающие роста поголовья скота в фермах».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили: «Отменить существующую систему исчисления мясopоставок государству по числу поголовья скота в колхозных фермах и установить с 1 января 1940 г. исчисление обязательных мясopоставок государству колхозами с каждого гектара земельной площади (пашни, в том числе сады и огороды, луга и пастбища), закрепленной за колхозами».

Среднегодовые нормы мясopоставок установлены различные для семи зон — от 0,5 кг с одного гектара до 4,5 кг.

Неправильность старого закона о мясopоставках в отношении передовых колхозов весьма ярко показана т. Хрущевым в его докладе на совещании работников животноводства Украинской ССР¹.

Колхоз им. Шевченко, Барышевского района, Киевской обл., имеет 308 га земли и только 7 голов крупного рогатого скота. По старому закону этот колхоз сдавал государству только 1 ц мяса, по новому закону он будет сдавать 13,8 ц.

Другой колхоз «Союз перемог», Мироновского района, той же области, имеет 286 га земли, 29 голов крупного рогатого скота и 117 свиней. По старому закону колхоз сдавал государству 41,8 ц мяса. По новому закону он будет сдавать 13,1 ц.

Колхоз «Большевик», Бородинского района, Киевской обл., имеет земли 999 га, крупного рогатого скота в колхозе 135 голов. Других видов животноводства нет.

Мясосдача этого колхоза по старому закону — 16,6 ц, по новому — 49,9 ц.

Недостатки старого закона о мясopоставках для передовых колхозов, развивающих животноводческую отрасль сельского хозяйства, можно показывать и на колхозах Московской области.

Колхоз «Красная победа», Ухтомского района, имеет земли только 72,5 га. В этом колхозе имеется 12 голов крупного рогатого скота и 189 свиней (в том числе 35 маток). Этот колхоз в 1938 г. сдал мяса 38,9 ц. По новому закону он будет сдавать только 1,8 ц.

Колхоз «Путь социализма», Волоколамского района, имея земли в 9 раз больше (697 га), рогатого скота имел только 8 голов, свиней в 12 раз меньше (15 голов). Мяса сдавал также в 18 раз меньше (2,2 ц). Теперь, по новому закону, колхоз «Путь социализма» будет сдавать 17,4 ц.

Колхоз «Восход», Волоколамского района, имея 329 га земли, совершенно не имел скота. Мясо государству колхоз согласно старому закону не сдавал. Теперь он тоже будет сдавать мясо в количестве 8,2 ц.

По старой системе мясopоставок колхозы, добросовестно борющиеся за расширение общественного животноводства, сдавали больше мяса государству в порядке обязательных поставок, а колхозы, не развивавшие у себя животноводства или даже сокращавшие поголовье скота, сдавали меньше.

Новый закон о мясopоставках устраняет эту несправедливость в отношении передовых колхозов. Все колхозы должны сдавать мясо, а следовательно, развивать общественное животноводство. Новый закон послужит огромным стимулом для дальнейшего подъема животноводства в колхозах.

С 1 января 1940 г. входит в силу исчисление обязательных мясopоставок с каждого гектара земельной площади. Партия и прави-

¹ «Правда» от 22 июля 1939 г.

тельство дали четкие указания о размерах ферм. Колхозным фермам оказывается огромная помощь. Созданы все условия, чтобы двинуть вперед создание новых ферм, укрупнение старых и повысить темпы роста общественного скота в колхозах.

Историческими решениями XVIII съезда ВКП(б) определен такой прирост поголовья скота и продукции животноводства в СССР, который полностью обеспечивает разрешение проблемы животноводства в течение третьей пятилетки. К концу третьей пятилетки наша страна должна иметь 71,5 млн. голов крупного рогатого скота, 121,8 млн. овец, 18,2 млн. коз и 51,5 млн. свиней. Продукция животноводства должна возрасти в 2,6 раза, молока — в 1,7 раза и шерсти — в 2,7 раза.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» — это конкретная программа большевистской борьбы за выполнение и перевыполнение третьего пятилетнего плана развития животноводства.

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) является важнейшим документом, оно указывает всем колхозам пути разрешения проблемы животноводства. Дело за советскими и партийными организациями, дело за колхозниками и колхозницами, которые должны немедленно взяться за реализацию этого постановления. Нет сомнения, что колхозники и колхозницы, взявшись со всей настойчивостью за дальнейший подъем общественного животноводства, в ближайший срок в изобилии обеспечат страну мясом, молоком, шерстью.

А. ЛИБКИНД

Кандидат экономических наук

Высокопроизводительный и рентабельный совхоз¹

(Зерносовхоз им. Шевченко)

Всесоюзная сельскохозяйственная выставка является всенародным смотром побед социалистического земледелия. В докладе на XVIII съезде ВКП(б) т. Молотов указал, что сельскохозяйственная выставка «дает целую программу для подъема сельского хозяйства. Она послужит делу всесоюзной популяризации передовиков сельского хозяйства, популяризации и распространению лучших примеров их работы»².

На выставке демонстрируются достижения социалистического сельского хозяйства, опыт передовых совхозов, МТС, колхозов.

На выставке представлен целый ряд передовых зерновых совхозов, которые служат примером организации сельскохозяйственного производства. Так, Феодосийский зерносовхоз (Крымская АССР) собрал в 1938 г. по 14,2 ц зерна с гектара и сдал государству больше миллиона пудов хлеба. В зерносовхозе «Гигант» (Ростовская область) средний урожай зерновых за последние два года составил 17,8 ц, а урожай озимой пшеницы — 19,7 ц с гектара; совхоз дал 3 млн. руб. прибыли.

Зерносовхоз им. Шевченко (Николаевская обл.) является одним из лучших зерносовхозов страны. Весной будущего года исполняется десять лет его существования. Этот совхоз прошел большой путь количественного и качественного роста. Приведем основные показатели.

Всего земли в совхозе 23 тыс. га. Совхоз имеет 23 трактора «ЧТЗ», 6 тракторов «ХТЗ» (последние используются мало) и 36 комбайнов «Сталинец». В 1939 г. здесь было засеяно 13 760 га, в том числе 9 459 га озимой пшеницы, 2 448 га ярового ячменя и 966 га кормовых культур, преимущественно трав. Средняя урожайность зерновых за 1936—1938 гг. составила 14,5 ц. План хлебосдачи ежегодно перевыполняется.

Стадо крупного рогатого скота достигает 1 096 голов, в том числе 366 коров. В среднем от каждой коровы было надоено в 1938 г. 2 147 литров молока.

В ожесточенной классовой борьбе строился и развивался совхоз им. Шевченко. При организации совхоза в ряды рабочих пробрались многие из раскулаченных. Они всячески вредили: ломали тракторы и

¹ Статья т. Либкинда является кратким извлечением из более полной монографии, подготовленной автором и сданной в печать Институтом экономики Академии наук СССР.

² Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 28.

машины, обрабатывали землю с огрехами, разлагали трудовую дисциплину, расхищали совхозное имущество. Кулаки организовали банды, которые нападали на сторожей и разворовывали хлеб.

Решением январского пленума ЦК ВКП(б) 1933 г. были организованы в совхозах политотделы. Партия направила в совхоз им. Шевченко крепких большевиков, которые энергично взялись за укрепление совхоза. Политотдел проделал большую работу по очищению совхоза от кулацких элементов. Работники политотдела проводили массовую политическую работу, воспитывая у рабочих совхоза социалистическое отношение к труду, укрепляя трудовую дисциплину.

В первые годы работа совхоза страдала крупнейшими недостатками. Процветали обезличка и уравниловка. Исключительно велика была текучесть рабочей силы. Так, в 1931 г. совхоз принял вновь 509 трактористов, а уволил 211. Трактористы были неопытные. Снабжение тракторов горючим и водой было организовано плохо. Тракторы простаивали много времени, и это вело к растягиванию сроков сельскохозяйственных работ. При наличии большого парка комбайнов совхоз убрал комбайнами в 1932 г. лишь треть посевов. Выработка комбайнов была очень низка — 80 га в среднем.

Работе совхоза в начальный период его существования мешали и слишком крупные его размеры. Всей земли в совхозе было 73 тыс. га, а посева — 44,5 тыс. га. Средний размер отделения составлял почти 5 тыс. га. Некоторые отделения находились на расстоянии 50—75 км от центральной усадьбы. При таких условиях трудно было обеспечить конкретное руководство.

В своем докладе на XVII съезде партии товарищ Сталин отметил основные недостатки совхозов — громоздкость, чрезмерную специализированность, отсутствие правильных севооборотов и т. д. Решения партии и правительства о разукрупнении совхозов, о создании постоянных кадров трактористов и комбайнеров, об улучшении жилищно-бытовых условий работников совхоза, об оплате труда трактористов и комбайнеров в зависимости от количества обработанных и убраных гектаров создали условия для укрепления совхозов.

Осуществив решения партии и правительства, совхоз им. Шевченко преодолел трудности организационного периода и добился за последнее время огромных успехов. Он стал высокопроизводительным и рентабельным хозяйством. Правительство высоко оценило отличную работу коллектива рабочих и специалистов совхоза, наградив его в феврале 1939 г. орденом Трудового Красного Знамени. Орденами награждены также директор совхоза т. Брек Я. Ф. и начальник политотдела т. Фагин Б. И. Совхоз утвержден участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Его достижения демонстрируются на выставке. 18 работников совхоза утверждены участниками выставки и занесены в книгу почета.

Совхозы представляют новый, невиданный в мире тип сельскохозяйственного производства. Товарищ Сталин назвал зерносовхозы фабриками зерна. На примере совхоза им. Шевченко можно видеть, что зерносовхозы действительно являются фабриками зерна — предприятиями индустриального типа.

Зерносовхоз им. Шевченко представляет крупное производство. Средний ежегодный валовой сбор зерна за 1936—1938 гг. составляет 184 тыс. ц (свыше 1 млн. 100 тыс. пуд.). Производство полностью механизировано. Механизированы не только полевые работы, но также очистка и яровизация семян. Работники совхоза им. Шевченко сконструировали специальный аппарат — яровизатор, который приводится в движение электромотором. Таким образом, в совхозе проведена комплексная механизация земледелия. Сельскохозяйствен-

ный труд превратился здесь в разновидность индустриального труда. Это находит отражение во всем облике совхоза как хозяйства нового типа.

Постоянные рабочие, занятые в полеводстве, распределяются по профессии так:

Трактористы	27	человек
Комбайнеры	36	»
Механики	6	»
Ремонтные рабочие	14	»
Шоферы	12	»
Запраздники	6	»

Рабочие совхоза, занятые в полеводстве,—это работники индустриального труда, которые либо непосредственно работают на машинах, либо обслуживают их. Тракторист и комбайнер—центральная фигура в совхозе.

Из всей стоимости основных фондов, которая достигла на 1 января 1939 г. 2733,5 тыс. руб., приходится на тракторы, комбайны, автомобили, сельскохозяйственные машины и ремонтные мастерские 1577250 (57,7%), на строения и сооружения—738993 руб. (27,0%), на скот—314322 руб. (11,5%), прочие—103017 руб. (3,8%). Следовательно, подавляющая часть основных фондов падает на тракторы, машины и здания. Структура средств производства совхоза примерно такая, как и в промышленных предприятиях.

Себестоимость полевых работ составляет из следующих затрат: горючее—33,5%, амортизация тракторов и машин—7,5%, текущий ремонт тракторов и машин—14,5%, заработная плата—20,3%, прочие расходы—24,2%. Основная доля затрат приходится на горючее, амортизацию и текущий ремонт тракторов и машин. Состав производственных затрат в совхозе также отражает индустриальный характер предприятия.

Маркс указывал, что одним из важнейших признаков индустриального производства является система машин. Такой системой машин в земледелии является трактор с прицепным инвентарем. Сельскохозяйственное производство в совхозе им. Шевченко основано на системе машин. Большое место наряду с трактором занимает и электрический двигатель. В совхозе действуют 58 электромоторов, приводимых в движение электрическим током через высоковольтную сеть, соединяющую совхоз с Николаевом. Зерноочистительные и зерносушильные машины, машины по яровизации семян, станки ремонтной мастерской, мельница для переработки кормов и другие машины приводятся в движение электрической энергией.

Освоение техники, резкое улучшение организации труда и уплотнение рабочего дня, все возрастающая роль стахановского движения находят яркое выражение в росте производительности труда.

Объем производства в совхозе с каждым годом расширяется, а количество рабочей силы сокращается.

Среднегодовое число рабочих и служащих

	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Постоянные рабочие	552	265	247	207	219
Сезонные и временные рабочие . .	243	117	130	124	124
Служащие	72	32	23	24	24

Эти данные показывают, что количество рабочих уменьшилось в 2 раза, а служащих в 3 раза. В то же время посевная площадь совхоза увеличилась с 11 512 га в 1934 г. до 13 760 га в 1939 г. Объем тракторных работ (в гектарах мягкой пахоты) в 1934 г. составлял 40 284 га, а в 1938 г.—42 535 га. Количество скота за эти годы выросло с 836 до 1 096 голов.

Валовая продукция на одного рабочего в ценах 1938 г. составляла: в 1933 г.—1 407 руб., в 1938 г.—6 772 руб. Следовательно, производительность труда за пять лет выросла почти в пять раз (4,8). Затраты труда на полевые работы сильно сократились.

Затраты человекоднев на обработку 1 га

	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
Пахота с боронованием	0,97	0,72	0,23	0,21	0,16
Посев и зябка зерновых	0,46	0,38	0,17	0,14	0,13
Боронование	0,15	0,14	0,03	0,03	0,02
Зяблевая пахота	1,01	0,44	0,17	0,22	0,18
Культивации паров и зяби	0,36	0,26	0,14	0,08	0,06
Комбайноуборка	1,02	0,85	0,33	0,25	0,15

Из года в год уменьшаются затраты труда на 1 га по всем видам работ. Особенно резкое сокращение произошло в 1935 г. За пять лет затраты труда в человекоднях на 1 га уменьшились: на пахоте — в 6 раз, на севе — в 3,5 раза, на бороновании — в 7 раз, на культивации — в 6 раз, на уборке комбайнами — почти в 7 раз. Это значит, что сейчас один рабочий делает за день столько, сколько раньше делали 6—7 человек.

В 1939 г. произошло дальнейшее снижение затрат труда по основным работам на каждый гектар. На пахоте с боронованием они снизились до 0,14 человекоднев, на посеве зерновых — до 0,09 человекоднев.

В первые годы существования совхоза ударники составляли меньшинство. В настоящее же время в совхозе насчитывается 170 стахановцев и ударников — 77% всего числа постоянных рабочих. Большинство рабочих совхоза перевыполняет нормы выработки. В этом году на пахоте ранних паров выработка 14—15 га в день (200% нормы) была обычным явлением. На культивации паров при норме в 21 га большинство рабочих давали за смену по 40 и больше га. Тов. Буханец (участник Всесоюзной сельскохозяйственной выставки) засеял за день 165 га. Тов. Лебеденко — участник выставки — добился рекордной выработки: он закультивировал 80 га за день, заработав 80 руб.

В результате сокращения затрат труда на сельскохозяйственные работы увеличилась площадь посева на одного работника. В среднем на одного рабочего (постоянного и сезонного), занятого в полеводстве, в 1933 г. приходилось 22 га, в 1938 г.—60 га посева. На одного рабочего, занятого в полеводстве, в 1933 г. было получено в среднем 168 ц зерна, а в 1938 г.—774 ц, т. е. в 4,6 раза больше. Валового сбора зерна в среднем на один человекодень приходилось в 1933 г. 0,5 ц, в 1938 г.—2,4 ц, т. е. почти в пять раз больше. Этот показатель роста производительности труда очень близок к приведенной выше цифре, показывающей увеличение валовой продукции на одного рабочего. И это понятно, так как основной продукцией совхоза является зерно.

В отношении метеорологических условий 1933 год был не хуже, а лучше, 1938 г.: в 1933 г. выпало осадков 512 мм, а в 1938 г.—316 мм. Совхоз имел возможность в 1933 г. собрать гораздо больший урожай, но низкий уровень агротехники и большие потери привели к снижению урожайности. Следовательно, разница в производительности труда между 1933 и 1938 гг. объясняется не объективными условиями, а исключительно освоением техники, лучшей организацией производства, повышением качества работы.

Чтобы представить себе, насколько высока производительность труда в совхозе, сравним ее с производительностью труда в единоличном крестьянском хозяйстве. Уже в первые годы работы совхоза молодое, неокрепшее хозяйство давало гораздо более высокую производительность труда, чем единоличное крестьянское хозяйство. В 1932 г. на пахоте в совхозе затрачивалось труда на каждый гектар в три раза меньше, чем в крестьянском хозяйстве, на севе — в три с половиной раза меньше. В 1932 г. в совхозе только 30,7% всей площади зерновых было убрано комбайнами, остальная часть — простейшими уборочными машинами. Все же и при таких условиях затраты труда на уборке (в расчете на каждый гектар) в совхозе были почти в пять раз меньше, чем в единоличном хозяйстве. Но за последние годы уровень производительности труда намного вырос; сейчас совхоз ушел еще дальше от индивидуального хозяйства. В 1937 г. на 1 га пахоты в совхозе затрачивалось 0,16 человекодня против 2,84 человекодня в единоличном крестьянском хозяйстве УССР¹; на уборке комбайнами в совхозе затрачивалось в 1937 г. 0,15 человекодня на 1 га, а крестьянское хозяйство тратило на уборку 11,55 человекодня на 1 га (включая молотьбу). При уровне производительности труда крестьянского хозяйства совхозу в 1938 г. пришлось бы затратить для уборки всей площади зерновых (13 200 га) 152,5 тыс. человекодней, иначе говоря, 5 100 человек должны были бы работать в течение месяца. В совхозе же было затрачено на уборку фактически 1 980 человекодней, иначе говоря, в течение месяца работало 66 человек вместо 5 100 человек. Такова колоссальная экономия труда, которую дает крупное социалистическое сельское хозяйство при правильной организации труда и освоении техники.

Еще один пример. В 1938 г. комбайнер т. Попов убирал сначала в своем совхозе, а потом поехал на уборку в Челябинскую область. Всего т. Попов намолотил 9 747 ц зерна — почти 60 000 пудов хлеба. Чтобы погрузить весь этот хлеб в поезд, понадобилось бы 60 товарных вагонов.

В крестьянском единоличном хозяйстве на юге Украины каждый работник в среднем обрабатывал не больше 3 га посева. В совхозе же им. Шевченко в среднем на одного рабочего приходится, как мы уже указывали выше, 60 га посева. Валовой сбор зерна на одного работника в крестьянском хозяйстве составляет 15 ц, а в совхозе — свыше 700 ц. Эти цифры исключительно ярко доказывают преимущества крупного социалистического сельского хозяйства. Совхоз им. Шевченко представляет пример правильности линии партии, которая в борьбе против врагов народа — троцкистов и бухаринцев — построила крупное социалистическое сельское хозяйство, оснащенное современной техникой.

Далеко ушли от единоличного крестьянского хозяйства по производительности труда и колхозы. Решающую роль здесь сыграли машинно-тракторные станции, вооружившие колхозы передовой тех-

¹ По единоличному крестьянскому хозяйству — данные крестьянских бюджетов. Опубликовано в «Плановом хозяйстве» № 4, 1939 г.

ной. Так, по данным ЦУНХУ СССР¹, в колхозах УССР в 1937 г. на пахоте под яровые на 1 га затрачено (при тракторной вспашке) 0,4 человекодня против 2,84 человекодня в единоличном крестьянском хозяйстве. На севе озимых тракторами колхозы УССР в 1937 г. затрачивали на 1 га 0,22 человекодня вместо 1,89 человекодня в индивидуальном крестьянском хозяйстве. Однако совхоз им. Шевченко по уровню производительности труда стоит впереди колхозов, что видно из следующих цифр:

Затраты труда на тракторных работах
(в человекоднях на 1 га)

Виды работ	Колхозы УССР (1937 г.)	Совхоз им. Шев- ченко (1937 г.)
Вспашка под яровые	0,40	0,16
Сев яровых	0,18	0,13

Более высокий уровень производительности труда в совхозе им. Шевченко является результатом более высокого уровня техники (в совхозе вся пахота производится гусеничными тракторами, а в колхозах большая часть пахоты в 1937 г. производилась колесными тракторами) и лучшей организации труда.

Опыт совхоза им. Шевченко показывает, какие огромные возможности для увеличения производительности труда открывают комплексная механизация земледелия и освоение техники. Достижение высокого уровня производительности в колхозах создает условия для удовлетворения растущего спроса на рабочую силу в промышленности.

В подъеме производительности труда как в зеркале отражаются: 1) изменение уровня техники, 2) рост кадров, освоение техники, лучшее использование тракторов и машин, 3) освоение агротехники и повышение урожайности.

Изменение уровня техники выразилось в замене колесных тракторов гусеничными и 15-футовых комбайнов — 20-футовыми. Более мощные тракторы «ЧТЗ» позволили значительно увеличить ширину захвата орудий. Но в первое время совхоз недостаточно использовал мощность гусеничных тракторов, слабо загружал их. В 1935 г. совхоз уже освоил тракторы «ЧТЗ» и научился правильно использовать их. Так, в 1934 г. трактор «ЧТЗ» работал с одним комбайном, в 1935 г. он работает уже с двумя комбайнами; в 1934 г. сцепы состояли из 18—26 борон, а в 1935 г. все сцепы состоят не меньше чем из 48 борон; в 1934 г. к «ЧТЗ» прицепляли 8-корпусный плуг, а с 1935 г. — 11-корпусный. Замена 15-футового «Коммунара» 20-футовым «Сталинцем» увеличила ширину захвата комбайна.

Наряду с увеличением ширины захвата прицепов на рост производительности труда повлияло также повышение скорости трактора. Стахановцы совхоза, ломая устаревшие технические нормы, перешли к работе на третьей скорости. Почти полное устранение простоев тракторов, и комбайнов привело к уплотнению рабочего дня. Выгрузка комбайнов на ходу, загрузка сеялок семенами на ходу, механизация заправки тракторов горючим и ряд других рационализаторских мероприятий сильно улучшили использование тракторов и машин и повысили производительность труда.

¹ Опубликовано в «Плановом хозяйстве» № 4, 1939 г.

За последние 5 лет выработка каждого трактора в совхозе увеличилась в 2 с лишним раза. В 1934 г. на один гусеничный трактор было выработано 745 га, а в 1938 г.—1724 га. Сильно увеличилась также за последние 5 лет выработка комбайнов: с 204 га в 1934 г. до 367 га в 1938 г. В 1938 г. каждый комбайн убрал в шесть раз большую площадь, чем в 1931 г.

В результате освоения техники в совхозе оказался излишек тракторов и комбайнов. За последние 5 лет, при увеличении объема тракторных работ и расширении посевной площади, количество действующих тракторов и комбайнов в совхозе сильно уменьшилось.

Изменение числа тракторов и комбайнов
за 1934—1939 гг.

	1934 г.	1939 г.
Число тракторов	72	25
В переводе на 15-сильный	97	82
Число комбайнов	58	36
В переводе на 15-футовые	81	48

Это — яркий пример огромных резервов в использовании техники, которые были вскрыты и пущены в ход стахановским движением.

Успехи совхоза в улучшении использования тракторов и комбайнов обусловлены ростом кадров. Совхоз создал постоянные замечательные кадры трактористов, комбайнеров, механиков и т. д., сыгравших решающую роль в успехах производства. Состав рабочих по стажу работы в совхозе им. Шевченко характеризуется следующими цифрами:

Распределение рабочих по продолжительности работы в совхозе
(в %)

	До 2 лет	От 2 до 4 лет	От 4 до 6 лет	Свыше 6 лет	Итого
Трактористы	18,5	25,9	18,5	37,1	100
Комбайнеры	8,3	11,1	22,2	58,4	100
Механики	—	12,5	12,5	75,0	100
Ремонтные рабочие	28,6	14,3	28,6	28,5	100
Заправщики	—	20,0	20,0	60,0	100

Подавляющее большинство людей, работающих на машинах и обслуживающих их, работает в совхозе 5—8 лет и больше. Это создало условия для повышения их квалификации и освоения техники. Трактористы и комбайнеры совхоза являются высококвалифицированными работниками с большим опытом. Только двое работают на тракторе меньше 2 лет, половина же работает 6—10 лет. Большинство комбайнеров совхоза также давно работает на комбайне — по 6—8 лет.

Совхоз ощущает, однако, затруднения в найме сезонной рабочей силы. В результате нередко случаи, когда трактористы работают без прицепщиков. Это снижает производительность тракторов, так как тракторист теряет время на смазку и очистку прицепов. Совхоз испытывает также нехватку рабочей силы на прополке. Выход из этих затруднений заключается в том, чтобы в большей степени вовлечь в

производство членов семей рабочих, подготовить из них кадры прицепщиков и штурвальных. В первую очередь необходима организация детских яслей и общественного питания для максимального вовлечения жен рабочих в производство. Совхоз добился ликвидации обезлички. Каждый трактор закреплен за трактористом и его напарником. Трактористы работают из года в год на одном и том же тракторе. За каждым трактористом закреплен также определенный агрегат — сцеп из двух комбайнов и комплект машин для обработки почвы и сева. В большинстве трактористы работают на уборке из года в год с одними и теми же комбайнами. Комбайнеры также работают ежегодно на одних и тех же комбайнах. При работе в две смены тракторист, работающий во вторую смену, производит осмотр и приемку трактора, а окончивший смену сдает трактор. Профилактический ремонт выполняется точно по установленному графику. Хорошо поставленный ремонт является основой высокого использования машин в совхозе.

Руководители совхоза не успокаиваются на достигнутом и стараются еще больше повысить использование тракторов и машин. Борьба идет за каждый лишний гектар, за каждую лишнюю минуту работы трактора в борозде. На всех отделениях организована механизированная заправка тракторов горючим. Лучшие заправщики затрачивают на это две минуты. В 1939 г. к каждому трактору прикрепили на специальных стойках 12-ведерную бочку для воды. Это устраняет потери рабочего времени на остановку трактора для получения воды. Кроме того, тракторист всегда имеет под рукой питьевую воду. В колхозе валялись испорченные огнетушители: их использовали как добавочные баллоны для масла, которые прикрепляются к трактору. Таким образом, он обеспечен на целый день смазочным материалом (баллон содержит 12 кг масла). В 1939 г. применили загрузку сеялок семенами на ходу. Все эти рационализаторские мероприятия дали возможность увеличить выработку трактора.

Большую роль сыграло в совхозе соревнование за право участия на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Ряд трактористов совхоза выработали в 1938 г. за смену больше 1 500 га и завоевали, таким образом, право участвовать на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Перевыполнение норм выработки — а в совхозе им. Шевченко перевыполняет нормы большинство рабочих — привело к росту заработка рабочих. Средний дневной заработок трактористов за месяцы полевых работ увеличился с 7 р. 16 к. в 1934 г. до 30 р. 45 к. в 1938 г. Средний заработок комбайнеров за сезон вырос с 464 руб. в 1934 г. до 2 310 руб. в 1938 г. Рабочие живут зажиточно. Вот несколько примеров. Комбайнер И. Ф. Попов заработал в 1938 г. свыше 8 000 руб. Он имеет велосипед, патефон. У т. Попова есть огород, корова, свинья. А ведь сравнительно недавно он пас стадо у кулака за 30 руб. в год. Тракторист С. В. Осадчий, бывший беспризорный, заработал в 1938 г. 6 410 руб. Совхоз предоставил ему хорошую квартиру, он имеет подсобное хозяйство. Советская власть дала т. Осадчему путевку в счастливую жизнь. Тракторист И. Г. Лебеденко живет в собственном домике, который совхоз предоставил ему в рассрочку. Годовой заработок т. Лебеденко составил в 1938 г. 6 454 руб. Он имеет велосипед, патефон. Тракторист т. Таранущенко также живет в собственном домике; имеет мотоцикл. Таких примеров можно привести десятки.

Освоение техники и улучшение работы машинно-тракторного парка дало возможность повысить качество обработки земли, проводить сельскохозяйственные работы в сжатые сроки, убирать урожаи без

потерь. Вместе с тем совхоз стал все шире применять передовую агротехнику. Все это резко увеличило урожайность за последние годы.

Средняя урожайность (в ц с 1 га)

	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.	Среднее за 1936—1938 гг.
Озимая пшеница	2,6	7,4	19,8	12,4	15,0	15,6
Яровой ячмень	3,0	5,1	11,6	9,6	12,7	11,4
Все зерновые	2,8	6,1	16,3	11,7	14,3	14,5

1936 год был особо благоприятным в отношении метеорологических условий. В последующие годы урожай был ниже, чем в 1936 г., но все же оставался на высоком уровне. В 1939 г., по предварительным данным, урожай ведущей культуры — озимой пшеницы, несмотря на засушливое лето, выше прошлогоднего. В условиях засушливой херсонской степи, где годовое количество осадков составляет в среднем 336,8 мм (среднее за последние 56 лет, по данным Херсонской метеорологической станции), совхоз добился за последние 4 года средней урожайности зерновых в 14,5 ц с 1 га. Это — крупное достижение. Для Николаевской области урожайность зерновых, дающая право участия на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, установлена в 13 ц с 1 га. Упорной борьбой за высокий урожай совхоз завоевал право участия на выставке.

Совхоз добился огромного увеличения валового сбора и хлебосдачи. Ежегодно совхоз сдает государству в среднем 166 тыс. ц хлеба — почти миллион пудов. Из года в год совхоз выполняет и перевыполняет план хлебосдачи. В 1936 г. он выполнил план хлебосдачи на 129%, в 1937 г. — на 101%, в 1938 г. — на 111%. Сдаваемый государству хлеб (товарный) составляет 90% валового сбора. Вследствие очень высокой товарности зерносовхозы представляют весьма важный источник снабжения страны товарным хлебом. Совхоз им. Шевченко занимает достойное место в борьбе за сталинские 7—8 млрд. пуд. хлеба.

На урожайность озимой пшеницы решающее влияние оказывают сроки подъема паров и качество их обработки. Здесь произошли большие изменения. В 1934 г. пары были вспаханы в мае — июне, а в 1937 г. половина паров была вспахана с осени предыдущего года (черные пары), остальная же часть — в марте — апреле. В 1938 г. пары были прокультивированы пять раз. Начиная с 1936 г. совхоз проводит весеннее боронование озимых посевов на всей площади.

Для урожайности яровых культур большое значение имеет зяблевая пахота. В 1934 г. только 25% ярового, клина было обеспечено зябью, а в последние годы — около 90%. Зяблевая вспашка позволяет проводить весенний сев в короткие сроки. В 1934 г. совхоз сеял ранние зерновые 29 дней, а в этом году провел сев на площади в 3 000 га за небывало короткий срок — 4 рабочих дня, при высоком качестве работы. Таков результат стахановской работы.

Вся площадь засеивается высококачественными сортовыми семенами. Совхоз применяет яровизацию на всей площади посевов. Подавляющая часть площади засеивается перекрестным севом, что обеспечивает более правильное размещение семян и рост урожайности. Засоренные участки пропалываются.

Посев высокосортными семенами, яровизация семян, перекрестный сев, сжатые сроки его проведения, боронование посевов, черные пары, зяблевая пахота, прополка — все это в совокупности составляет агротехнический комплекс, в котором различные агротехнические мероприятия взаимно увязаны. Многие из них (яровизация, перекрестный сев, боронование посевов) являются новейшими мероприятиями стахановской агротехники.

До революции урожаи в Херсонском уезде, на территории которого расположен совхоз им. Шевченко, были очень низкие. За 1892—1909 гг. средний урожай пшеницы составил здесь 4,8 ц с 1 га, средний урожай ячменя — 6,4 ц с 1 га и средняя по зерновым культурам — 5,3 ц с 1 га¹. Низкая урожайность была результатом плохой обработки земли. Озимые посевы производились по стерне под буккер. Пахота была мелкая. О черных парах и вообще о культурной обработке почвы не думали. Кулаки, у которых была сосредоточена основная часть земель, расхищали естественное плодородие богатой черноземной почвы, лишь бы получить больше прибыли.

Совхоз им. Шевченко, вооруженный мощной современной техникой, проводит культурную обработку почвы, применяя все достижения сельскохозяйственной науки.

За 40 лет (1870—1909 гг.) сбор пшеницы с гектара в крестьянском хозяйстве Херсонского уезда ни разу не подымался до 10 ц, достигая лишь 8—9 ц. Но и такой урожай за 40 лет был только пять раз. Совхоз же им. Шевченко за последний период из года в год снимает 15—20 ц пшеницы с 1 га. В 1936 г. совхоз с площади в 600 га снял по 25 ц пшеницы с 1 га, а с площади в 32 га — по 35 ц. В этом году совхоз снял с ряда участков по 20 ц с лишним озимой пшеницы.

В лице колхозов и совхозов плодородные земли получили настоящего культурного хозяина. Обработывая землю в соответствии с требованиями сельскохозяйственной науки, применяя передовую агротехнику, совхозы и колхозы заставляют землю давать такие урожаи, о которых крестьянское хозяйство не могло и мечтать.

Коллективизация значительно увеличила урожайность по сравнению с единоличным крестьянским хозяйством. Но совхоз им. Шевченко по урожайности идет впереди колхозов.

Урожай
(в ц с 1 га)

	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Озимая пшеница				
Колхозы Николаевского района	5,7	13,8	9,5	10,9
Совхоз им. Шевченко	7,4	19,8	12,4	15,0
Яровой ячмень				
Колхозы Николаевского района	4,6	8,6	6,8	11,8
Совхоз им. Шевченко	5,1	11,7	9,6	12,6

Совхоз им. Шевченко снимает более высокие урожаи, чем рядом расположенные колхозы. Совхоз — государственное предприятие, оснащенное самой совершенной техникой. Он служит образцом орга-

¹ Херсонская губерния. Свод цифровых данных, Херсон, 1910, вып. 1, стр. 142.

низации сельскохозяйственного производства для окружающих колхозов, он показывает образец правильной обработки земли, применения агротехники и высокой урожайности. Совхоз оказывает колхозам непосредственную помощь в повышении урожайности. Он снабдил семенные участки всех колхозов района высокосортными семенами «Украинки» и сейчас благодаря помощи совхоза все колхозы района обеспечены чистосортными семенами озимой пшеницы.

Велики достижения совхоза, но они далеко еще не являются пределом. Совхоз имеет большие резервы для повышения урожайности, и важнейшим из них является введение правильного севооборота, которого до последнего времени не было. Сейчас совхоз вводит у себя правильный севооборот с травосеянием и черными парами. Последние дают возможность лучше очистить землю от сорняков и накопить больше влаги. Многолетние травы улучшают структуру почвы и создают прочную кормовую базу для животноводства. Вся земля в совхозе распахана, лугов у него нет; посев многолетних трав возмещает отсутствие естественных лугов.

В первые годы своего существования совхоз им. Шевченко терпел большие убытки. Организационно-хозяйственное укрепление его, освоение техники, рост производительности труда создали условия для превращения совхоза в прибыльное предприятие. Впервые совхоз получил прибыль в 1936 г., добившись снижения себестоимости продукции по сравнению с планом. В 1936 г. совхоз получил 434 тыс. руб. прибыли, а в 1938 г.—уже 887 тыс. руб.

Характерна динамика себестоимости продукции по годам.

Себестоимость 1 ц (в % к 1934 г.)

	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Озимая пшеница	100,0	55,3	17,1	24,9	23,2
Ячмень	100,0	52,1	22,5	25,9	21,0

За пять лет себестоимость центнера озимой пшеницы снизилась в четыре с лишним раза, а себестоимость ячменя почти в пять раз.

Снижение себестоимости зерна в совхозе им. Шевченко объясняется, во-первых, удешевлением стоимости сельскохозяйственных работ, во-вторых, повышением урожайности.

Себестоимость 1 га пахоты
(в руб.)

Годы	Всего	В том числе		
		заработная плата	горючее и смазочное	текущий ремонт
1934	36,78	4,13	20,77	9,86
1938	26,02	3,71	15,17	4,70

Основную долю прямых затрат по вспашке составляют расходы на горючее и на текущий ремонт. Как видно из таблицы, эти расходы значительно уменьшились, что оказало решающее влияние на снижение себестоимости. Сократилась также себестоимость боронования

1 га с 4 р. 84 к. в 1934 г. до 2 р. 90 к. в 1938 г. и культивации — с 18 р. 77 к. в 1934 г. до 10 р. 31 к. в 1938 г. Резко снизились расходы на очистку зерна благодаря устройству механизированного зерноочистительного пункта. Стоимость рабочей силы на одну тонну очищенного зерна уменьшилась с 11 р. 16 к. в 1933 г. до 68 коп. в 1936 г.

Из всех материальных затрат первое место по своему значению занимает стоимость горючего и смазочных материалов: она составляет, как мы уже указывали выше, треть всех затрат. За последние годы совхоз достиг больших результатов в экономии горючего, что видно из следующих цифр:

Расход горючего на 1 гектар
(в кг)

Годы	Пахота с боронованием	Боронование	Посев	Культивация
1933	29,0	4,8	16,1	15,2
1938	17,3	1,1	4,2	5,5

По всем видам работ расход горючего на каждый гектар сильно уменьшился: на бороновании — почти в 4,5 раза, на севе — в 4 раза, на культивации — почти в 3 раза. При переводе всех полевых работ на мягкую пахоту расход горючего на 1 га составил в 1933 г. 28,9 кг, а в 1938 г. — 15,7 кг. Следовательно, расход горючего на 1 га мягкой пахоты с 1933 до 1938 г. снизился почти в два раза.

Сокращение расхода горючего объясняется рядом причин. В частности, большое значение имеет замена колесных тракторов гусеничными, так как последние требуют меньше горючего на 1 га. Постановление правительства о выплате премии за экономию горючего подняло заинтересованность трактористов в уменьшении расхода горючего. Большой результат дала механизация заправки тракторов. Раньше горючее наливали в трактор ведрами, много разливали, были большие потери. Механизация ускорила заправку трактора и устранила потери. Достигнутые совхозом успехи в экономии горючего сыграли огромную роль в снижении себестоимости сельскохозяйственных работ.

Значительно сократились за последние годы затраты на текущий ремонт. Так, расходы по текущему ремонту тракторов и других машин в расчете на 1 га снизились с 1934 до 1938 г.: на пахоте — с 9 р. 86 к. до 4 р. 70 к., на бороновании — с 1 р. 36 к. до 60 коп., на культивации — с 7 р. 06 к. до 2 р. 07 к. Это — результат улучшения ухода за тракторами и машинами.

Уменьшились и накладные расходы в совхозе. Об этом говорит тот факт, что число служащих по сравнению с 1934 г. сократилось в три раза.

Большое место в прибылях совхоза занимают надбавки за сортность и чистоту сдаваемого государству зерна. В 1938 г. эти надбавки составили свыше 300 тыс. руб.

Решающее значение для снижения себестоимости продукции имел рост урожайности. Не случайно именно в 1936 г. совхоз впервые получил прибыль — это был первый год высокой урожайности. Повышение урожайности — основной путь снижения себестоимости продукции, потому что чем больше центнеров получается с каждого гектара, тем ниже при данных затратах на 1 га себестоимость каждого центнера. Кроме того, совхоз за сдачу государству зерна

сверх плана получает надбавки к заготовительной цене. В 1938 г. совхоз сдал государству сверх плана 17 тыс. ц зерна и получил надбавку в сумме 40 тыс. руб. Совхоз имеет большие возможности для дальнейшего снижения себестоимости продукции, и прежде всего путем повышения урожайности.

Подводя итоги первой пятилетки, товарищ Сталин говорил: «У нас имеются тысячи колхозов и десятки совхозов, вполне рентабельных уже теперь. Эти колхозы и совхозы составляют гордость нашей партии, гордость Советской власти»¹.

Зерносовхоз им. Шевченко является одним из тех высокопроизводительных и рентабельных совхозов, которые являются гордостью партии и советской власти.

Совхоз составил пятилетний план, утвержденный Наркоматом совхозов СССР. Этот план является программой борьбы за дальнейшее развитие совхоза в третьей пятилетке. В основе плана лежит повышение качества работы — рост урожайности полей, продуктивности скота, рентабельности хозяйства. Совхоз поставил своей задачей достигнуть в 1942 г. средней урожайности озимой пшеницы в 25 ц и ячменя — в 20 ц с гектара, среднего годового удоя — в 3 500 литров на одну корову и получить 1 935 тыс. руб. прибыли. Все работники совхоза — партийные и непартийные большевики — с большой энергией и подъемом борются за осуществление своего пятилетнего плана.

Опыт зерносовхоза им. Шевченко, как и других передовых хозяйств, показывает, что имеются все возможности для разрешения задачи, поставленной XVIII съездом партии: превратить совхозы в высокопроизводительные и высокорентабельные хозяйства, которые служат образцом организации сельскохозяйственного производства.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 499.

Подъем благосостояния народов Советского Союза

Непрерывный подъем благосостояния народов Советского Союза является законом социалистической экономики. Создание зажиточной и культурной жизни для всех трудящихся Страны Советов большевистская партия всегда считала одной из важнейших задач построения социализма.

Победа социализма в СССР, безраздельное господство социалистической системы хозяйства открыли необъятные возможности для подъема материального и культурного уровня трудящихся. В СССР уничтожены эксплуататорские классы и эксплуатация человека человеком. Ликвидированы безработица в городе и нищета в деревне и причины, их порождающие. Весь народный доход поступает в распоряжение трудящихся и их социалистического государства. Рост производительных сил страны социализма и увеличение общественного богатства приводят к неуклонному подъему материального и культурного уровня советского народа. Обобщающим показателем подъема народного хозяйства страны социализма является народный доход, который увеличился в 1938 г. до 105 млрд. руб. против 48,5 млрд. руб. в 1933 г. и 21 млрд. в 1913 г.¹ Особенно сильно возрос уровень жизни народов СССР за годы двух сталинских пятилеток. Результатом выполнения плана первой и второй пятилеток явился грандиозный рост народного хозяйства, его социалистическое преобразование и укрепление обороноспособности Страны Советов.

По сравнению с 1913 г. валовая продукция крупной промышленности увеличилась в 1937 г. почти в 8,2 раза; в 1,6 раза возросла валовая продукция сельского хозяйства. За период 1928—1936 гг. среднегодовой прирост физического объема производства предметов потребления составил в СССР 17,2%. Такого темпа роста продукции не знала ни одна капиталистическая страна даже в периоды экономического подъема. Так, например, с 1922 по 1929 г. среднегодовой темп роста физического объема продукции предметов потребления был равен в США 3,7%, в Англии (1924—1929 гг.)—1,7 в Германии (1924—1929 гг.)—3,9%, т. е. в 5—10 раз ниже, чем в СССР.

За годы второй пятилетки продукция промышленности СССР возросла на 120,6% при задании по плану в 114%. В течение этого же периода больше чем в два раза повысилось производство предметов потребления, а по некоторым из них достигнуто утроение производства. Так, например, продукция сахара-песка возросла в 1937 г. против 1932 г. в 2,92 раза, продукция животного масла—в 2,59 раза, колбасных изделий—в 4,9 раза, верхнего трикотажа—в 3,86 раза, бельевого трикотажа—в 4,08 раза. Особенно резко увеличилась

¹ Народный доход для всех лет в ценах 1926/27 г.

за годы второй пятилетки продукция предметов культурного обихода: велосипедов — в 4,2 раза; фотоаппаратов — в 11,2 раза, патефонов — в 11,7 раза, патефонных пластинок — в 27 раз, часов ручных и карманных — в 8,2 раза.

За вторую пятилетку численность рабочих и служащих во всех отраслях народного хозяйства возросла на 17,6%, а среднегодовая заработная плата рабочих и служащих повысилась на 113,5%. По заданиям второго пятилетнего плана фонд заработной платы рабочих и служащих должен был увеличиться на 55%, а фактически он возрос в 2,5 раза, составив в 1937 г. 82,2 млрд. руб. В 1938 г. продолжался рост численности и заработной платы рабочих и служащих. Число рабочих и служащих составило в 1938 г. 28 млн. человек, средняя заработная плата равнялась 3 447 руб., а общий фонд заработной платы — 96,4 млрд. руб. По сравнению с 1928 г. численность рабочих и служащих возросла в 1938 г. почти в 2,5 раза, средняя заработная плата — почти в 5 раз и фонд заработной платы — в 12 раз.

Одновременно изменилась и структура рабочего класса. Значительно увеличилось число рабочих и служащих высокой квалификации, повысился удельный вес рабочих, обслуживающих автоматы. Характерно, что количество забойщиков, работающих вручную, сократилось в Донбассе с 13,3% в 1930 г. до 2,2% в 1938 г., а количество слесарей и электриков возросло за тот же период в 4,5 раза. Инженеров и архитекторов в 1927 г. насчитывалось 30—40 тыс., а в 1938 г. — 250 тыс.

На основе организационно-хозяйственного укрепления колхозов, усиления технической оснащенности сельского хозяйства и подъема производительности труда чрезвычайно возросла за годы второй пятилетки и зажиточность колхозников. В 1932 г. на каждый колхозный двор было выдано по трудодням 6 ц зерна, а в 1937 г. — 17,5 ц. В зерновых районах средняя выдача зерна на один колхозный двор повысилась с 10 ц в 1933 г. до 23,5 ц в 1937 г. Валовой доход колхозников увеличился с 1934 по 1937 г., т. е. за 4 года, более чем в 2,7 раза, а денежные доходы, распределяемые среди колхозников по трудодням, возросли в 4,5 раза.

Огромных масштабов достигли государственные расходы на культурно-бытовое обслуживание (просвещение, здравоохранение, физкультура, социальное обеспечение) рабочих, крестьян, интеллигенции. По союзному, республиканскому и местным бюджетам эти расходы, а также расходы по государственному социальному страхованию составляли в 1932 г. 8,3 млрд. руб., а в 1937 г. — 30,8 млрд. руб., т. е. увеличились в 3,7 раза. За годы второй пятилетки были повышены стипендии студентам, значительно расширено медицинское обслуживание, началась выдача пособий многодетным и т. д. К 1939 г., т. е. за два с половиной года с момента издания закона об установлении государственной помощи многодетным (27/VI 1936 г.), государственная помощь многодетным матерям составила свыше 2 млрд. руб.

Росту материального благосостояния сопутствует мощный подъем культурного уровня трудящихся. «За годы второй пятилетки в СССР проведена настоящая культурная революция»¹. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Количество учащихся в начальной и средней школе выросло с 21,3 млн. человек в 1932 г. до 29,4 млн. человек в 1937 г. При этом в 5—7 классах количество учащихся удвоилось, а в 8—10 классах увеличилось в 15 раз. Число учащихся

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу т. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 10.

в вузах и втузах возросло до 550 тыс. человек. За годы второй пятилетки широко развернулось культурно-массовое строительство. Неграмотность в основном ликвидирована. В 1938/39 г. в СССР насчитывалось 96 тыс. клубов, 70 тыс. массовых библиотек, которые имели до 127 млн. книг. Разовый тираж газет в 1938 г. составлял около 37,5 млн. экз., в то время как в 1913 г. он равнялся только 2,7 млн. экз. По количеству издаваемых книг СССР стоит впереди любой капиталистической страны.

Подъем культурного уровня характеризуется также данными о реализации товаров культурного обихода. За 1937 г., например, было продано в пять раз больше патефонов, в семь раз больше патефонных пластинок, в два раза больше фотоаппаратов, чем в 1935 г.

Огромный рост денежных доходов рабочих, служащих и колхозного крестьянства и значительное увеличение продукции обусловили подъем народного потребления. Особенно повысилось потребление ценных пищевых продуктов. В 1937 г., например, рабочие и служащие потребляли по сравнению с 1932 г. почти в 3 раза больше пшеничного хлеба, в 3,5 раза больше свинины, почти в 4 раза больше колбасных изделий, в 2 с лишним раза больше животного масла, почти в 4 раза больше фруктов и ягод.

Подъем благосостояния и культуры колхозников, повышение товарности социалистического сельского хозяйства, рост промышленной продукции привели к резкому увеличению потребления колхозниками продовольственных продуктов промышленного происхождения. Так, в 1938 г. душевое потребление хлеба и круп колхозниками увеличилось по сравнению с 1933 г. на 30%, потребление растительного масла — в 2,3 раза, животного масла — в 2,8 раза, молока — в 1,39 раза, яиц — в 2,6 раза, мяса и сала в 2,34 раза, сахара — почти в 8 раз. Значительно повысилось потребление и непродовольственных товаров. В 1938 г. колхозники купили в 2,9 раза больше хлопчатобумажных тканей, в 2,5 раза больше кожаной обуви, в 2,4 раза больше галош и бот, почти в 5 раз больше туалетного и хозяйственного мыла, чем в 1933 г. Для подъема зажиточности и культуры колхозников показателен следующий факт. За 1938 г. потребительская кооперация продала на селе 290 тыс. велосипедов, 285 тыс. патефонов, 173 тыс. швейных машин, более 25 тыс. гармоний и баянов, десятки тысяч мандолин, балалаек, гитар, огромное количество спортивного инвентаря.

Об огромном подъеме покупательной способности трудящихся, так же как и о резком увеличении товарных фондов, свидетельствует рост розничного товарооборота. В 1932 г. розничный товарооборот государственной, кооперативной и колхозно-крестьянской торговли составлял 47,8 млрд. руб., а в 1938 г., примерно, 163 млрд., т. е. увеличился в 3,5 раза.

Приведенные цифры являются яркой иллюстрацией к резолюции XVIII съезда ВКП(б) по докладу товарища Молотова, где сказано: «Поставленная вторым пятилетним планом задача подъема материально-культурного уровня трудящихся, с повышением уровня народного потребления в два раза и более, также выполнена»¹.

Подъем жизненного уровня народов СССР говорит о преимуществах социалистической системы хозяйства перед капиталистической. Великая Октябрьская социалистическая революция сильна и непобедима тем, что она «...является единственной, которая не только

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу т. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 9.

разбила оковы капитализма и дала народу свободу, но успела еще дать народу материальные условия для зажиточной жизни»¹.

* * *

СССР вступил в новую полосу развития, в полосу завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму. Во весь рост встала провозглашенная XVIII съездом ВКП(б) задача — догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны в экономическом отношении: «Только в том случае, если перегоним экономически главные капиталистические страны, мы можем рассчитывать, что наша страна будет полностью насыщена предметами потребления, у нас будет изобилие продуктов, и мы получим возможность сделать переход от первой фазы коммунизма ко второй его фазе»². Но эта задача не может быть решена в течение одной пятилетки. Товарищ Сталин в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) говорил, что «...требуется время, и не малое, для того, чтобы перегнать экономически главные капиталистические страны. И чем выше будет у нас производительность труда, чем более совершенствоваться будет у нас техника производства, тем скорее можно будет выполнить эту важнейшую экономическую задачу, тем больше можно будет сократить сроки выполнения этой задачи»³.

Огромным ростом социалистического народного хозяйства, завершением в основном его технической реконструкции, построением передовой социалистической промышленности и сельского хозяйства создана прочная основа для решения задачи — догнать и перегнать главные капиталистические страны по размерам производства на душу населения.

В годы третьей пятилетки наша страна сделает громадный шаг вперед в решении этой задачи. Рост производства предметов потребления обеспечит дальнейший подъем уровня потребления, который повысится более чем в 1½ раза.

Осуществление поставленной XVIII съездом ВКП(б) основной экономической задачи будет означать создание в нашей стране коммунистического изобилия, которое принципиально отлично от избытка товаров, существующего в капиталистических странах. Изобилие в условиях коммунизма означает полное удовлетворение потребностей всех без исключения членов общества. Избыток же товаров в капиталистических странах это не изобилие. Потребительская способность капиталистического общества неизмеримо шире, чем платежеспособность населения. Поэтому, несмотря на избыток товаров подавляющая часть населения ведет полуголодную жизнь, плохо одевается, живет в скверных жилищах. Производство предметов личного потребления на душу населения в капиталистических странах не только не равнозначно потреблению в среднем на душу населения, но нередко даже не характеризует среднедушевого потребления в этих странах.

Производимые в капиталистических странах товары зачастую либо вовсе не потребляются основной массой населения — трудящимися — либо потребляются в ничтожном количестве. Это относится не только

¹ Сталин, Речь на Первом всесоюзном совещании стахановцев, Партиздат, 1935, стр. 16.

² Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 23.

³ Там же, стр. 24.

к предметам роскоши, но и к продуктам питания. Общеизвестно, например, что при большом производстве молока в дореволюционной России рабочие и значительное количество крестьян потребляли ничтожно мало молока. Масло и сыр экспортировались, а дети крестьянской бедноты оставались без молока. Несмотря на то, что Россия была одним из крупнейших производителей хлеба, значительная часть ее населения не была обеспечена этим основным продуктом питания. То же относится к сахару и ряду других продуктов.

Дореволюционная Россия не является, конечно, исключением. Яркий пример несоответствия между производством и потреблением на душу в капиталистических странах представляет Дания, которая является одной из крупных стран-производителей животного масла. На это указывал В. И. Ленин в своей статье «Капитализм и народное потребление», напечатанной в 1912 г.¹ Производство животного масла в Дании составляло в 1929 г. 179 тыс. т, в 1932 г.— 188 тыс. т, в 1935 г.— 173 тыс. т², что дает в переводе на 1 душу примерно 50—55 кг животного масла. Если учесть, однако, экспорт масла из Дании, то потребление его в указанный период равнялось 6—9 кг на душу населения³, т. е. в 7—8 раз меньше, чем производство животного масла на душу.

Среднедушевые нормы потребления затушевывают огромные различия в потреблении различных классов населения в капиталистических странах. Об этом свидетельствуют следующие данные. В Норвегии среднедушевое потребление животного масла составляло в 1935 г. 6 кг;³ потребление животного масла, по данным рабочих бюджетов, равнялось, даже в докризисный период (в 1927/28 г.), 2,6 кг на душу в год, а по данным бюджетов чиновников— 3,1 кг в год³. Среднедушевое потребление маргарина в Норвегии по данным бюджетов рабочих и чиновников составляло в 1927/28 г. 22—24 кг, в то время как для всего населения Норвегии среднедушевое потребление маргарина в тот же период равнялось примерно 16 кг³.

В Италии среднедушевое потребление животного масла в 1932 г. равнялось 1,1 кг на душу в год, а по данным бюджетов рабочих, служащих и сельского населения— 0,22 кг на душу в год (до мирового экономического кризиса 1929 г.). Потребление мяса в Италии составляло в 1932 г. в среднем на душу 16 кг в год, в то же время потребление мяса, по данным бюджетов итальянских рабочих и служащих, равнялось 11,1 кг на душу, а по данным бюджетов сельского населения Италии— 7,8 кг (в 1929 г.)³.

Среднедушевое потребление мяса в Германии в 1929 г. больше чем в два раза превышало среднедушевое потребление мяса рабочими, служащими и чиновниками. Потребление рыбы в среднем на душу населения Германии почти в полтора раза превышало среднедушевое потребление рыбы рабочими, служащими и чиновниками. Большие разрывы наблюдались по другим продуктам питания.

Цены на важнейшие продукты питания выросли в Германии с марта 1933 г. по март 1937 г.: на маргарин на 44%, масло— 35, яйца— 31, молоко— 15, мясные продукты и рыбу— 20, белье— 17, одежду— 24%. В результате этого кривая потребления значительно упала. По данным «Deutsche Volkswirtschaft» (№ 28, 1937), потребление в килограммах в подсчете на 1 взрослого рабочего сократилось с 1932 г. по 1936 г.: по зерновым культурам на 10,4%, по говядине—

¹ Ленин, Соч., т. XXX, стр. 186—187.

² Annuaire Statistique de la Société des Nations, 1936—1937, p. 72.

³ Workers nutrition and Social Policy, Geneva, 1936, International Labour Office.

на 11,3, по смальцу — на 29,3, по маргарину — на 20, по молоку — на 14,9%. В 1937 г. продолжалось дальнейшее падение потребления: по предметам питания оно сократилось на 18%, по текстилю и одежде — на 26, по обуви — на 24%. В связи с интенсификацией труда в колоссальных размерах увеличилось число несчастных случаев на предприятиях.

Интересны данные, полученные буржуазным экономистом Дж. Орр о питании английского населения. Орр приходит к выводу, что примерно 10% населения Англии голодает в буквальном смысле этого слова; 20% английского населения едва покрывает потребность в пище, выраженную в калориях, у 20% английского населения не содержится в пище достаточного числа минеральных веществ и витаминов. Таким образом, даже по исследованию английского буржуазного экономиста половина английского населения не в состоянии удовлетворительно питаться¹. И это в богатой буржуазной стране, где уровень питания населения выше, чем в ряде других капиталистических стран.

Ухудшение материального положения трудящихся, рост нищеты в капиталистических странах происходит наряду с увеличением запасов товаров, необходимых для удовлетворения потребительских нужд населения. Так, например, товарные запасы хлопка в капиталистических странах возросли с 1 852 тыс. кип в 1923 г. до 8 388 тыс. кип в 1937 г.; запасы сахара в 8 основных производящих сахар капиталистических странах увеличились с 3 643 тыс. бол. т в 1926 г. до 6 067 тыс. бол. т в 1937 г. Мировые видимые запасы пшеницы возросли (за тот же период) с 146 до 230 млн. бушелей.

Значительно повысились и запасы других товаров. И это не потому, что в капиталистическом обществе производится слишком много предметов потребления. Маркс указывает: «Дело не в том, что средств существования производится слишком много по сравнению с существующим населением. Наоборот. Их производится слишком мало для того, чтобы масса населения могла жить прилично и по-человечески»². В условиях капиталистического общества реализация товаров упирается в пролетарское состояние масс, в отсутствие платежеспособного спроса населения. Противоречие между ростом богатств на одном полюсе и усилением нищеты на другом, являющееся формой проявления основного противоречия капиталистического строя — между общественным характером производства и частной формой присвоения, особенно разительно выступает в годы кризисов. Когда произведенные товары не находят сбыта, внешняя торговля резко сокращается, запасы давят на цены, а спрос резко падает во всех капиталистических странах, буржуазия прибегает к физическому уничтожению запасов. Общеизвестны факты, когда сжигались десятки тысяч тонн пшеницы, выбрасывались в море миллионы апельсинов, десятки тысяч центнеров кофе, сжигался скот, уничтожалось огромное количество продуктов питания, в то время как десятки миллионов безработных и их семьи оставались обреченными на голод и вымирание.

Эти факты являются ярким свидетельством того, что капитализм не способен обеспечить жизненно необходимого уровня потребления трудящихся масс. Буржуазия «...неспособна господствовать, потому что она неспособна обеспечить своему рабу существование даже в пределах его рабства...»³. Капитализм создает богатство эксплуатато-

¹ J. B. Orr. «Food, Health and Income», London, 1936.

² Маркс, Капитал, Партиздат, 1932, т. III, стр. 177.

³ Маркс и Энгельс, Манифест коммунистической партии, Госполитиздат, 1938, стр. 40.

ров за счет эксплуатации, разорения и массового обнищания трудящихся.

Принципиально иное положение в СССР, где уничтожены нищета, безработица, где систематически растет материальный и культурный уровень трудящихся, увеличивается производство предметов потребления. «Теперь,—говорил на XVIII съезде ВКП(б) т. Микоян,—с победой социализма страна настолько разбогатела, что может себе позволить оставить для себя все, что необходимо, а вывозить только излишки»¹.

В социалистическом обществе, где уничтожено паразитическое потребление, где исключена возможность опустошительных кризисов, среднечеловеческое потребление, в отличие от капиталистических стран, действительно отражает и характеризует объем и динамику потребления населения.

Отсутствие контрастов в потреблении, в основе которого лежит социалистический принцип — от каждого по способностям, каждому по его труду,—является результатом ликвидации эксплуататорских классов, результатом того, что у нас «...распределение народного дохода происходит не в интересах обогащения эксплуататорских классов и их многочисленной паразитической челяди, а в интересах систематического повышения материального положения рабочих и крестьян и расширения социалистического производства в городе и деревне»². Источником дохода рабочих, крестьян и интеллигенции является только труд. Но неправильно было бы делать вывод, что в СССР потребление одних групп населения равно потреблению других групп, что спрос одной группы населения фотографически точно копирует спрос другой группы, что у нас существует нивелировка потребностей. В докладе на XVII съезде ВКП(б) товарищ Сталин указал: «...марксизм исходит из того, что вкусы и потребности людей не бывают и не могут быть одинаковыми и равными по качеству или по количеству ни в период социализма, ни в период коммунизма». И дальше, развивая это положение, товарищ Сталин добавляет: «Делать отсюда вывод, что социализм требует уравниловки, уравнивания, нивелировки потребностей членов общества, нивелировки их вкусов и личного быта, что по марксизму все должны ходить в одинаковых костюмах и есть одни и те же блюда, в одном и том же количестве,— значит говорить пошлости и клеветать на марксизм»³.

Таким образом характер, объем, структура потребления трудящихся СССР в корне отличны от потребления в странах капиталистической диктатуры. Неуклонный рост потребления советского народа — закон социализма. Этот рост не знает никаких границ общественного порядка и лимитируется лишь степенью развития производительных сил страны социализма на каждом данном этапе.

* * *

Программа дальнейшего повышения материального и культурного уровня трудящихся в третьей пятилетке огромна. Эта программа базируется на новом мощном подъеме народного хозяйства СССР, на росте производительности труда.

Уже за годы второй пятилетки производительность труда резко возросла во всех отраслях народного хозяйства. В крупной промышленности она повысилась на 82% против 63% по плану; в области

¹ Микоян, Речь на XVIII съезде ВКП(б), стр. 17.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 397.

³ Там же, стр. 583.

строительства — на 83% против 75% по плану. В третьей пятилетке производительность труда в промышленности увеличится на 65%, только за счет повышения производительности труда прирост промышленной продукции составит 62 млрд. руб. Производительность труда в железнодорожном транспорте возрастет за годы третьей пятилетки на 32% и на водном транспорте на 38%. Одни эти цифры показывают, насколько грандиозны масштабы третьего пятилетнего плана и какое значение для его выполнения имеет намеченный рост производительности труда.

Дальнейший подъем всех отраслей народного хозяйства Страны Советов приведет к огромному увеличению продукции промышленности и сельского хозяйства. Объем продукции всей промышленности СССР составит в 1942 г. 184 млрд. руб. (в ценах 1926/27 г.) против 95,5 млрд. руб. в 1937 г., т. е. увеличится за третью пятилетку на 92%. Производство средств производства повысится в 1942 г. до 114,5 млрд. руб., т. е. в 2,07 раза, производство предметов потребления — до 69,5 млрд. руб., т. е. в 1,72 раза. Для характеристики роста производства предметов личного потребления достаточно сказать, что в 1942 г. будет произведено 1 800 млн. банок консервов (рост против 1937 г. в 2,06 раза), 3 500 тыс. т сахара-песка (рост в 1,44 раза), 4 900 млн. м хлопчатобумажных тканей (рост в 1,42 раза), 177 млн. м шерстяных тканей (рост в 1,67 раза), 258 млн. пар кожаной обуви (рост в 1,43 раза)¹. Продукция местной промышленности и кустарно-промысловой кооперации возрастет не менее чем в два раза. Во всех отраслях промышленности должно повыситься качество продукции и расширяться ассортимент.

Продукция всего сельского хозяйства возрастет с 20,1 млрд. руб. в 1937 г. (в ценах 1926/27 г.) до 30,5 млрд. руб. в 1942 г., т. е. на 52%. Ежегодный сбор зерна к концу третьей пятилетки составит 8 млрд. пуд.²

Большой рост намечается по животноводству. поголовье лошадей увеличится на 35%, крупного рогатого скота на 40, свиней на 100, овец и коз на 110%. Помимо такого большого увеличения поголовья скота в третьей пятилетке будет повышена продуктивность животноводства путем улучшения породности скота, ухода за ним и постановки племенного дела, путем правильного районирования пород и укрепления кормовой базы.

Все это приведет к росту народного дохода, который увеличится, по данным Госплана СССР, с 96,3 млрд. руб. в 1937 г. до 173,3 млрд. руб. в 1942 г., т. е. в 1,8 раза (в ценах 1926/27 г.). В третьей пятилетке прирост народного дохода составит больше 77 млрд. руб., т. е. будет в 3,7 раза больше, чем весь народный доход нашей страны в 1913 г. Народное потребление возрастет в третьей пятилетке в 1,5—2 раза.

Численность рабочих и служащих увеличится к 1942 г. на 21%, средняя заработная плата на 37%, а весь фонд заработной платы рабочих и служащих в 1,67 раза. Денежные доходы, получаемые колхозниками по трудодням и от реализации сельскохозяйственной продукции государственным и кооперативным организациям, возрастут в третьей пятилетке больше чем на 70%. Общий рост денежных доходов советской деревни будет еще выше благодаря увеличению доходов от кустарных промыслов и разных приработков. Одновременно повысятся государственные расходы на культурно-бытовое обслуживание рабочих, крестьян, интеллигенции и их семей. Фонд культурно-

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу т. В. Молотова, см. Резолюции XVIII съезда ВКП(б), стр. 14—15.

² Там же, стр. 25—26.

бытового обслуживания трудящихся города и деревни, который равнялся в 1937 г. 30,8 млрд. руб., увеличится в 1942 г. до 53 млрд. руб., т. е. в 1,72 раза. Бесплатная медицинская помощь, бесплатное образование, бесплатные путевки в санатории, дома отдыха, бесплатные концерты и спектакли в клубах, помощь многодетным, пенсии и стипендии являются тем обобществленным доходом, который дополняет индивидуальную заработную плату рабочего и служащего, а также доход колхозника, и является материальной базой дальнейшего подъема благосостояния и культурного уровня всего советского народа.

Огромный рост социалистического народного хозяйства будет сопровождаться развертыванием советской торговли. Розничный оборот государственно-кооперативной торговли увеличится за третью пятилетку с 126 млрд. руб. до 206 млрд. руб., в том числе оборот по общественному питанию повысится в 2 раза. Помимо того за годы третьей пятилетки увеличится более чем вдвое оборот колхозной торговли.

Розничный оборот государственной и кооперативной торговли увеличится по непродовольственным товарам на 72,5%, а по продовольственным на 53%. Из непродовольственных товаров особенно высокий темп роста рыночных фондов намечается по шерстяным тканям (в 2,36 раза), трикотажу (в 1,82 раза), мебели (в 2,75 раза). В группе продовольственных товаров наиболее значительно расширятся рыночные фонды по продуктам животноводства. Так, например, рыночный фонд по мясу увеличится в 2,02 раза, по птице — в 2,63 раза, по колбасным изделиям — в 2,03 раза, по животному маслу — в 1,73 раза, по сыру — в 1,97 раза, по яйцам — в 2,5 раза. Резко увеличится в годы третьей пятилетки реализация пшеничного хлеба высоких сортов. Возрастет продажа пищевых полуфабрикатов, соков, замороженных, консервированных и слегка подваренных овощей, намечается большое увеличение высших и первых сортов продукции пищевой и легкой промышленности. Значительно улучшается качество тканей, обуви и т. д. Намечаемое качественное улучшение структуры оборота, соответствующее растущему спросу, иллюстрирует подъем материального и культурного уровня и рост потребления трудящихся Советского Союза в годы третьей пятилетки.

Маркс писал, что в капиталистическом обществе наименее полезные продукты имеют роковое преимущество служить для потребления широких масс населения. «В будущем обществе, — писал Маркс, — где исчезнет антагонизм классов, где не будет и самих классов, потребление не будет определяться минимумом времени, необходимого на производство, а, наоборот, количество времени, которое будут посвящать на производство того или другого предмета, будет определяться степенью его полезности»¹.

В СССР нет пропасти между производством и потреблением. Все производимые в стране товары потребляются трудящимися. Социалистическое государство развивает производство не только товаров, которые требуют минимума времени, но и товаров, требующих нередко больших капитальных вложений и максимума времени на их производство.

Оборот общественного питания повысится в третьей пятилетке в два раза, что даст возможность разгрузить значительную часть советских женщин от трудоемкого и малопродуктивного домаш-

¹ Маркс, Ницета философия, Соцэкгиз, 1931, стр. 64.

него хозяйства. Для выполнения намеченного плана оборота необходимо резко повысить качество продукции общественного питания.

В третьей пятилетке повысится не только материальный, но и культурный уровень населения Советского Союза. В городе будет осуществлено всеобщее среднее обучение, а в деревне и во всех национальных республиках будет завершено всеобщее семилетнее среднее обучение и расширен охват детей десятилетним обучением. Количество учащихся в начальных и средних школах увеличится в городах с 8,6 млн. в 1937 г. до 12,4 млн. человек в 1942 г., а в сельских местностях — с 20,8 млн. до 27,7 млн. человек.

Значительно возрастут затраты на жилищное строительство. В городах будет введено в эксплуатацию 35 млн. кв. м жилой площади. Кроме того, 10 млн. кв. м жилой площади даст индивидуальное жилищное строительство. Намечается также постройка новых водопроводов в 50 городах, проведение канализации в 45 городах и трамваев — в 8 городах. Расширено будет число бань, прачечных, усиливается газификация городов и т. д.

* * *

Осуществление третьего пятилетнего плана требует прежде всего воспитания в массах коммунистической сознательности, повышения производительности труда, ликвидации последствий вредительства и усиления бдительности.

Разрешение задач, поставленных в третьем пятилетнем плане, приблизит нас к выполнению основной экономической задачи Страны Советов, к чудесному строю коммунизма, на знамени которого будет написано: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

Промышленные кризисы в России

(1847—1867 гг.)¹

В известной монографии о мировых экономических кризисах, создаваемой ныне большим коллективом советских экономистов при Институте мирового хозяйства Академии наук СССР², с первых же страниц читателя поражает одно, на первый взгляд довольно загадочное, обстоятельство. Почему в этом монументальном исследовании по истории капитализма вовсе не нашлось места для капиталистической России?

Уже в первой таблице, где перечислены все охваченные монографией периодические промышленные кризисы с 1825 по 1929 г. по всем важнейшим странам, до Японии включительно, о России даже не упомянуто. В чем же дело? Относят ли авторы капиталистическую Россию к числу таких второстепенных держав, как Бельгия, Дания, Голландия и пр., которые ничего не решают в «мировом» масштабе? Или, может быть, по их мнению, в России вовсе не было капиталистических кризисов? Или, наконец, авторы игнорируют ее по каким-либо иным причинам. Так или иначе, а факт налицо: наши «мировики», видимо, недостаточно интересуются историческим прошлым своей страны.

Впрочем авторы монографии не совсем забыли о России. В объемистом томе (свыше 800 страниц) читатель найдет до 30 строк и о российских кризисах. При этом в обзоре промышленных кризисов за весь период развития промышленного капитализма до 1900 г. о них не дается ни полслова, а в разделе кризисов за период монополистического капитализма мы находим следующие «ценные» указания. В качестве особенностей кризиса 1900 г. отмечается, что именно в этом году «...впервые ясно обозначился циклический ход развития хозяйства Японии», а также «впервые (?) кризис начался в России». Затем следует декларация: «В настоящей работе мы не даем тщательного анализа кризисов и циклов в царской России, так как они начались здесь сравнительно поздно (?) и закончились уже в 1913 г. (!)». Вместо всякого анализа и дальнейших пояснений авторы довольствуются простой ссылкой на приложенные диаграммы, которые, дескать, «...в известной мере (!) иллюстрируют циклический ход промышленного производства в России»³.

¹ От редакции. Статья печатается в порядке обсуждения. Автор привлек большой материал для освещения мало разработанного в нашей литературе вопроса. В статье имеется ряд весьма спорных положений (в частности, положение о наличии кризисов в дореформенной России). Редакция просит высказаться по вопросам, затронутым в данной статье.

² «Мировые экономические кризисы 1848—1935». Институт мирового хозяйства и мировой политики АН СССР, вышел в свет т. I, Соцэкгиз, М. 1937.

³ Там же, стр. 22—23 (подчеркнуто нами. — С. С.).

Приведенные диаграммы однако ни в какой мере не подтверждают ни «сравнительно поздней» начальной даты российских кризисов (в 1900 г.?), ни указанной авторами конечной их даты... в 1913 г. Как известно, в 1913 г. ни в России, ни в Западной Европе и США никакого кризиса не было и, стало быть, закончились кризисы в России не позднее 1907 г. Что же касается начальной их даты, то в определении ее авторы монографии 1937 г. делают большой шаг назад, даже по сравнению с весьма устаревшими работами Туган-Барановского. Ведь уже Туган-Барановскому помимо кризиса 1900 г. в России были известны «заминка» и «депрессия» начала 1890-х годов, «тяжелый промышленный кризис» и «застой» 80-х годов, «кризис и банкротства» начала 70-х годов и даже «всеобщий промышленный и коммерческий застой» и «кризис» 1857 г.¹

Авторам объемистой книги «Мировые кризисы», относившим начало мировых кризисов к 1857 г., следовало бы, по меньшей мере, объяснить, в каком смысле русские кризисы 1857 и последующих лет «начались сравнительно поздно»? «Сравнительно» с кем или с чем? Если же они не в шутку принимают за первый капиталистический кризис в России кризис 1900 г., то возникают другие недоумения. Возможно ли, чтобы за весь период промышленного капитализма в России не было ни одного промышленного кризиса? Ведь примерно с 1900 г. в России начался уже, как известно, период империализма. Если бы авторы «Мировых кризисов» были последовательны, они должны были бы либо притти к антимарксистскому выводу о возможности бескризисного развития капитализма, либо стать на народнические, антиленинские позиции отрицания того, что во второй половине XIX в. Россия была капиталистической страной. Авторам пришлось бы признать, что царская Россия и впрямь «миновала» капитализм, перескочив непосредственно из феодализма в... империализм. Но правдоподобен ли столь экстравагантный исторический прыжок?

Конечно, нет. И чтобы не плодить таких прискорбных для всякого грамотного марксиста недоумений, необходимо прежде всего несколько поглубже изучать — помимо всяких других полезных вещей — и экономическую историю своей собственной страны. Историей промышленных кризисов в России до сих пор еще вплотную наши экономисты не занимаются. А между тем материалов для такого исследования более чем достаточно.

В самом деле, если Туган-Барановский мог в свое время насчитать за период до 1900 г. только три кризиса, то ныне можно утверждать с уверенностью, что ни одного из известных нам мировых кризисов вплоть до 1907 г. не миновала в той или иной степени в своем циклическом развитии и российская крупная индустрия. И в этом нет ничего загадочного. Стихийного воздействия мировых циклов не может избежать ни одна страна, независимо от степени ее индустриального развития, если она уже вовлечена в международный товарооборот и если она не может противопоставить этой стихии столь совершенной преграды, как монополия внешней торговли в руках сознательно планирующего свое хозяйство социалистического общества.

Согласно марксистской теории кризисов, возникновение их объясняется основным противоречием капитализма — противоречием между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения. В безудержной погоне за прибылями ка-

¹ Туган-Барановский, Русская фабрика, изд. 7-е, М. 1938, стр. 263—278 и его же «Основы политической экономии», 1911, стр. 414.

питал стихийно расширять производство вслепую до тех пор, пока не наталкивается на узкие рамки платежеспособного спроса. В процессе расширенного воспроизводства капитал сам периодически создает диспропорцию между производством средств производства и средств потребления, неизбежно каждый раз упираясь в ту слишком узкую базу, на которой покоится потребление трудящихся масс при капитализме. Противоречие это разрешается только разрушительным воздействием очередного кризиса перепроизводства, после которого вновь временно открывается известная возможность дальнейшего расширения и обновления производственных фондов во имя накопления... впредь до неизбежного воспроизводства на расширенной базе новых диспропорций и разрешения их в пучине нового кризиса. Теория кризисов Маркса, впрочем, слишком известна, чтобы развешивать ее здесь во всех деталях.

Сокращая производство, снижая уровень жизни трудящихся данной страны, каждый кризис тем самым снижает экспортные и импортные ресурсы последней в отношении других стран. Таким образом, через аппарат внешней торговли, мировых цен и денежно-кредитных взаимоотношений капиталистические кризисы, перерастая национальные рамки отдельных стран, превращаются в мировые. При этом жертвой их неизбежно становятся не только передовые страны капитализма, но и гораздо более отсталые колониальные и полуколониальные народы, вовлеченные при содействии первых в общий мировой товарооборот.

Опыт истории подтверждает, что даже весьма отсталые страны, раз уже они включились в общий кругооборот мировых циклов, не всегда пассивно следуют за другими в прохождении циклов, но в качестве слабейших звеньев капиталистической цепи нередко раньше других становятся жертвами очередного мирового кризиса и, таким образом, представляются нам исходными пунктами дальнейшего его развития. Такими пунктами являлись, например, Австралия, Ява и Бразилия для мирового кризиса 1850-х годов или Аргентина, Трансвааль, Уругвай, Мексика и тому подобные экономически отсталые страны для кризиса 1890 г.

Из России мировой капитал извлекал на свою потребу еще в крепостную эпоху огромные количества сырья и жизненных припасов в обмен на избытки своей индустриальной продукции. В 1860 г. внешний товарооборот России уже превышал 340 млн. руб.; эта сумма была чуть ли не вдвое больше общего итога производства всей фабричной промышленности тогдашней России. Каждый мировой кризис, как показывает статистика внешней торговли, сокращал за счет снижения платежеспособного спроса и цен общие итоги товарообмена с Россией на очень изрядные суммы. Только за годы шести мировых кризисов после 19 февраля (с 1867 по 1908 г.) эти суммы составили, по моему подсчету, не менее двух миллиардов рублей, в том числе по экспорту из России — свыше 1112 млн. руб. Этот огромный недобор по экспорту за годы кризисов составлял главным образом цену хлеба, масла, яиц, льна, кож и тому подобных продуктов русской деревни.

Такие миллиардные жертвы трудящихся России молоху мирового капитализма не могли, разумеется, остаться без влияния и на состояние внутреннего рынка. Продавая за бесценок или вовсе лишаясь возможности — из-за мировых кризисов — сбыть значительную долю своей товарной продукции, русская деревня, в свою очередь, сокращала спрос на ситцы, сахар, керосин, железо и другие продукты отечественной индустрии. Если к тому же вспомнить еще о самой непосредственной зависимости русской промышленности от загра-

ничного ввоза машин, хлопка, красок и ряда других химических и прочих продуктов, то механизм воздействия мировых циклов на развитие российской индустрии станет достаточно ясным.

Однако для того, чтобы воздействие мирового цикла на отсталую страну сказалось не только периодическими бедствиями, но и продолжительными промышленными кризисами, необходимы известные предпосылки. И прежде всего, конечно, необходимо наличие в этой стране хотя бы небольшой, но капиталистически организованной промышленности и достижение ею определенной ступени технического развития.

В Англии до промышленного переворота конца XVIII в., несмотря на наличие капиталистической мануфактуры, промышленных кризисов не было. По сравнению с Англией и даже с Францией после 1789 г. российская промышленность, скованная крепостными путями, сильно отстала в своем развитии к середине XIX в. В гораздо меньшей степени, однако, это относится к таким странам центральной Европы, как Австрия и Пруссия, которые тоже до 1848 г. далеко еще не разделились ни с феодально-крепостническими отношениями, ни с преобладанием мануфактурных форм труда в промышленности. Очагами машинной индустрии в то время повсюду были машиностроение и целиком механизированное бумагопрядильное производство. Впрочем машиностроение на всем континенте Европы было еще очень слабо развито. В России же к 1850 г. насчитывалось всего 25 механических заводов и почти все машины получались из Англии. Но тем большего внимания заслуживает факт, что в общем вывозе машин на 817 тыс. фунтов ст. доля России составила, по английским данным, за 1848 г. целых 26%. Очевидно Россия в этом вывозе занимала в ряду других стран далеко не последнее место. По русским данным, ввоз машин в Россию с 1820-х по 1840-е годы вырос в девять раз и в 1850 г. достиг по своей ценности 2315 тыс. руб., а в общей сумме с 1824 по 1847 г. составил не менее 17,4 млн. руб.

Механическое бумагопрядение — эта самая передовая отрасль машинной индустрии той эпохи — развивалась в России следующими темпами. В 1820 г. ввоз хлопка в Россию составлял всего около 1000 т, в 1830 г. — 2500, в 1840 г. — 6500, а к 1850 г. — уже до 20 тыс. т. Для сравнения укажем, что население России за те же 30 лет возросло всего на 41%, а число фабричных рабочих — на 180%. Отметим еще, что в Германии — по всему таможенному союзу — потребление хлопка в 1850 г. не превышало 17,8 тыс. т, из которых на долю Пруссии по числу веретен можно отнести не свыше четверти этого итога. В России перед мировым кризисом 1848 г. в бумагопрядении насчитывалось от 600 до 700 тыс. веретен, в Пруссии — всего около 150 тыс. Таким образом, и в этом отношении тогдашняя Россия занимала не последнее место на континенте Европы.

Российская промышленность середины XIX в. в значительной своей части уже выходила из состояния мануфактуры, поднимаясь на следующую ступень — машинной индустрии. Посессионные фабрики энергично ликвидировались в России уже с 1840 г., а крепостные кадры к 1860 г. не достигали и 13% общей численности постоянной армии фабричного труда¹. Таким образом, русская промышленность, повидимому, уже с конца крепостной эпохи располагала достаточными предпосылками для включения в мировой капиталисти-

¹ Хуже обстояло дело на горных заводах, где ликвидация посессионных отношений началась только с 1861 г.

ческий цикл развития. Во всяком случае, она вступила в полосу кризисов не позже большинства других стран европейского континента.

Конечно, кризисы дореформенной эпохи в России нужно рассматривать лишь как отражение капиталистических кризисов Западной Европы в полукOLONиальной обстановке весьма отсталой страны, где ростки промышленного капитализма находятся еще только в первой стадии своего развития в недрах феодализма. Но нужно сказать сразу, что и эти наиболее ранние кризисы в России не были только более или менее поверхностным отражением зарубежных влияний по линии мировых цен в международном товарообороте и кредитно-денежных взаимоотношений. В каждом из этих кризисов мы можем отметить и гораздо более глубокие проявления, свойственные всем промышленным кризисам, — в области производства.

Авторы монографии о «Мировых экономических кризисах 1848—1935 гг.», вовсе не останавливаясь «вследствие недостатка статистического материала» на кризисе 1847—1848 гг., не совсем последовательно объявляют «первым международным кризисом» кризис 1857 г.¹ У читателя возникает недоумение — как же тогда квалифицировать кризис 1847—1848 гг.? Если он, согласно заголовку книги, «мировой», то почему «не международный»? И вообще, чем именно в отношении «международности» кризис 1847 г. отличается от кризиса 1857 г.? И в том и в другом в качестве «решающих» участников названы одни и те же страны — Англия, США, Германия и Франция. И тот и другой кризисы отнесены к числу промышленных кризисов. Если этого недостаточно для зачисления по разряду «международных», то недостаточно в обоих случаях. А между тем в книге сказано: «В середине XIX в. капиталистическое развитие охватило вслед за Англией целый ряд других стран: в этом смысле (?) кризис 1857 г. можно назвать первым международным кризисом»². Такая мотивировка не слишком ясна и убедительна. 1848 год не в меньшей мере относится к «середине» XIX в., чем 1857 г., и «в этом смысле» между ними нет существенной разницы. Вместе с тем экономическому кризису 1847 г., в связи с целой серией последовавших за ним буржуазных революций 1848 г. на Западе, едва ли можно отказать в международном и даже мировом значении. Доказывать достаточную к этому моменту зрелость капитализма в довольно широком, международном масштабе, необходимую для соответствующего развертывания капиталистических кризисов, — не приходится. Об этой зрелости красноречиво свидетельствует успех буржуазных революций 1848 г. А потому начальной датой мирового цикла кризисов, несомненно, следует считать уже 1847 г.

В Англии наиболее острый момент этого кризиса — с высшей учетной ставкой Английского банка в 9¹/₂%, паникой и банкротствами — падает на ноябрь 1847 г. А в США он разразился только в 1848 г. Но подготавливался этот кризис исподволь.

Не миновала того же кризиса и Франция. С июля 1846 г. по 15 января 1847 г. банковский золотой резерв здесь упал с 252 до 59 млн. франков. Спасаясь от денежного кризиса, Французский банк, по свидетельству Лавеле, перехватил 25 млн. франков по мелочам у английских банков и целых 50 млн. франков у русского императора взамен французской ренты. Однако и феодальное золото Николая

¹ «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. 1, стр. 13—14.

² Там же, стр. 14 (подчеркнуто нами. — С. С.).

Палкина, выступавшего, как видим, не только в роли жандарма Европы, но и в роли тароватого банкира монархической Франции, не спасло ее от капиталистического кризиса и буржуазной революции 1848 г. Денежный кризис в связи с усиленными спекуляциями вокруг железнодорожного строительства завершился и здесь банкротствами, безработицей и прочими бедствиями. Как известно, и Германия испытала действие того же урагана.

О том, насколько тесными были мировые связи той эпохи, может свидетельствовать, между прочим, следующий факт. Капиталистическая Англия, на долю которой падала целая треть европейского ввоза в крепостную Россию и половина вывоза из нее, извлекала отсюда в случае нужды не только сырьевые ресурсы, но и золотые резервы. В частности, в момент наибольшей денежной паники в Англии в конце 1847 г. она получила именно отсюда изрядное подкрепление. В Лондон прибыло «значительное количество золота» из России¹. На этот раз оно принадлежало уже не русскому царю, а английским капиталистам, давно проникшим в Россию, и было извлечено отсюда в опасный момент для спасения собственной страны от денежного кризиса.

Какое же отражение в России нашел этот первый мировой промышленный кризис 1847 г.?

Наиболее прямой привод зарубежных влияний на русское народное хозяйство это, конечно, внешняя торговля России с границей. Потому раньше всего обратимся к итогам этой торговли за 1845—1849 гг. (в млн. руб. серебром):

Годы	Вывоз	Ввоз	Итого
1845	92,6	83,2	175,8
1846	102,7	87,0	189,7
1847	148,6	89,2	237,8
1848	88,3	90,8	179,1
1849	96,1	96,2	192,3

Как видим, уже к 1847 г. Россия в достаточной степени была вовлечена в мировой товарообмен. Она отставала в этом отношении от Англии, Франции, США и Германского таможенного союза, но заметно превышала Австрию (около 144 млн. руб.) и Пруссию². В результате кризиса мировой капитал, однако, сразу снизил свой спрос на русские товары на 60 млн. руб., или 40%, и такой удар не мог пройти бесследно для торговли и промышленности России, вся фабричная продукция которой к 1847 г. едва достигла 105 млн. руб. Вместе с тем сокращение выручки за экспорт хлеба и других продуктов деревни на целых 60 млн. руб. означало огромное снижение платежеспособного спроса деревни на продукты города в н у т р и с т р а н ы.

Мировой капитал сокращал платежеспособный спрос не только косвенным путем, снижая спрос на русские товары, но и прямо, извлекая свое золото из каналов обращения России в годы кризисов. В частности за 1848 г. сальдо отлива золота и серебра из России достигло весьма значительной суммы в 6780 тыс. руб., тогда как

¹ Туган-Барановский, Периодические промышленные кризисы, СПб 1914, стр. 81.

² Небольсин, Статистическое обозрение внешней торговли России, СПб 1850, ч. II, стр. 473—474.

в другие «нормальные» годы золото обычно приливало в Россию из-за границы. Требование уплаты наличностью таких больших сумм в кризисный год уже само по себе могло вызвать ряд банкротств и потрясений в области кредитно-денежных отношений.

В связи с «чрезвычайным неурожаем» 1846 г. в Западной Европе и растущими ценами на хлеб туда было вывезено из России в 1847 г. до 11,5 тыс. четвертей хлеба на 71 млн. руб. Но со второй половины этого года наступил «перелом в хлебной торговле» и ценах¹. На Западе, по словам официального обзора внешней торговли, разразился «коммерческий кризис», и в России «многие торговые дома понесли от того большие убытки»². Но этим дело не кончилось. В отчете за следующий, 1848, год в объяснение резкого падения вывоза из России тот же официоз пишет: «Последствия коммерческого кризиса, расстроившего в исходе 1847 г. кредитные обороты на европейских биржах, еще были ощутительны в начале 1848 г., когда февральская революция во Франции и возникшие вскоре потом беспokoйства (!) в Германии и в Италии произвели общее потрясение в торговле, остановили в этих странах развитие всех отраслей промышленности и привели там в расстройство все источники народного благосостояния. Бедственный кризис в кредитных, финансовых и торговых оборотах, поразивший все государства, взволнованные внутренними смутами (!?), не мог не иметь вредных последствий для внешней торговли вообще, которую тесно связаны взаимные интересы всех наций»³. Но едва ли не сильнее всех других наций «бедственный кризис» поразил Россию в связи со свирепствовавшей там в 1848 г. азиатской холерой и карантинными против нее мерами западных стран. До нас дошли известия, что целые заводы в этом году прекращали свою работу в связи с холерными и цынготными заболеваниями. Этому с осени 1848 г. содействовал и тяжелый неурожай в России. В соединении с холерой и голодом этот бедственный кризис стоил России огромных потерь — миллиона человек за один год⁴.

Минимум вывоза из России пришелся на 1848 г., хотя перелом в экспортных ценах (снижение по хлебу, льну и другим товарам) обозначился еще в половине 1847 г. Да и сокращение самого вывоза началось по отдельным товарам еще в 1847 г. (юфть), в 1846 г. (железо, невыделанные кожи) и даже в 1845 г. (лен и шерсть).

Состояние внутреннего рынка за соответствующие годы достаточно выявляется ценами и оборотами всероссийского торжища, которое ежегодно происходило на Нижегородской ярмарке. Общий оборот товаров на этой ярмарке выражался в следующих итогах (в млн. руб.)⁵:

¹ В Петербурге цены на пшеницу в августе 1846 г. были 7 р. 50 к. за четверть, к 1847 г. они поднялись до 11 р. 71 к., а к июню 1848 г. снова упали до 7 руб. за четверть.

² «Государственная внешняя торговля в разных ее видах за 1847 г.», СПб 1848, стр. IV (подчеркнуто нами. — С. С.).

³ «Государственная внешняя торговля за 1848 год», СПб 1849, стр. III (подчеркнуто нами. — С. С.).

⁴ За 1847 г., при нормальном урожае, в России умерло 1 877 тыс. лиц православного исповедания, а в 1848 г. — 2 840 тыс. Приписать это увеличение смертности на целый миллион душ одному лишь неурожаю 1848 г. едва ли возможно, ибо действие его должно было сказаться еще сильнее в 1849 г., а между тем за 1849 г. умерло только 1 876 тыс. душ, т. е. не больше чем в 1847 г. Что же касается холеры и цынгги, то они сами развивались на почве голода, усиленного бедствиями кризиса. (См. Сборн. стат. свед. о России, СПб 1858, т. III, стр. 442, 451.)

⁵ «Журнал мануфактур и торговли» за 1849 г., ч. III, стр. 425 и за 1850 г., ч. III, стр. 104.

Годы	Привоз	Продано	Остаток
1843	47,9	39,1	8,8
1844	50,4	42,7	7,7
1845	55,8	48,7	7,1
1846	57,2	50,3	6,9
1847	56,0	48,7	7,3
1848	51,7	43,8	7,9
1849	55,5	45,5	10,0

Здесь падением привозов и суммы продаж отмечены уже два года — 1847 и 1848. Таким образом, внутренний рынок реагировал на мировой кризис даже раньше внешнего. Падение суммы проданных товаров за 2 года на 13% и повышение непроданных остатков за эти годы с 12,1 до 15,3% от суммы привозов означало, конечно, наличие кризиса перепроизводства этих товаров в стране. Более детальный анализ привозов по отдельным товарным группам указывает нам, что этот кризис подготавливался исподволь. Затруднения с реализацией суконных товаров и металлоизделий, а также продуктов кожевенной промышленности начались еще с 1846 г. Снижение привозов хлопчатобумажных и шелковых изделий падает на 1847 и 1848 гг., а, например, привозы сахара резко упали только в 1848 и 1849 гг. Вместе с тем резкое снижение цен отмечается по сукнам уже начиная с 1845 г. и достигает за 3 года 24%; по чугуну за 1847—1848 гг. цены падают на 14,5%, по ситцам за те же 2 года — на 10% и т. д.

Обозреватели ярмарочной конъюнктуры уже в отчете по ярмарке 1846 г. начали отмечать снижение цен по ряду товаров и расширение продаж в кредит от 6 до 18 месяцев. В 1847 г. они пишут, что в связи с кризисом и «многими банкротствами» за границей ряд русских торговых домов «потеряли важные капиталы», «кредит сделался туг», да и «расчеты шли не совсем успешно». Еще хуже, конечно, прошла ярмарка 1848 г. Но показательнее всего динамика самого производства. Несмотря на общеизвестные дефекты дореволюционной промышленной статистики в России, она все же в интересующей нас области оказывается значительно богаче того, что нам известно за соответствующий период по Западной Европе. И мы можем привести следующие отчетные данные:

Общее число заведений и рабочих, учитываемых департаментом мануфактур по всей России (без Польши и Финляндии), составляло:

Годы	Заведения	Рабочие
1841	6 831	429 638
1842	6 939	455 827
1843	6 813	466 579
1844	7 399	469 211
1845	8 302	507 577
1846	8 333	508 607
1847	9 029	532 056
1848	8 928	483 542
1849	9 172	495 364
1850	9 843	501 639

В этих итогах, извлеченных нами из подлинных архивных отчетов департамента, очень резко выделяется падением числа действовавших заведений и рабочих один лишь 1848 год. К сожалению, мы

не располагаем соответствующими данными о ценности продукции за те же годы. Но имеется все же довольно полная сводка о сумме продукции по важнейшим отраслям за 1845—1850 гг.¹ (см. табл. 1).

Таблица 1
Продукция важнейших производств в России за 1845—1850 гг.
(без Польши и Финляндии)

Годы	В млн. руб.											В млн. пуд.	
	Производство суконных и шер- стяных материй	Льняное и полот- няное производ- ство	Бумагопрядиль- ное и ткацкое	Обработка ме- таллов	Ситце-набивное, красильное и белильное	Шелковое и парчевое	Пищевобумажное и обойное	Стеклоянное и хрустальное	Химическое, красочное и ук- сусное	Разные	Итого	Чугун	Каменный уголь (донецкий)
1845	25,1	4,4	27,7	11,3	10,3	6,2	2,9	2,1	1,4	4,3	95,7	11,4	1,69
1846	24,1	2,4	29,3	17,8	15,3	6,4	3,1	3,0	1,5	5,0	107,9	13,1	1,45
1847	21,0	2,0	27,3	18,3	15,5	6,8	3,2	3,1	2,2	5,6	105,0	11,7	1,45
1848	27,3	2,7	30,4	15,9	12,0	4,2	2,9	2,8	1,6	4,9	104,7	12,1	2,18
1849	22,6	3,1	30,7	17,5	12,6	7,9	2,9	2,7	1,7	4,4	106,1	11,6	2,53
1850	25,1	2,8	28,7	17,2	16,2	6,7	3,5	3,0	2,2	5,5	110,9	13,2	3,54

В использованной здесь нами сводке департамента мануфактур учтены итоги 38 производств. Не вошли сюда только подакцизные отрасли — вино, табак, сахар — и ряд мелких полкустарных производств, главным образом по обработке животных и пищевых продуктов. Особо учитывалась в России горная промышленность, за исключением ряда железных заводов Пермской губ., которые вплоть до 1850 г. по неряшливости тогдашней статистики включались и в сводки департамента мануфактур. В 1850 г. частично, а с 1851 г. уже почти полностью они выпали, наконец, из этих сводок, вследствие чего, к сожалению, итоги 1851 г. вовсе не сравнимы с данными предшествующих лет.

Как видно из подчеркнутых нами итогов, сокращение производства в России по некоторым отраслям началось уже в 1846 г., хотя наибольшего упадка все производства достигли только в 1847 и 1848 гг. Глубина этого падения по разным отраслям не одинакова — от 6,8% в бумагопрядении до 16,3% в суконном, 22,6% в ситце-набивном, 27,3% в химическом, 38,4% в шелковом и 54,5% в полотняном производстве. В среднем по всем учтенным в нашей таблице отраслям, взятым в отдельности, глубина кризисного падения достигает 17%. Но благодаря разновременности этого падения в различных отраслях общее падение производства по итоговой графе нашей таблицы с 1846 по 1848 г. составляет всего около 3%. Этот наиболее суммарный показатель глубины кризиса, впрочем, совсем не надежен. Благодаря закону неравномерного развития различных производств и расхождению высших и низших точек кризиса в разных отраслях такие суммарные для всей промышленности индексы развития крайне мало чувствительны. Можно указать немало кризисов, за время которых общепромышленный индекс годовых колебаний продукции вообще не обнаруживает никакого ее снижения².

¹ Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов, СПб 1865, т. II, стр. 235—236.

² См., например, кризисы 1866, 1883 и 1900 гг. в Германии, «Мировые кризисы 1848—1935 гг.», т. I, стр. 500.

Говоря об общем снижении фабричной продукции в России за 1847 и 1848 гг. на 3%, надо, однако, еще учесть, что эта продукция, судя по нормальному темпу ее роста за все пятилетие — на 16%, должна бы вырасти за 2 года процентов на 6. И если вместо роста на 6% она упала на 3%, то общую глубину падения следует считать не ниже 9%. Помимо обрабатывающей промышленности кризис 1847 г. сказался в России не менее явственно и в других ее отраслях. Так, например, выплавка чугуна, составлявшая в России в 1845 г. 11,4 млн. пуд. и в 1846 г. 13,1 млн., в 1847 г. падает до 11,7 млн. пуд. — на 10,7%. Добыча угля в Донбассе, достигавшая в 1845 г. 1,69 млн. пуд., в следующие 2 года снижается до 1,45 млн. пуд. — на 14%. Характерно также сокращение железнодорожного строительства в России в связи с кризисом 1847 г. За 1846 г. было открыто 134 км новых железнодорожных линий, в 1847 г. — 90 км, а в 1848 г. — только 14 км. Мы уже не говорим о снижении цен и других явлениях того же рода, имевших место в стране в 1847—1848 гг.¹

Можно ли все эти явления считать случайными? Случайно ли это одновременное сокращение производства во всех отраслях труда, происходившее в России как раз в том же самом 1847/48 г., в котором протекал промышленный кризис в Англии, Германии, Франции и США?

Конечно, нет. Мы наблюдаем во всех этих странах общие следствия, потому что их порождают общие причины.

Столь бесспорное отражение мирового капиталистического кризиса в крепостной России вызывает, пожалуй, на размышление. Но факт остается фактом. Конечно, крепостной уклад был господствующим в николаевской России. Однако при полном господстве его в сельском хозяйстве в России уже в ту пору зрели в полне жизненные ростки капитализма в области крупной промышленности. На таком передовом участке индустриального фронта как хлопчатобумажная отрасль промышленности, всегда целиком базировавшаяся на эксплуатации вольнонаемного труда, в эту пору уже шла полным ходом перестройка капиталистической мануфактуры в капиталистическую фабрику. Напомним здесь хотя бы о кипучей деятельности по переоборудованию русских мануфактур английскими машинами, начиная еще с 1839 г., небезызвестного представителя манчестерской фирмы Де-Джерсей в Москве — Людвига Кнопа. Как известно, один Кноп оборудовал в России по-новому не менее 122 бумагопрядилок². Не отставали от бумагопрядения и многие другие производства.

Известно, что «возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя...»³ В частности в России, — как это отмечал уже Ленин, — «...капиталистическая организация хлопчатобумажной промышленности сложилась до освобождения крестьян»⁴. И если в недрах феодальной России уже зре-

¹ Отметим, например, неудачу с реализацией внешнего займа за границей в связи с «политическими происшествиями в Европе» начала 1848 г., рекордный портфель протестованных векселей в государственном коммерческом банке за 1848 г. и т. п. (См. «Сборник статистических сведений о России», изд. Русского географического общества, СПб 1854, кн. II, стр. 183, 247 и сл.)

² Шульце-Геверниц. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России, СПб 1901, стр. 76.

³ История ВКП(б), стр. 123 (подчеркнуто нами. — С. С.).

⁴ Ленин, Соч., т. I, стр. 352.

ла капиталистическая промышленность, то почему бы в ней не проявляться и промышленным кризисам? Одинаковые причины повсюду вызывают одинаковые следствия.

Мировому кризису 1857 г. предшествовал ряд серьезных предвестников. Сюда относится прежде всего австралийский кризис конца 1853 г., за которым в Австралии последовал целый ряд банкротств, в особенности среди импортеров заграничных товаров. Затем, в 1854 и 1855 гг. началось заметное падение английского экспорта, вызвавшее угнетенное состояние важнейших отраслей английской промышленности, в особенности хлопчатобумажной. Осенью 1856 г. вспыхнул острый биржевой кризис во Франции. Однако настоящий кризис разразился только в конце августа 1857 г. в США, когда вслед за бешеной спекуляцией железнодорожными ценностями там начались жестокая паника и банкротства. Из Америки кризис быстро перекинулся в Европу. С конца октября начались банкротства банков и промышленных фирм, имевших дела в Америке, в Англии. Затем кризис перебрался на континент в крупнейшие центры Германии, Австрии, Дании, Швеции и Франции и даже сказался по другую сторону экватора — на Яве и в Бразилии. В конце ноября 1857 г. Маркс подводил ему уже такие итоги: «На европейском континенте зараза распространилась от Швеции до Италии в одном направлении и от Мадрида до Будапешта — в другом»¹. Продолжительность кризиса 1857 г., однако, была невелика. Уже через несколько месяцев он сменился умеренной депрессией, а в Англии к 1859 г. его действие окончательно изгладилось. Но максимум банкротств и безработицы вместе с минимумом продукции в большинстве стран Запада падает все же на 1858 г., а в отдельных отраслях, например в производстве и потреблении чугуна, — даже на 1859 г. (Франция) и 1860 г. (Германия).

Не обошла «зараза» мирового кризиса и Россию. И у нас были серьезные предвестники кризиса уже с 1852 г., а в некоторых отраслях он затянулся вплоть до 1860 г., но основное проявление этого кризиса в России падает все же на 1857 г. «Конец 50-х годов, — по свидетельству Туган-Барановского, — был отмечен у нас банкротствами банков, акционерных предприятий, торговых и промышленных фирм, застоєм торговли и сокращением производства — обычными симптомами промышленного кризиса»².

В области внешней торговли 1858 год отмечен сокращением ввоза в Россию всего на 2,3 млн. руб., но вывоз из России упал за этот год на 17,0 млн. руб. Отлив золота из страны, несмотря на положительный торговый баланс, превысил прилив его уже в 1857 г. на 14,9 млн. руб., в 1858 г. — на 24,2 млн. и в 1859 г. — на 25,8 млн. руб.³ Всего за 3 года кризиса мировой капитал выкачал, таким образом, из России до 65 млн. руб. золота в монете и слитках. Эти изъятия не могли, конечно, спасти капиталистический Запад от кризиса, но в полунищей России они значительно ускорили наступление «повсеместного безденежья» и общего застоя в торговле. При обсуждении тогдашней конъюнктуры на заседаниях «политико-экономического комитета» при Русском географическом обществе особенно резко отмечались денежные затруднения: «...нужда в деньгах лежит тяжелым гнетом на всех торговых сделках», «...дисконт векселей труден до невероятности...», «...привозные товары, почти без исключе-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XI, ч. I, стр. 129.

² Туган-Барановский, Русская фабрика, Соцэкгиз, 1938, стр. 262.

³ Валовой итог платежей за границу в 1859 г. исчислялся в 50,6 млн. руб., из которого платежи по внешним займам составили 13,0 млн. руб., проценты по ж.-д. акциям иностранных компаний — 5,4 млн. и разные расходы казны за границей 5,2 млн. руб. («Вестник промышленности»; 1861 г., № 4 за апрель, стр. 5—6).

ния, продаются на 6 и 9-ти месячные сроки». Вместе с тем в премиях отмечалось, что разменный фонд страны, составлявший к 1 января 1855 г. 164 млн. руб., уменьшился к началу 1860 г. уже до 84 млн., а внешний долг увеличился на 162 млн. руб. В связи с этим на вопрос «в чем состоит нынешний кризис?», давался прямой ответ: «Мы зарвались, нам платить нечем...» и ставился даже «вопрос о нашем банкротстве»¹.

На внутреннем рынке затруднения начались лишь с конца 1857 г. Нижегородская ярмарка 1857 г. (с 15/VI по 1/IX) закончилась, по мнению, еще до начала кризиса в России и прошла, по отзывам обозревателя, «необыкновенно успешно». Высокие цены на хлопчатобумажные товары держались до конца 1857 г., «когда получены были сведения о начале торгового кризиса и об упадке цен на хлопок в Англии». На шерстяные изделия цены упали на 10—15%² тоже только с конца 1857 г., ибо «...вследствие промышленного кризиса требования за границу прекратились...» Резко упали также цены на выделанные подошвенные кожи в связи с прекращением заграничных закупок. Еще весной 1857 г. они продавались в Калужской губ. по 1400 руб. за сотню, а к концу кампании, после прекращения закупок, упали в цене до 800 руб., т. е. много ниже себестоимости, так как одно лишь кожсырье стоило до 700 руб. за сотню. К тому же сроку отмечается и падение цен на сахар на 15—20%, но уже в связи с внутренними спекуляциями на петербургской бирже. Вот почему уже в начале следующего, 1858, года, по замечанию присяжного хроникера, «отчасти вследствие общего торгового европейского кризиса, отчасти же от усиленного движения двух предыдущих лет в сбыте чувствовался некоторый застой»³.

Эта вторая причина «застоя» 1858 и 1859 гг., в течение которых «...даже самые солидные предприятия не избегли влияния кризиса...», еще сильнее подчеркивается тем же хроникером В. Татариновым через пару лет. Ссылаясь на свою статью 1858 г., где он уже будто бы предсказывал, что «акционерным обществам грозит близкий кризис», он так формулирует его причину: наши фабриканты, «увлекшись усиленным спросом последних лет ...несоразмерно увеличили свое производство»⁴. Хотя привозы на Нижегородскую ярмарку 1858 и 1859 гг. не падали, но реализация их шла все хуже. «Торговцы вынуждены были отдавать товары в кредит на продолжительные сроки, несмотря на то, что многие из старых долгов не были уплачены». Прямое сокращение оборотов Нижегородской ярмарки можно отметить лишь за 1860 и 1861 гг.⁴. Ярмарка 1860 г., по замечанию ее обозревателя, «под влиянием общего застоя торговли, безденежья и нестерпимых жаров шла вяло», рано прервана холерой и в общем «должна быть отнесена к числу наименее удачных». Ярмарка 1861 г. прошла не лучше, «при страшном упадке цен... главнейшая масса товаров отдана в кредит от 6 до 12 и даже 24 мес.», причем не платили и старых долгов. Причинами и здесь обозреватель С. Серафини считает «всеобщее и совершенное

¹ «Вестник промышленности», 1861 г., № 4, стр. 7 и 17.

² «Журнал мануфактур и торговли», 1858 г., т. IV, Промышленная хроника за январь—апрель 1858 г., стр. 28 и 31 и «Мануфактурная промышленность Калужской губ.», стр. 35 и сл.

³ «Промышленность», журнал мануфактур и торговли, СПб 1861, т. I, кн. I, стр. 24 и I (подчеркнуто нами.— С. С.).

⁴ Общая сумма привоза товара на Нижегородскую ярмарку составляла: в 1858 г.— 94,9 млн. руб., в 1859 г.— 103,3 млн., в 1860 г.— 102,6 и в 1861 г.— 96,8 млн. руб.

безденежье», перепроизводство и «торговый кризис», налегшие «общественным бедствием на промышленный наш класс»¹.

Таким образом, действие мирового кризиса 1857/58 г. затянулось у нас в отдельных отраслях хозяйства значительно дольше, чем на Западе, вплотную сомкнувшись с кризисом всей системы крепостного хозяйства России после 19 февраля 1861 г.

Начальную стадию кризиса 1857 г. в России несколько затемняет Крымская война с марта 1853 по февраль 1856 г. Эта война, длившаяся около 3 лет, нанесла тяжелый удар всему народному хозяйству. В частности она совершенно прекратила железнодорожное строительство и создала на время не только застой, но даже прямой упадок промышленной деятельности с минимумом производства в 1854 г. По ряду производств это падение продолжалось еще и в 1855 г. Но в общем и целом с этого года, несмотря даже на войну, а отчасти может быть и в связи с военными поставками, в стране почувствовалось явное повышение конъюнктуры.

«Коренное оживление наших промышленных и коммерческих дел,— по свидетельству современника,— принадлежит к 1854—1857 гг. Оно началось еще до заключения мира. Оно проявилось чрезвычайным усилением фабричной деятельности, преимущественно в северной промышленной полосе..., необычайной бойкостью оборотов на всех внутренних ярмарках, быстрым увеличением сбыта как отечественных, так и иностранных мануфактурных товаров... Апогей этого движения внутри России был в 1855 и 1856 годах, о которых решительно все участники нашей промышленной и коммерческой деятельности говорят, как о золотом времени. И простые рабочие (?), и фабричные (?), и фабриканты и купцы всюду говорили нам об этом времени: «мы тогда озолотились». Фабрики не успевали готовить товары, которые быстро расхватывались; строились новые фабрики и расширялись старые; удваивалось число рабочих часов, работали ночью; цены на все товары и заработки росли непомерно»².

Высшей точкой предпринимательского ажиотажа были, повидимому, конец 1856 и начало 1857 г. Капитал вновь основанных акционерных компаний за 1855 г. составлял всего 750 тыс. руб., за 1856 г. он поднялся до 15 млн. руб., в 1857 г. он сразу делает прыжок до 300 млн. руб., а затем снова резко падает в 1858 г. до 51 млн. руб.³ «Сначала, казалось,— писал об этом ажиотаже другой современник,— что акционерные дела идут весьма хорошо, и публика обратилась к ним с необыкновенным доверием. Акции всех обществ весьма легко перепродавались на бирже и часто заменяли наличные деньги или облигации. Но скоро все изменилось. Невыгодный (платежный) баланс произвел невыгодный курс и вызвал большой спрос монеты... Банки перестали выдавать ссуды под недвижимые собственные имения и дома. Акции потеряли свою ценность и не могли уже заменять попрежнему денежных знаков... недостаток денег сделался повсеместным. Все это совокупно отразилось на всех других отраслях промышленности, особенно на мануфактурных, и произвело повсеместный в государстве застой торговли...»⁴.

«После промышленного оживления,— сообщает о том же В. Безобразов,— настала другая эпоха, с совершенно противоположными признаками: всеобщий промышленный и коммерческий застой, даю-

¹ «Промышленность», журнал мануфактур и торговли, СПб 1861, т. I, С. Серафим и И. Нижегородская ярмарка, 1861, стр. 52—53, 78, 49.

² Безобразов, О некоторых явлениях денежного обращения в России, М. 1863, II, стр. 20—21.

³ Там же, стр. 22.

⁴ Шипов, Как и отчего исчезли у нас деньги, СПб 1860, стр. 33—34.

щий положению наших дел, с 1858 и 1859 гг., характер кризиса. Уже с 1858 г. начинаются во внутреннем производстве и торговле задержки, заминки, которые в 1859 г. превращаются, внутри России, в решительный кризис... Крушение акционерных компаний было бы излишне описывать: оно слишком всем известно... Место безграничного увлечения акционерным делом заступила или настоящая паника, или полнейшее равнодушие»¹.

Эти настроения поддерживались дальнейшим резким падением цен, начиная с 1857—1858 гг. Так, например, цены на сахар-сырец за 1857—1859 гг. упали с 8 р. 78 к. золотом в 1856 г. до 6 р. 24 к. за пуд, т. е. почти на 29%; цены на русскую шерсть — с 6 р. 26 к. в 1857 г. до 4 р. 77 к. в 1859 г., т. е. на 24%; цены на иностранный хлопок в Москве за те же годы — с 7 р. 67 к. до 6 р. 61 к., т. е. на 14%, а на бумажную пряжу — с 21 р. до 17 р. 12 к., т. е. на 18,5%; цены на полосовое железо в Петербурге за один 1859 г. — с 1 р. 45 к. до 1 р. 29 к., т. е. на 11% и т. д.² По другому источнику, цены бумажной пряжи (основа 30—40) в г. Шуе достигали: в 1856 и 1857 гг. — 24 р. 50 к. серебром за пуд, в 1858 г. — 18 р. 50 к., в 1859 г. — 18 руб., в 1860 г. — 16 руб., т. е. за 3 года упали на 33%³.

Мы не располагаем вполне сравнимыми отчетными данными по всей промышленности за соответствующий период. Слишком часто менялся тогда охват учетом числа производств и губерний. Менялся также нередко и состав производств, объединяемых в ту или иную отрасль. Однако, ограничиваясь лишь важнейшими производствами, по которым имеются достаточно полные и сравнимые итоги за весь сопоставляемый период, мы получаем такую картину для 50-х годов (см. табл. 2).

Таблица 2
Продукция важнейших производств России за 1851—1860 гг.
(без Польши и Финляндии)

Годы	В млн. рублей											В млн. пуд.	
	Бумагопрядильное	Ситцевое, красильное и отделочное	Полотняное и льнопрядильное	Суконное и камвольное	Шелковое и леночное	Бумаготкацкое	Обработка металлов	Обработка кожи	Химическое и красочное	Стекло, фарфор и фаянс	Итого	Чугун	Каменный уголь (донецкий)
1851	13,5	15,7	3,2	23,6	6,2	12,2	10,7	9,6	2,2	3,7	100,6	12,6	3,31
1852	15,6	16,3	2,2	24,4	5,7	14,2	11,9	9,2	2,4	4,0	105,9	13,2	4,00
1853	17,3	16,8	2,5	22,5	5,5	15,9	12,7	10,0	2,6	3,8	109,6	14,5	3,84
1854	15,6	14,3	2,9	23,3	4,9	11,9	13,4	9,1	2,9	3,6	101,9	14,2	3,75
1855	15,2	12,1	3,3	25,4	4,9	13,5	15,0	9,6	3,4	3,4	105,8	15,3	4,50
1856	18,5	16,5	2,9	32,4	6,4	15,6	15,6	10,0	3,9	4,0	125,8	15,8	3,80
1857	21,9	19,2	4,0	28,9	5,8	13,4	15,2	9,4	3,4	4,1	125,3	13,1	4,50
1858	23,6	22,3	4,0	31,9	6,7	18,7	17,8	11,1	4,4	4,1	144,6	16,9	4,50
1859	31,3	20,0	4,3	32,6	7,9	21,5	22,8	14,0	4,7	4,7	163,8	16,5	2,80
1860	28,7	23,6	6,1	35,4	7,1	19,3	23,4	16,6	4,1	5,1	169,4	20,5	6,01

Если оставить в стороне столь отдаленные предвестники кризиса, как сокращение продукции ситцевой, полотняной, шелковой, коже-

¹ Безобразов, О некоторых явлениях денежного обращения в России, М., 1863, II, 23—24.

² Соболев, Таможенная политика России во второй половине XIX века, Томск 1911, Таблицы цен в приложении.

³ Лядов, Очерк торговли хлопчатобумажной пряжей в г. Шуе и в его уезде. Памятная книжка Владимирской губ. за 1862 г., стр. 33.

венной и сахарной промышленности еще в 1852 г., то довольно резкий упадок производства в военные годы с минимумом в самый разгар войны, в 1854 г., можно было бы целиком отнести за счет военной разрухи. Однако общее сокращение продукции с 1853 по 1854 г. с 109,6 до 101,9 млн. руб.—на 7,7 млн., или 7%—по всем учтенным в таблице отраслям перекрывается с избытком падением одной лишь хлопчатобумажной продукции за один 1854 г. с 50,0 до 41,8 млн. руб.—на 8,2 млн. руб., или 16,4%, причем это падение продолжалось еще и в следующем году. Вместе с тем известно, что аналогичное сокращение переработки хлопка за те же 1854 и 1855 гг. имело место и в Англии, и во Франции, и в Германии, и даже в США, т. е. даже в странах, отнюдь не задетых какой-либо войной. Этот международный характер указанного явления не дает нам права отнести его в отношении России за счет одной лишь Крымской войны.

Вслед за минимумом 1854 г. и сменившей его полосой бурного оживления в 1855 и 1856 гг. наши итоги обнаруживают новую полосу сокращений производства, соответствующую мировому кризису 1857 г. В этом году мы можем отметить новый минимум в семи производствах из тринадцати и в следующем году еще в трех. Из остальных—в полотняном производстве минимум продукции падает на 1856 г., а в хлопчатобумажных производствах, переживших уже тяжелое испытание в 1854—1855 гг., новый минимум несколько запаздывает, проявляясь полностью лишь в 1859 и 1860 гг. В сахарном производстве минимум продукции пришелся на 1858 г., в добыче угля—на 1859 г. В связи с таким расхождением минимумов для разных отраслей, в итоге по всем учтенным производствам в нашей таблице можно отметить только остановку роста в 1857 г. вместо прямого падения. Впрочем, при среднегодовом приросте продукции до 7% такая остановка роста тоже весьма показательна. Если же обратиться к отдельным отраслям, то прямой упадок продукции в кризисные для них годы достигал и гораздо более значительной глубины: например, по бумагопрядению—8,5% и 12%, по шелковым, шерстяным, суконным, бумажным тканям и химическим продуктам—от 9 до 13%, по льно- и бумаготкачеству—от 12 до 14%, по чугуну—до 17% и по углю—до 38%.

Очень характерны в этих конъюнктурных колебаниях взаимоотношения таких конкурентов, как лен и хлопок. Каждому падению размеров переработки хлопка соответствует повышение переработки льна, и, наоборот, всякому снижению льняного производства соответствует подъем хлопчатобумажной промышленности. Это отнюдь не случайное явление, по которому шансы льна у нас всегда повышались, когда падали шансы хлопка, отчасти объясняет столь заметное в нашей таблице расхождение и разновременность кризисных максимумов и минимумов в различных отраслях промышленности.

Минимум производства обычно совпадает с максимумом безработицы и наоборот. Однако, для конца 50-х годов характерно иное явление. Здесь значительное сокращение числа рабочих наблюдается уже после низшей точки кризиса 1857 г. По отчетам департамента мануфактур, мы располагаем такими итогами динамики в сей обрабатывающей промышленности, кроме подакцизных отраслей, накануне крестьянской реформы (см. табл. на стр. 140).

1858 год здесь дает прирост по всем показателям. Сумма продукции растет также и в следующие годы. А число рабочих, несмотря на возрастание числа учтенных предприятий, падает за два года на 11,6%. И это отнюдь не случайное явление. В архивном отчете

Отчетные годы	Число «фабрик»	Число рабочих (в тыс. чел.)	Продук- ция (в млн. руб.)
1856	10 011	432,1	166,0
1857	10 152	445,9	173,0
1858	11 456	530,6	195,5
1859	12 242	503,5	221,1
1860	13 325	468,6	234,5

департамент за 1861 г. мы находим следующее его объяснение. «Такое уменьшение числа рабочих людей на фабриках,— гласит отчет,— происходит частью от уменьшения производства на помещичьих фабриках, частью же от введения машин, что подтверждается и постоянным возрастанием машинного производства в России».

О росте машиностроения за соответствующие годы можно судить по следующим отчетным данным:

Годы	Заводы	Рабочие	Продук- ция (в тыс. руб.)
1850	25	1 475	423
1856	31	6 604	3 865
1857	43	7 032	4 015
1858	47	7 602	4 199
1859	85	8 526	5 260
1860	99	11 600	7 954

За 1856—1860 гг., несмотря на кризис в других отраслях, машиностроение удвоилось. Темп совершенно головокружительный для того времени, в особенности после 1858 г.— за два года на 90%! И в этом не было ничего удивительного. Каждый капиталистический кризис, обостряя конкуренцию, служит толчком к массовому обновлению основного капитала, а стало быть и к новому подъему машиностроения. Но в описываемую эпоху послекризисная реконструкция производства была связана с перестройкой мануфактуры в фабрику. Такой процесс не мог проходить без заметного сокращения рабочей армии, даже при некотором расширении производства. А тут, в дореформенную эпоху оставалось еще немало помещичьих мануфактур с крепостным трудом, которым и без того трудно было соперничать с более производительным свободным трудом. В период кризиса это становилось для них еще труднее, а в период оживления, связанный с реконструкцией производства, соперничать с передовой машинной техникой купеческих фабрик совсем невозможно. Помещичьи предприятия не выдерживали конкуренции и закрывались. Таким образом, промышленный кризис 1857 г., перерастая в условиях крепостной России в кризис всей системы отживающего феодализма, несомненно, в какой-то степени ускорял неизбежную гибель последней.

Мировому кризису 1866 г. предшествовала гражданская война в США — с весны 1861 г. по май 1865 г.— и вызванный ею хлопко-

вый голод. Эти события привели уже в 1861 г. к довольно серьезному застою и безработице в текстильной промышленности Англии и ряда других стран. Раньше, чем в других странах, с прекращением военных заказов вспыхнул промышленный кризис в США. Предвестником его можно считать биржевую панику в Нью-Йорке, разразившуюся еще в апреле 1864 г. Промышленный кризис здесь начался немедленно вслед за прекращением военных действий в 1865 г. Но если низший уровень производства чугуна здесь падает на 1865 г., то в других отраслях этот уровень достиг минимума лишь в 1867 г. В Англии дело началось с краха одного из крупнейших лондонских банков 10 мая 1866 г. До вечера 11 мая выявилось еще 6 банкротств на 21 млн. ф. ст. 17-го «паника, повидимому, миновала», но поступили сведения о банкротствах в Вене, Стокгольме, Гавре, Шафгаузене, Барселоне... В Англии минимум производства в разных отраслях был достигнут в 1866, 1867 и 1868 гг. Во Франции после застоя 1861—1864 гг. последовало некоторое улучшение, настоящий же кризис разразился только в 1867 г., после краха крупнейшего французского банка Креди Мобилье. Минимум производства в разных отраслях здесь приходится уже на 1867 и 1868 гг.

В России 60-х годов помимо хлопкового голода и мирового кризиса был еще свой особый фактор, заметно задержавший развитие некоторых отраслей промышленности. Мы имеем в виду кризис всей крепостной системы хозяйства, приведший к крестьянской реформе 1861 г. и, в свою очередь, резко обострившийся в результате последней. В тех отраслях промышленности, в которых к моменту реформы еще сохранились значительные кадры принудительного труда, переход к новым условиям освобожденного труда сопровождался резкими потрясениями и даже прямым упадком производства на 2—3 года. Реформа 19 февраля 1861 г. на заводах осуществлялась с большой волокитой, уставные грамоты о новых взаимоотношениях проводились крайне медленно. Но старый заводской режим был скоро сломлен. Рабочие разбегались в поисках лучших условий, и в ряде отраслей, в особенности в горнозаводском деле, в сахарной и суконной промышленности, заводы в течение нескольких лет после реформы работали с перебоями.

Кризис всей крепостной системы, связанный с датой 19 февраля 1861 г., имел неисчислимые социально-политические и экономические последствия в самых разнообразных областях жизни, в особенности в области сельского хозяйства. Но это особая тема, заслуживающая специального изучения.

Хлопковый голод в России, в связи с гражданской войной в США, достиг своей высшей точки в 1862 г. В отдельные годы ввоз хлопка по европейской и азиатской границам в Россию составлял (в тыс. луд.):

1860 г.	2 611 + 229 = 2 840
1861 г.	2 491 + 152 = 2 643
1862 г.	445 + 405 = 850
1863 г.	587 + 495 = 1 082
1864 г.	933 + 704 = 1 637
1865 г.	1 125 + 466 = 1 591
1866 г.	2 372 + 580 = 2 952

Как видим, хлопковый голод кончился у нас не раньше 1866 г., причем ввоз 1862 г. едва достигал 30% нормы 1860 г. Число рабочих на бумагопрядильных мануфактурах, однако, сократилось несколько меньше — с 41,3 тыс. в 1860 г. до 22,4 тыс. в 1862 г., т. е. до 54% той же нормы. По стоимости продукции это сокращение в связи с ростом цен было еще меньше, сохраняя в 1862 г. до 92% нормы

1860 г. Конечно, цифры подвоза хлопка не совпадали с итогами его переработки за те же годы, и минимум переработки, судя по числу рабочих, имел место только в 1864 г., т. е. уже в год прекрасной рыночной конъюнктуры на хлопковые изделия, когда цены на пряжу в 2,5—3 раза превышали у нас цены 1861 г.¹ Уже из этого ясно, что не всякое сокращение продукции можно трактовать, как кризис перепроизводства.

Иначе приходится расценивать сокращение и застой производства в ряде отраслей после 1866 г. С 1864 по 1866 г. в России наблюдался заметный подъем промышленности как по числу рабочих, так и по сумме производства. Но уже в конце 1866 г. конъюнктура резко меняется. Цены на хлопок, хлопковую пряжу и ткани, стремительно взлетевшие в предшествующий период кверху, столь же стремительно падают. Так, например, бумажная пряжа (уток № 38—40), доходившая в Москве в 1864 г. до 46 руб. в кредитных деньгах, или 35 р. 50 к. золотом за пуд, в 1867 г. расценивалась уже в 17 р. 28 к., а в 1868 г.—16 р. 54 к.

В связи с низкими урожаями 1864 и 1865 гг. снижаются и денежные ресурсы деревни. Всего заметнее это сказывается уже в 1865 г. снижением поступлений в доход казны всех косвенных налогов и пошлин, включая и такой крупнейший козырь фиска, как питейный доход. В 1864 г. эти налоги дали фиску 191,2 млн. руб., в 1865 г.—188,8 млн. и в 1866 г.—181,7 млн. руб. В городах, в особенности в крупнейших столичных центрах, за те же годы можно отметить не менее показательный отлив вкладов из сберегательных касс. Так, например, по Москве и Петербургу вклады в сберегательные кассы составляли: в 1865 г.—1 006 тыс. руб., в 1866 г.—852 тыс. и в 1867 г.—790 тыс. руб., а истребовано за те же годы из касс соответственно 1 691 тыс. руб., 896 тыс. и 817 тыс. руб., т. е. истребовано в общем при ежегодном снижении вкладов на 28,6% больше, чем вложено.

Влияние мирового кризиса 1866 г. привело к снижению вексельного курса петербургской биржи на Лондон за рубль серебром с 32⁷/₈ пенса 12/III 1865 г. до 25³/₄ пенса к 14/VI 1866 г., т. е. почти на 22%². Внутренние затруднения на денежном рынке вынуждают даже Государственный банк поднять учетный процент за время с 18/VI 1866 г. по 16/VI 1867 г. с 5 до 8, причем на этом уровне учетная ставка держится свыше 9 месяцев—до 28/III 1868 г.—и спускается вновь до 5% лишь в феврале 1869 г. К тому же периоду относятся и возрастающие затруднения в товарообороте с минимумом в 1868 г.³ Привоз на Нижегородскую ярмарку достигал в 1867 г. 128 млн., а в 1868 г.—126 млн. руб. Общий оборот внешней торговли за 1867 г. равнялся 510 млн. руб., в 1868 г.—487 млн. руб.

Обратимся, наконец, к общим итогам движения обрабатывающей промышленности в 50 губерниях Европейской России. Мы располагаем такими цифрами по 34 производствам⁴ (см. табл. на стр. 143).

Как видим, несмотря на некоторое увеличение числа учтенных здесь за 1867 г. заведений и рабочих, продукция их определенно падает за этот год. Еще заметнее это падение не только по сумме производства, но и по числу рабочих, уже начиная с 1866 г., но с минимумом в 1867 г., в более полной сводке—по всем учтен-

¹ Пряжа (уток № 38—40) в 1861 г. стоила 10 р. 50 к., а в 1864 г.—32 р. 40 к., 35 р. 50 к. золотом за пуд.

² «Ежегодник министерства финансов» на 1869 г., СПб 1869, вып. I, отд. I, 28—29; II, 110—131, 162 и сл.

³ «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. I, стр. 513—516.

⁴ Ленин, Соч., т. III, стр. 471.

Г о д ы	Заведения	Рабочие (в тыс.)	Продукция (в млн. руб.)
1864	5 782	272	201
1865	6 175	290	211
1866	5 775	311	239
1867	6 934	314	236
1868	7 091	329	249
1869	7 325	341	283
1870	7 691	354	314

ным производствам, приведенной у В. И. Ленина¹. Но, к сожалению, итоги этой более полной сводки менее сравнимы между собой. Не дается у В. И. Ленина также расчленения итогов по отраслям. Поэтому, в целях более детального отраслевого анализа, приведем здесь еще одну таблицу по важнейшим производствам, охватывающую более узкий круг производств, но дающую достаточно сравнимые итоги за целое десятилетие (см. табл. 3).

Таблица 3

Продукция важнейших производств России за 1860—1870 гг.
(без Польши и Финляндии)

Годы	В млн. рублей								В млн. пуд.					
	Химическое и кра- сочное	Машиностроительное и литейное	Стекло-фарфор	Бумагопрядильное, ткацкое	Ситцевобивное, кра- сильное и отделочное	Шелковое и ленточное	Обработка кожи	Обработка бумаги	Полотняное и льно- прядильное	Суконное и камвольное	И т о г о	Чугун (по империи)	Каменный уголь (донецкий)	Сахар-песок
1860	4,1	13,1	5,0	48,0	23,6	7,1	16,6	6,4	6,1	35,4	165,4	20,5	6,0	4,0
1861	4,9	12,8	5,1	49,8	29,3	7,7	19,0	6,3	7,7	32,6	175,2	19,5	10,2	2,6
1862	3,5	13,0	4,6	44,9	24,5	6,6	18,1	6,3	7,1	32,9	161,5	15,3	7,1	1,9
1863	3,1	18,2	5,0	38,7	21,4	4,7	18,2	6,1	6,2	33,3	155,0	17,0	6,4	2,9
1864	2,5	20,9	5,4	52,4	23,5	3,7	17,8	5,3	7,9	42,0	181,4	18,3	7,0	3,9
1865	2,8	14,6	4,9	61,8	24,6	4,4	18,4	5,2	8,4	45,6	190,7	18,3	9,8	3,0
1866	3,9	14,5	4,8	80,2	32,8	4,7	18,6	5,5	9,6	45,6	220,2	18,6	13,8	5,7
1867	4,6	14,6	4,7	72,6	32,1	4,4	16,1	(5,3)²	10,4	51,2	216,0	17,6	9,3	6,3
1868	6,3	17,8	4,8	70,8	39,0	6,3	16,9	7,0	10,3	48,8	228,0	19,8	7,9	4,1
1869	6,4	19,2	5,5	89,3	39,4	6,9	20,7	7,4	(9,4)	52,5	256,7	20,1	13,4	5,0
1870	6,1	23,5	6,8	96,5	40,1	7,4	25,0	8,0	(11,0)	54,3	283,7	21,9	15,7	6,3

С завершением крестьянской реформы, начиная с 1863 г. по 1866 г., общий прирост продукции по десяти отраслям достиг за 3 года 42%. Правда, в некоторых отраслях, например в производстве чугуна, бумага и шелковых изделий, вызванный крестьянской реформой глубокий застой продолжался все десятилетие. Но тем показательнее бурное оживление в остальных отраслях. Очевидно, для них и хлопковый голод, и перестройка, связанная с реформой, были к этому времени уже в прошлом. И все же, в связи с мировым

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 471.

² В скобках показаны итоги приблизительные, в которых пробелы отчетности восполнены по данным предшествующих лет.

кризисом 1866—1867 гг., мы наблюдаем в 1867 г. новое общее падение продукции с последующим застоём. При среднем годовом приросте за десятилетие в 6—7%, мы видим за 1867 г. прямое падение на 2% и такой подъем в 1868 г., который дает всего 4% прироста к уровню 1866 г. Говоря иначе, за 2 года темпы прироста снизились минимум на 10%.

Еще резче сказалось влияние мирового кризиса на отдельных отраслях российской промышленности. Уже в год начальной даты этого кризиса в США, т. е. в 1865 г., мы можем отметить и в России заметное падение продукции в бумажном и стекольном производстве, в сахароварении — на 23% и в машиностроении — до 30%. В 1866 г. продолжается падение продукции машиностроения и стекольно-фарфорового производства, намечается остановка суконной промышленности, а в 1867 г. мы вновь наблюдаем падение продукции, уже в восьми отраслях из тринадцати, приведенных в нашей таблице. В 1868 г. кризис еще продолжается в бумагопрядении и каменноугольной добыче, падает вновь продукция суконной, полотняной и свеклосахарной промышленности, в 1869 г. происходит падение льнопрядильного производства. В общем за вторую половину 60-х годов то или иное сокращение продукции претерпели решительно все из перечисленных в таблице производств, в том числе свеклосахарное производство — на 35% и добыча каменного угля — свыше 42%.

Нужно отметить, что на Западе такой глубины падения продукции за время мирового кризиса 60-х годов ни в одной из отраслей промышленности не отмечалось¹. В России кризис 1866—1867 гг. был, повидимому, в указанном отношении глубже, чем в США, Англии, Германии и Франции. А между тем в нашей экономической литературе этого кризиса до сих пор никто даже не заметил.

В приведенном кратком обзоре кризисов 1847, 1857 и 1867 гг. в России мы далеко не исчерпали всего материала, характеризующего экономику этой интереснейшей эпохи ликвидации крепостного строя России. Нам далеко еще не ясна роль указанных циклических промышленных кризисов в ускорении и завершении основного кризиса всего дореформенного хозяйственного уклада. Но уже теперь несомненно, что роль их в этом отношении была не мала. Ведь каждый из этих кризисов давал новый огромный импульс к механизации труда. И если в 1845 г. годовой привоз и внутреннее производство давали стране машин всего на 1,25 млн. руб., то уже после первого кризиса эта сумма возросла в 1850 г. до 2,5 млн., после второго — к 1860 г. — она поднялась до 16,5 млн. руб. — в 6,6 раза за одно десятилетие, а после третьего — к 1870 г. — до 65 млн. руб., т. е. еще почти в 4 раза, а всего за 25 лет — в 52 раза. К началу 1861 г. в России было уже внедрено машин на сумму свыше 100 млн. руб., а к концу 1870 г. — не менее чем на 350 млн. руб. Правда, по современным, советским масштабам эти суммы ничтожны, но по тогдашним масштабам индустриализации они означали огромный сдвиг на пути от мануфактуры к фабрике. Во всяком случае подобных темпов механизации уже не знавала последующая история капиталистического развития России.

¹ См. «Мировые экономические кризисы 1848—1935 гг.», т. I, стр. 66—77, где в США отмечается падение продукции отдельных отраслей до 18%, в Германии — до 12%, в Англии — до 8% и во Франции — до 3—4%.

О черновых материалах к первому тому «Капитала» Маркса

В «Капитале» Маркса содержится все основное, что дал марксизм до Ленина и Сталина. «Капитал» — результат гениального применения материалистической диалектики. Ленин писал о «Капитале», что это — «...величайшее политико-экономическое произведение нашего века...»¹, «...главное и основное сочинение, излагающее научный социализм...»².

Вот почему приобретают огромный интерес все работы Маркса, связанные с «Капиталом», в частности мало известные его предварительные наброски. В них содержатся материалы, способствующие более углубленному изучению экономического учения Маркса. Рукописное наследство Маркса вводит нас в творческую лабораторию гигантской работы, проделанной автором «Капитала». Во II (VII) томе «Архива Маркса и Энгельса» напечатана часть рукописи «Капитала» 1863—1865 гг., связанная с содержанием VI главы I тома. К анализу этих черновых набросков мы и перейдем.

* * *

В рассматриваемом нами черновом эскизе «Капитала» Маркс характеризует капиталистический хозяйственный режим как производство прибавочной стоимости. Маркс рассматривает прибавочную стоимость как определяющую цель, движущий мотив и конечный результат капиталистического производства, как краеугольный камень своей экономической системы. Без производства прибавочной стоимости нет капитализма, нет капитала и нет капиталистов.

В черновом наброске «Капитала», о котором здесь идет речь, даны не только общая характеристика капиталистического способа производства и анализ его глубинных противоречий, но и чрезвычайно важные высказывания, посвященные генезису этой общественно-экономической формации. Эти высказывания дополняют материал, приведенный по данному вопросу в «Капитале».

Возникновение специфически капиталистического способа производства Маркс относит к XVI в., когда были благоприятные исторические условия для расширения масштаба цехового способа производства, что и создало реальный базис для капитализма. В связи с ростом спроса на товары со стороны торгового капитала и быстрым расширением торговли вообще «...цеховое производство, вышедшее из своих границ, должно было формально превратиться в капиталистическое производство»³.

¹ Ленин, Соч., т. I, стр. 414.

² Там же, стр. 98.

³ «Архив Маркса и Энгельса», Партиздат, 1933, т. II (VII), стр. 113.

Маркс пишет о «введении» капиталистического способа производства в результате потери простыми товаропроизводителями прежней самостоятельности в процессе производства.

О торговом капитале, дающем заказы ряду непосредственных производителей, зачастую авансирующем сырье, деньги и т. д., Маркс пишет: «Именно из этой формы частично развилось современное капиталистическое отношение, и она все еще кое-где составляет переход к собственно капиталистическому отношению»¹.

Возникновение капитализма связано или с тем обстоятельством, что купец становится промышленным капиталистом, или с тем, что на основе формального подчинения труда капиталу развивается промышленный капитал.

Маркс в черновых материалах к I тому «Капитала» дает ряд глубоких замечаний по вопросу о соотношении простого товарного и капиталистического хозяйства.

Товарное производство — исходный пункт образования капиталистического способа производства. Однако товарное производство имеет место в различных общественно-экономических формациях. Превращение в товарного производства в капиталистическое предполагает, что «категория товарной торговли» овладевает и рабочей силой. Как только рабочая сила становится товаром, «производство во всем своем объеме, во всей своей глубине и широте становится товарным производством, весь продукт превращается в товар, и вещные условия каждой отдельной сферы производства сами вступают в нее как товар»².

При капитализме наиболее глубоко осуществляются законы товарного производства; закон стоимости реализуется в форме денежного обращения. Однако капиталист и его идеолог склонны смешивать капиталистическое производство с товарным, капиталистическую частную собственность, покоящуюся на присвоении чужого труда, с частной собственностью простого товаропроизводителя, основанной на его собственном труде. Маркс с исключительной глубиной и блеском развенчивает эту своеобразную форму буржуазной апологетики, имеющую своих сторонников в лагере буржуазных экономистов и в наши дни. Маркс пишет, что хотя капиталистический способ производства развивается по мере экспроприации непосредственных производителей, являющихся собственниками средств производства, тем не менее капиталист и его идеолог имеют обыкновение изображать всякое посягательство на капиталистическую форму присвоения «как посягательство на эту заработанную собственность, вообще на всякую собственность»³.

Будучи общественно-экономической формацией, насыщенной глубочайшими противоречиями, капитализм в то же время является необходимым этапом исторического развития. По Марксу, историческая роль капитализма заключается в том, «...чтобы насильственно добиться за счет большинства создания богатства, как такового, т. е. создания неограниченных производительных сил общественного труда, которые одни могут образовать материальный базис свободного человеческого общества»⁴.

На определенном этапе развития капиталистического способа производства происходит пролетарская революция. Пролетариат, великий класс — Прометей, начинает строить новое, бесклассовое общество.

¹ «Архив Маркса и Энгельса», Партиздат, 1933, т. II (VII), стр. 97.

² Там же, стр. 183.

³ Там же, стр. 265.

⁴ Там же, стр. 35.

В изложенной нами общей характеристике капитализма следует особо выделить взгляд на прибавочную стоимость как на центральную проблему экономической системы Маркса. Обращает на себя внимание также постановка вопроса о соотношении товарного производства и капиталистического. Как известно, ревизионисты всех мастей, враги марксизма, пытались и пытаются выбросить за борт политической экономии категорию прибавочной стоимости путем превращения ее в фантом, в призрак, лишенный всякой реальности, в форму мышления экономиста-исследователя, желающего осознать мир хозяйственных явлений. Поэтому высказывания Маркса о прибавочной стоимости в черновом наброске «Капитала» весьма актуальны. Весь ход рассуждений Маркса является обоснованием тезиса, что производство прибавочной стоимости — закон движения капитализма. В одном месте рассматриваемого нами чернового варианта «Капитала» Маркс прямо говорит, что «...закон капиталистического производства — создание прибавочной стоимости...»¹. Этот тезис мы встречаем и в «Капитале» и в работах Энгельса. В I томе «Капитала» Маркс, подчеркивая в качестве главной и специфической особенности капиталистического производства наличие рабочей силы как товара, говорит: «Производство прибавочной стоимости или обогащение — таков абсолютный закон этого способа производства»². По Энгельсу, «...вся книга Маркса вертится вокруг прибавочной стоимости...»³. Ленин также неоднократно указывал на исключительную роль категории прибавочной стоимости.

Высказывания Маркса в рассматриваемом черновом эскизе о соотношении простого товарного производства и капиталистического были развиты в трех томах «Капитала», ибо по существу темой «Капитала» и является анализ превращения товарного производства в капиталистическое. По Марксу, Ленину и Сталину товарное производство — не фикция, не априорная схема исследователя, но объективный факт. Классики марксизма-ленинизма рассматривают товарное производство как способ производства, существующий в недрах различных общественно-экономических формаций, а капитализм они считают развитым товарным производством и в то же время качественно от него отличным.

* * *

В предварительных материалах к VI главе I тома «Капитала» Маркс проводит очень важное различие между товаром как исходным пунктом капитала и товаром как продуктом капитала. Это положение нашло свое отражение во II и III томах «Капитала».

Товар — исходный пункт возникновения капитала. Товар сам по себе не есть капитал, — производство товаров имеет место и в докапиталистических общественно-экономических формациях, хотя там продукты лишь частично принимают форму товаров. Но, с другой стороны, товар при капиталистическом способе производства выступает как продукт капитала. Только на основе капиталистического производства товар становится всеобщей элементарной формой богатства, всеобщей необходимой общественной формой продукта. Всеобщность товарной формы продукта при капитализме тесно связана со специфической формой разделения труда, присущей этому способу производства; «...т о в а р как необходимая форма продукта, и поэтому отчуждение продукта как необходимая форма его присвоения, предполагает вполне развитое разделение обще-

¹ Там же, стр. 163.

² Маркс, Капитал, Партиздат, 1935, т. I, стр. 490.

³ Энгельс, Анти-Дюринг, Гиз, 1928, стр. 197.

ственного труда, между тем как, с другой стороны, только на основе капиталистического производства, следовательно также капиталистического разделения труда внутри мастерской, весь продукт неизбежно принимает форму товара, и все производители поэтому неизбежно суть производители товаров. Поэтому только при капиталистическом производстве потребительная стоимость целиком опосредствуется меновой стоимостью»¹.

Товар как всеобщая необходимая форма продукта наглядно проявляется в постоянно увеличивающемся разнообразии сфер производства, причем для возобновления и непрерывности производственного процесса этот массовый продукт должен быть реализован как меновая стоимость, должен пройти товарный метаморфоз. Товар как продукт капитала отличен от товара как элемента предпосылки капиталистического производства. В товаре как продукте капитала всегда овеществлен оплаченный и неоплаченный труд.

В рассматриваемой рукописи мы встречаем ряд замечаний по вопросу о двойственном характере труда товаропроизводителя. Маркс в «Капитале» говорит о единстве конкретного и абстрактного труда, а в предварительных материалах — о единстве конкретного и общественно-необходимого труда. Мы здесь ни разу не встречаем термина «абстрактный труд». Зато мы находим наряду с категорией «общественно-необходимый труд» категории: «общественный средний труд», «всеобщий общественный труд», а иногда и «общественно-необходимый всеобщий труд». Маркс в черновых набросках писал, что труд, создающий стоимость, «...есть безразличный, общественно-необходимый всеобщий труд, совершенно равнодушный ко всякому особому содержанию, почему он и получает в своем самостоятельном выражении, в деньгах, в цене товара, общее всем товарам и различающееся только по количеству выражение»².

Таким образом, Маркс в данной рукописи трактует общественно-необходимый труд как количественное определение среднего общественного труда. Отсюда можно сделать вывод, что упоминаемые в данной работе категории — «общественный средний труд» и «всеобщий общественный труд» — соответствуют категории абстрактного труда, которую мы встречаем в «Капитале», или категории абстрактного всеобщего труда, упоминаемой в «К критике политической экономии». Имеющаяся в данной рукописи гамма категорий вводит нас в творческую лабораторию автора «Капитала», в процесс формирования Марксом своей экономической теории.

* * *

Большой интерес представляют замечания в данной рукописи об основном производственном отношении капиталистического способа производства — между капиталистом и рабочим. Превращение денег в капитал распадается на два самостоятельных, отдельно существующих процесса. Первый процесс происходит в сфере обращения, он совершается на товарном рынке, представляя собой акт купли и продажи рабочей силы. Второй процесс — потребление средств производства и рабочей силы — самый процесс производства. В процессе обращения капиталист и рабочий противостоят друг другу в качестве товаровладельцев, и между ними существует лишь денежное отношение. Однако, хотя капиталист и рабочий противостоят на рынке как покупатель — владелец денег и продавец — владелец товара, это отношение, отмечает Маркс, благодаря специфическому содержанию их

¹ «Архив Маркса и Энгельса», Партиздат, 1933, т. II (VII), стр. 183—185.

² Там же, стр. 39—41.

торговой сделки, с самого начала своеобразно окрашено. Покупателю, т. е. капиталисту, который является олицетворением, персонализацией овеществленного, мертвого, прошлого труда, противостоит рабочий — носитель живого труда. Это отношение между капиталистом и рабочим есть результат отделения средств производства от рабочей силы.

Содержанием акта купли и продажи рабочей силы является неэквивалентный обмен, обмен меньшего количества овеществленного труда на большее количество живого труда. Хотя в акте купли и продажи рабочей силы, согласно закону стоимости, происходит эквивалентный обмен равновеликих количеств труда, но этот акт, происходящий в сфере обращения, является введением в процесс производства, в результате которого капиталист получает больше живого труда в сравнении с овеществленным трудом. Буржуазные экономисты, отмечает Маркс, пытаются доказать, что между капиталистом и рабочим существует отношение как между равноправными товаровладельцами. Для обоснования этого тезиса процесс обращения рассматривается изолированно от процесса производства. Маркс пишет: «...для доказательства того, что отношение между капиталистом и рабочим есть не что иное, как отношение между товаровладельцами, которые обмениваются друг с другом деньгами и товаром, к обоюдной выгоде и по свободному договору, достаточно изолировать первый процесс (т. е. процесс обращения. — *А. Р.*) и остановиться на его формальном характере. Этот простой фокус — отнюдь не колдовство, и именно он образует весь запас мудрости вульгарной экономии»¹. Не в бровь, а в глаз социал-демократическим теоретикам, которые, базируясь на ложно понимаемом формальном равенстве между капиталистами и рабочими, отрицают в прямой или завуалированной форме факт эксплуатации рабочего предпринимателем.

В рассматриваемых черновых материалах Маркс подчеркивает положение, встречающееся в ряде его работ, что в процессе производства, в живом сочетании вещных средств производства и целесообразно проявляемой рабочей силы ведущая роль принадлежит последней. Маркс пишет: «Существеннейший фактор процесса труда, это — сам рабочий, а в процессе производства в древности этот рабочий — раб. Отсюда столь же мало следует, что рабочий — раб от природы, — хотя Аристотель не совсем далек от последнего мнения...»². Но капиталистическое производство есть не только процесс труда, а процесс увеличения стоимости. Если в обращении капиталист и рабочий противостоят друг другу как товаровладельцы, то в производстве «...они противостоят друг другу как олицетворенные функционеры факторов этого процесса, капиталист как «капитал», а непосредственный производитель как «труд», и их отношение определяется тем, что труд [стал] простым фактором самовозрастающего капитала»³. И если в процессе труда рабочий применяет средства производства, то на основе процесса увеличения стоимости, на основе капиталистического производства вещные условия труда служат средством поглощения и выжимания прибавочного труда, средством эксплуатации. Господство капиталиста над рабочим — это господство ставших самостоятельными по отношению к нему условий труда, это господство вещи над человеком, мертвого труда — над живым, продукта — над производителем.

В тесной связи с господством вещей над людьми, капитала — над

¹ Там же, стр. 57.

² Там же, стр. 47—49.

³ Там же, стр. 91.

трудом находится и отношение рабочего к самому процессу труда как к таковому. Наемный рабочий равнодушен к содержанию своего труда и готов переменить работу, если другая сулит ему более высокий уровень заработной платы. Маркс писал: «Перемена вида труда интересует его (рабочего.— А. Р.) только потому, что каждый особый вид труда требует иного развития способности к труду. Если его равнодушие к особому содержанию труда не делает его способным изменять по команде свою способность к труду, он выказывает это равнодушие тем, что бросает своих заместителей, подрастающее поколение, смотря по требованию рынка, то в одну отрасль производства, то в другую»¹.

Труд для рабочего в условиях капитализма это — проклятие. Но все же условия капиталистического производства, в отличие от предшествовавших ему общественно-экономических формаций, создают предпосылки для духовного роста рабочего. Самый механизм производства является превосходной школой, где рабочий благодаря росту его классового самосознания готовится к своей высокой исторической роли — могильщика капитализма и строителя коммунизма.

Маркс посвящает ряд страниц процессу духовного роста пролетариата, подготовке рабочего класса к выполнению им своей исторической миссии. Эти страницы представляют исключительный интерес и вносят ряд новых моментов. Маркс указывает, что в сравнении с трудом самостоятельного ремесленника, который производит на безличный рынок, непрерывность труда наемного рабочего увеличивается. По сравнению с трудом раба труд рабочего гораздо интенсивнее, а следовательно, и производительнее, ибо пролетарий работает, побуждаемый не страхом, как раб, а необходимостью удовлетворять свои потребности.

Маркс пишет: «Сознание (или, вернее, иллюзия) свободного самоопределения, свободы, и связанное с этим чувство (сознание) ответственности делает свободного рабочего гораздо лучшим работником, чем раба; ибо он, подобно каждому продавцу товаров, ответствен за товар, который он поставяет и который должен обладать определенным качеством, чтобы рабочий не был вытеснен с рынка другими продавцами товаров того же рода»². Рабочий, в отличие от раба, к которому средства существования притекают в натуральной форме, получает заработную плату и может распоряжаться ею как свободный человек. Благодаря этому он «учится владеть самим собою в противоположность рабу, которому нужен хозяин»³, отдельные рабочие получают возможность при помощи энергии, таланта подняться в высшие сферы труда. «Все эти изменившиеся отношения,— полагает Маркс,— делают деятельность свободного рабочего интенсивнее, непрерывнее, подвижнее и искуснее, чем деятельность раба, не говоря о том, что они делают его самого способным к совершению другой исторической роли»⁴.

Но рабочий стоит не только выше чем ремесленник и раб, но и чем капиталист. Маркс пишет: «Рабочий здесь с самого начала стоит выше, чем капиталист, постольку, поскольку последний уходит корнями в этот процесс отчуждения и находит в нем абсолютное удовлетворение, между тем как рабочий в качестве его жертвы с самого начала восстает против него и воспринимает его как процесс порабощения»⁵.

¹ Там же, стр. 79.

² Там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 117.

⁴ Там же, стр. 115.

⁵ Там же, стр. 35.

Итак, несмотря на то, что пролетариат поработен капиталом, подвергается физической деградации, рабочий выше капиталиста, ибо он несет на своем знамени новый строй общественных отношений.

Цикл идей, посвященных отношению между капиталистом и рабочим, исключительно интересен остротой и чеканностью постановки проблем, сохранивших всю свою актуальность, всю злободневность и в наши дни.

* * *

Перейдем к анализу высказываний Маркса в черновом фрагменте «Капитала», посвященных категории капитала. Наибольший интерес представляет положение Маркса о двойственной природе капитала. Это положение в черновом фрагменте развито более подробно, нежели в «Капитале». По Марксу, капитал является более конкретной категорией, чем товар и деньги. Подобно товару, капитал является единством потребительной стоимости и стоимости.

«Если же мы рассмотрим образ капитала,— пишет Маркс,— внутри непосредственного процесса производства, то он, как и простой товар, имеет двойственный образ потребительной стоимости и меновой стоимости. Но в обе формы входят дальнейшие определения, которые отличны от определений простых, самостоятельно рассматриваемых товаров, далее развитые определенности»¹.

Маркс сопоставляет потребительную стоимость капитала с потребительной стоимостью товара. При анализе потребительной стоимости товара следует исходить из предпосылки, что тот или иной предмет должен удовлетворять какой-либо определенной потребности, должен представлять собой общественную потребительную стоимость. Но «...ее особое содержание, ее дальнейшая определенность... совершенно безразличны для определения понятия товара»². Иначе обстоит дело с потребительной стоимостью капитала, с потребительной стоимостью товаров, функционирующих в процессе производства. Средства производства приобретают ряд новых определений, распадаясь на предмет труда, средства труда, сырой материал, вспомогательный материал и т. д. В непосредственном процессе труда происходит дальнейшая конкретизация определений потребительной стоимости капитала, которая выступает, с одной стороны, в форме средств производства (объективные условия производства), а с другой — в форме целесообразно проявляемой рабочей силы, живой способности к труду (субъективное условие производства).

В отношении стоимости Маркс также констатирует различие между товаром и капиталом. Прежде всего стоимость капитала, вступающего в процесс производства, меньше авансированной или брошенной на рынок капитальной стоимости, ибо в процесс производства входит лишь стоимость постоянного капитала.

Далее. Сохранение стоимости постоянного капитала требует, чтобы на средства производства был затрачен лишь общественно-необходимый труд, чтобы они применялись производительно, без расточительства, чтобы в результате целесообразной деятельности потребительная стоимость обладала достаточной добротностью. Наконец, не должна нарушаться непрерывность производственного процесса — производство продукта должно быть строго ограничено сроками, определяемыми объективными условиями процесса труда. Что касается стоимости переменного капитала, то она должна быть сохра-

¹ Там же, стр. 13.

² Там же.

нена путем ее воспроизводства, т. е. присоединения к средствам производства труда, эквивалентного заработной плате. Должна быть создана прибавочная стоимость (приращение к стоимости переменного капитала), овеществленная в добавочном количестве труда.

Капитал как стоимость представляет собой не вещь, а специфически определенное общественное отношение производства. Специфической функцией капитала является производство прибавочной стоимости, присвоение неоплаченного труда, который представляется, овеществляется как прибавочная стоимость. Об этом в черновом эскизе «Капитала» мы читаем неоднократно. Маркс пишет: «Капитал — не вещь, равно как и деньги — не вещь. В капитале, как и в деньгах, определенные общественные производственные отношения людей представляются отношениями вещей к людям, или определенные общественные отношения выступают как общественные природные свойства вещей»¹.

Средства производства в условиях капиталистического хозяйственного режима являются средствами всасывания труда, средствами создания и увеличения стоимости, командования живым трудом и его эксплуатации. «Капитал применяет рабочего, а не рабочий применяет капитал, и лишь вещи, которые применяют рабочего, которые поэтому в лице капиталиста обладают самостью, собственным сознанием и собственной волей, суть капитал»².

Условия труда выступают как социальные силы, направленные против рабочего. Наука, реализованная в машинах, вообще все основанное на общественном труде применение науки, сил природы выступает как средство эксплуатации рабочего, его угнетения и порабощения.

В черновом эскизе «Капитала» Маркс уделяет большое внимание апологетике буржуазных экономистов, которые считают, что вещные условия труда от природы являются капиталом. Определенное овеществленное производственное отношение буржуазные экономисты принимают за естественное свойство вещей, а способность средств производства командовать живым трудом и его эксплуатировать объясняют свойствами этих вещей как потребительных стоимостей. Основной методологической ошибкой в буржуазных теориях капитала Маркс считал смешение вещественных определений капитала с общественными, смешение потребительной стоимости со стоимостью.

Маркс развенчивает буржуазные теории производительности капитала, которые, наделяя капитал мистическими свойствами самовозрастания стоимости, превращают его в автоматически действующий фетиш. По Марксу, «...капитал производителен,

1) как принуждение к прибавочному труду...

2) как персонификация и представитель — овеществленный образ «общественных производительных сил труда» или производительных сил общественного труда»³. Таким образом, буржуазной апологетической теории производительности капитала, в основе которой лежит грубое, фетишистское смешение вещных элементов и классового производственного отношения, Маркс противопоставляет определение производительности капитала, которое предполагает взгляд на него как на производственное отношение, опосредствованное через вещи и представляющееся как вещь.

В «Капитале» Маркс рассматривает капитал, подобно товару, как

¹ Там же, стр. 63.

² Там же, стр. 69.

³ Там же, стр. 163.

единство потребительной стоимости и стоимости, подчеркивая их взаимную обусловленность и в то же время их различие, несоизмеримость. Однако ни в одной работе Маркса мы не встречаем такого развернутого определения капитала как единства потребительной стоимости и стоимости и такой конкретизации этих категорий, какую мы имеем в рукописном фрагменте «Капитала». Анализируемый нами рукописный фрагмент должен сыграть такую же роль в более углубленном понимании категории капитала, какая в свое время выпала на долю «Замечаний Маркса на книгу Адольфа Вагнера» в подлинно правильном понимании категории товара, в частности его потребительной стоимости.

* * *

Большой материал посвящен в рассматриваемой нами рукописи проблеме формального и реального подчинения труда капиталу. Этот вопрос в черновом фрагменте освещен более подробно, нежели в I томе «Капитала». Формальное и реальное подчинение труда капиталу отражают, по Марксу, различные этапы развития капиталистического способа производства. При формальном подчинении труда капиталу способ производства, как мы видим дальше, не претерпевает существенных изменений. Прибавочная стоимость производится здесь в результате увеличения прибавочного труда.

Маркс считает, что «...производство абсолютной прибавочной стоимости может рассматриваться как материальное выражение формального подчинения труда капиталу...»¹.

При формальном подчинении труда капиталу происходит ряд изменений в производственном процессе, которые отнюдь его не революционизируют. Растет интенсивность труда и увеличивается экономия в применении условий труда, ибо исчезает зависимость производителей от отдельных заказчиков, и капиталист выступает в роли их постоянного казначея. Заинтересованный в увеличении создаваемой прибавочной стоимости, капиталист удлиняет рабочий день, он следит за тем, чтобы в продукте было материализовано лишь общественно-необходимое рабочее время.

Формальное подчинение труда капиталу может возникнуть в ряде случаев, например, когда независимый крестьянин становится сельскохозяйственным рабочим, когда иерархические расчленения цеха уступают место противоположности между капиталом и наемным трудом, когда рабовладелец использует своих рабов как наемных рабочих и т. д.

Труд, формально подчиненный капиталу, отличается от старых традиционных способов производства, на основе которых он возникает, своим масштабом, объемом авансированных средств производства и количеством применяемой рабочей силы. В качестве примера Маркс указывает на возникновение капитала на базисе цехового способа производства. То, что при ремесле является максимумом (число подмастерьев), для капиталистического отношения едва может составлять минимум.

Своеобразие формального подчинения труда капиталу Маркс выясняет на фоне сравнения с эпохами, когда капитал существовал еще в своих ранних, «допотопных» формах — в формах ростовщического и торгового капитала. Эти формы при капитализме воспроизводятся как побочные и переходные формы. Ростовщический капитал, авансирующий непосредственным производителям, как, например, в Индии, сырье, инструмент или деньги, выжимает из них чудовищные

¹ Там же, стр. 101.

проценты, которые представляют собой неоплаченный труд, прибавочный труд. Эта форма капитала не производит изменений в традиционном процессе производства.

«Ростовщический капитал,— пишет Маркс,— частично развивается вследствие разорения этого способа производства, частично он представляет собой способ разорить его и привести его к прозябанию в неблагоприятнейших условиях. Здесь еще не имеет места формальное подчинение труда капиталу»¹.

Говоря о формальном подчинении труда капиталу при торговом капитале, Маркс указывает, что здесь, в отличие от ростовщического капитала, имеются «элементы перехода». Это объясняется тем, что из формы торгового капитала «...частично развилось современное капиталистическое отношение, и она все еще кое-где составляет переход к собственно капиталистическому отношению»². Таким образом, формальное подчинение труда капиталу возникает на основе и в недрах добуржуазных способов производства, при ростовщическом капитале оно еще не имеет места, а при торговом капитале уже существует в зачаточной форме.

Реальное подчинение труда капиталу возникает на базисе его формального подчинения, оно связано с развитием капиталистического способа производства, который и технологически преобразует процесс труда. «С одной стороны, капиталистический способ производства, который теперь складывается как способ производства особого рода, создает измененный образ материального производства. С другой стороны, это изменение материального образа составляет базис для развития капиталистического отношения, адекватный образ которого поэтому соответствует определенной степени развития производительных сил труда»³.

Материальным выражением реального подчинения труда капиталу является производство относительной прибавочной стоимости. Маркс писал: «Реальное подчинение труда капиталу развивается во всех тех формах, которые развивают относительную прибавочную стоимость в отличие от абсолютной»⁴. Реальное подчинение труда капиталу датирует собой эру революционных изменений технологических процессов производства. Благодаря применению машин развивается производство в крупных масштабах, происходит рост производительных сил общественного труда. С развитием реального подчинения труда капиталу происходит концентрация средств производства в руках капиталистов. Последние все более выступают собственниками средств производства в общественном масштабе, все больше становится тот минимум капитала, который необходим для ведения предприятия. В результате роста производительности труда, массы производимых товаров, увеличения массы избыточного населения вызываются к жизни новые отрасли хозяйства. Одновременно с возникновением новых отраслей хозяйства капиталистическое производство завоевывает те отрасли, где существует лишь формальное подчинение труда капиталу.

«Производство ради производства» — производство как самоцель — появляется, правда, уже при формальном подчинении труда капиталу... Однако эта имманентная капиталистическому отношению тенденция реализуется адекватным образом — и сама становится необходимым условием, также и технологически,— лишь тогда, когда развился

¹ Там же, стр. 97.

² Там же.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Там же.

специфически-капиталистический способ производства и вместе с ним реальное подчинение труда капиталу»¹.

Анализ формального и реального подчинения труда капиталу наглядно демонстрирует единство логического и исторического в «Капитале». Анализ абсолютной и относительной прибавочной стоимости отражает генезис капитализма в недрах предшествовавших ему формаций и стадии его развития. В то же время переход от формального подчинения труда капиталу к реальному подчинению — путь логический, путь изучения капитализма посредством перехода от абстрактного к конкретному, от простейших его форм — к более сложным.

Положения Маркса о формальном и реальном подчинении труда капиталу были применены и далее развиты Лениным для обоснования судеб капитализма в России, для обоснования неизбежной его гибели.

Учение Маркса о формальном и реальном подчинении труда капиталу, о том, что реальное подчинение труда отнюдь не исключает консервирования или даже появления формального подчинения труда капиталу, имеет крупное методологическое значение для понимания колониальной экономики и империалистической колониальной политики. В документах Коминтерна неоднократно указывается, что подчинение сельского хозяйства колоний интересам финансового капитала сопровождается развитием докапиталистических форм эксплуатации — закабалением крестьянского хозяйства торговым и ростовщическим капиталом, усилением налогового бремени и т. д.

* * *

Ряд страниц рассматриваемой рукописи посвящен проблеме производительного труда. Маркс в сжатом виде воспроизводит идеи, развитые им в I томе «Теорий прибавочной стоимости». Однако черновые наброски представляют самостоятельный научный интерес.

Исходя из той предпосылки, что целью капиталистического производства является прибавочная стоимость, Маркс считает производительным труд лишь тех рабочих, которые производят непосредственно прибавочную стоимость. По Марксу, производительный труд имеет специфическую потребительную стоимость, которая заключается отнюдь не в полезном его характере, а в способности создавать прибавочную стоимость.

Маркс развенчивает апологетические представления экономистов, связанные с их воззрениями на капитализм как на абсолютную, естественную форму производства. Они смешивают производительный труд с точки зрения капитала с производительным трудом вообще, утверждая, что производителен всякий труд, приносящий какой-либо эффект. Если с точки зрения просто процесса труда производительным представляется тот труд, который реализуется в продукте или в товаре, то с точки зрения капиталистического производства категория производительного труда конкретизируется. «Лишь тот рабочий производителен, процесс труда которого равен производительному процессу потребления способности к труду — носителя этого труда — капиталом или капиталистом»².

Всеобщие определения труда, относящиеся ко всем общественно-экономическим формациям, применимы и к капитализму. Поэтому производительным остается при капиталистическом хозяйственном

¹ Там же, стр. 125.

² Там же, стр. 129.

режиме тот труд, который овеществляется в товарах. Но так как товары являются здесь продуктом капитала, то производительный труд овеществляется в таких товарах, в которых (в известной их доле) овеществлен не оплаченный труд.

С развитием реального подчинения труда капиталу создается сложная иерархия рабочей силы, участвующей в производственном процессе, создается целая лестница рабочих физического и умственного труда, подчиненных процессу увеличения стоимости и непосредственно эксплуатируемых капиталом. Тем самым увеличивается объем производительного труда всех видов как физического, так и умственного. Поэтому Маркс считает производительной всю совокупную рабочую силу, участвующую в производстве той или иной товарной массы.

Но если всякий производительный рабочий является наемным рабочим, то отсюда отнюдь не следует, что всякий наемный рабочий принадлежит к категории производительных рабочих. Труд наемного рабочего, потребляющийся как потребительная стоимость, как услуга, а не как источник стоимости и прибавочной стоимости, является непроизводительным. В этом случае капиталист противопоставляет наемному рабочему не как представитель капитала, а как владелец дохода; деньги, на которые капиталист покупает услуги, функционируют лишь как средство обращения, но отнюдь не как капитал.

* * *

В рассматриваемой нами рукописи имеется ряд ярких формулировок по вопросу о всеобщем законе капиталистического накопления.

Устанавливая взаимоотношение между мертвым, прошлым трудом и живым трудом в условиях капитализма, Маркс отмечает, что не рабочий применяет средства производства, а средства производства применяют рабочего, что овеществленный труд сохраняется и увеличивается путем всасывания живого труда.

Говоря о труде, который во все расширяющемся масштабе производит условия труда, противостоящие ему как капитал, и о капитале, который во все увеличивающихся размерах производит производительных наемных рабочих, Маркс следующим образом формулирует процесс обнищания рабочего класса: «...в той же мере, в какой с капиталистическим способом производства развивается общественная производительная сила труда, растет противостоящее рабочему нагроможденное богатство как господствующее над ним богатство, как капитал, расширяется противостоящий ему мир богатства как чуждый ему, господствующий над ним мир и в противоположность этому в той же мере растет его собственная нищета, нужда и зависимость. Его обнищание и это изобилие соответствуют друг другу, идут нога в ногу. Вместе с тем увеличивается масса этих живых средств производства капитала, трудящийся пролетариат»¹.

Более того, Маркс дальше пишет, что возрастание капитала и рост пролетариата есть две связанные между собой, хотя и полярно разделенные, стороны одного и того же процесса. Это взаимоотношение «...воспроизводится при все более благоприятных условиях для одной стороны, для капиталистов, и все более неблагоприятных для другой — для наемных рабочих»².

¹ Там же, стр. 169—171.

² Там же, стр. 171.

Постановка в данном рукописном фрагменте вопроса о всеобщем законе капиталистического накопления предвосхищает его обоснование в «Капитале». Замечания Маркса об обнищании рабочего класса являются ценными дополнительными материалами по этой жгучей социально-политической проблеме.

* * *

В ряде разделов рассматриваемого нами чернового наброска «Капитала» имеется круг идей, которые были впоследствии развиты Марксом в «Капитале». Однако некоторые проблемы (например, вопросы о формальном и реальном подчинении труда капиталу, капитале как о единстве потребительной стоимости и стоимости и др.) освещены в данной черновой работе Маркса значительно более обстоятельно, чем в «Капитале». Изучение этой работы является необходимым условием для более глубокого усвоения экономических воззрений Маркса.

Опубликованная во II (VII) книге «Архива Маркса и Энгельса» черновая рукопись VI главы «Капитала» является крупнейшим вкладом в марксистско-ленинскую литературу.

А. КАРАБАЕВ

Кандидат экономических наук

Сельское хозяйство в период борьбы партии за социалистическую индустриализацию страны¹

Добившись на основе последовательного проведения новой экономической политики оживления сельского хозяйства, партия создала необходимые запасы сырья и продовольствия, которые позволили восстановить промышленность, пустить в ход существующие заводы и фабрики. XIV съезд партии, поставив задачу — превратить нашу страну из аграрной в индустриальную, четко сформулировал задачи и в отношении дальнейшего развития сельского хозяйства. В решении по отчету Центрального комитета партии съезд поручил ЦК руководствоваться в отношении сельского хозяйства следующими директивами: «поддерживать и толкать вперед развитие сельского хозяйства по линии повышения земледельческой культуры, развития технических культур, повышения техники земледелия (тракторизация), индустриализации сельского хозяйства, упорядочения дела землеустройства и всемерной поддержки разнообразных форм коллективизации сельского хозяйства»².

Развитие сельского хозяйства в период индустриализации страны имело свои особенности. Если промышленность уже в 1926 г. необходимо было развешивать на новой технической базе, то в сельском хозяйстве вопрос еще так не стоял. Во-первых, страна не располагала тогда необходимыми средствами для немедленного перевода сельского хозяйства на новую техническую базу. Во-вторых, сельское хозяйство могло известное время двигаться вперед на основе имеющейся технической базы при ее лучшем использовании. Товарищ Сталин в докладе на XIV съезде партии указывал: «Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе. Даже простое поднятие культурности крестьянина, грамотности, даже такое простое дело, как очистка семян, могли бы на 10—15% поднять валовую продукцию сельского хозяйства ...в сельском хозяйстве таится целый ряд внутренних потенциальных возможностей, далеко еще не использованных и подлежащих использованию в ближайшие годы»³. Одновременно товарищ Сталин ставил перед партией задачу — развернуть работу «...по линии включения распыленных крестьянских хозяйств в социалистическое строительство через массовое кооперирование и поднятие культурного уровня крестьянства»⁴.

¹ От редакции. Публикуемые в этом разделе материалы по истории советской экономики представляют собой отдельные главы из коллективной работы «Развитие советской экономики», подготовленной к печати Институтом экономики Академии наук СССР.

² «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Партиздат, 1936, ч. II, стр. 50.

³ Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б), Партиздат, 1933, стр. 38.

⁴ Там же, стр. 53.

В соответствии с этими указаниями товарища Сталина и решениями XIV съезда была усилена помощь крестьянскому хозяйству в форме кредита, были расширены агропомощь, отпуск семян, предоставлен ряд льгот бедняцкому и маломощному середняцкому хозяйству. Усилилось снабжение деревни машинами и более совершенным сельскохозяйственным инвентарем, в частности через организованные тогда прокатные пункты и т. д. В деревне была широко развернута культурно-просветительная работа, работа по ликвидации неграмотности. Одновременно широко проводились мероприятия, которые обеспечивали рост коллективных форм хозяйства, а именно: развитие кооперации всех видов, контрактации, поддержка существующих и создание новых колхозов, совхозов и т. д. В этот же период государство оказало широкую материальную помощь трудовому крестьянству районов, пострадавших от недорода 1924 г., отпустив в 1925/26 г. 373 млн. руб., а в 1926/27 г.—427 млн. руб. Кроме того, в 1925/26 г. была оказана специальная помощь деревенской бедноте в размере 38 млн. руб., а в 1926/27 г.—39 млн. руб. Налоговые льготы бедняцким хозяйствам в 1925/26 г. составили 44 млн. руб., в 1926/27 г.—52 млн. руб., а страховые льготы бедноте в 1925/26 и в 1926/27 гг.—по 9 млн. руб.¹ 35% крестьянских хозяйств (беднота) были совершенно освобождены от сельскохозяйственного налога, а положение среднего крестьянства значительно облегчено. В области налоговой политики проводилась твердая классовая линия: при полном освобождении от налога и снижении его для беднейших слоев и средних групп крестьянства вся тяжесть обложения была перенесена на зажиточно-кулацкую верхушку деревни.

Особенно широкие размеры приняла помощь государства сельскому хозяйству в форме кредита. Так, например, за один только 1927/28 г. в деревню было направлено, преимущественно через систему сельскохозяйственного кредита, свыше 700 млн. руб. государственных средств.

Проводимое в эти годы межселенное и внутриселенное землеустройство не только устраняло давившее крестьян дальnozемелье, но и сопровождалось в ряде мест переходом к более передовым методам земледелия (от трехполья к многополью). В деревне пропагандировались улучшенные способы обработки почвы, доступные широким крестьянским массам. Развивалось опытное дело.

С развитием индустриализации страны росло производство сельскохозяйственных машин, более совершенного сельскохозяйственного инвентаря и снабжение им деревни. В 1926/27 г. заводы сельскохозяйственного машиностроения выпустили сельскохозяйственных машин и орудий (по прейскурантным довоенным ценам) на 92,6 млн., а в 1927/28 г.—на 133,3 млн. руб. Это был, хотя и более совершенный инвентарь, но преимущественно на конной тяге, предназначенный еще для обслуживания нужд единоличного крестьянского хозяйства. Но уже начал внедряться в сельское хозяйство и трактор. К октябрю 1926 г. в стране было почти 20 тыс. тракторов, из которых подавляющее большинство были импортными (преимущественно «фордзоны»). К 1928 г. число тракторов составляло около 27 тыс., причем возросла доля машин отечественного производства. Тракторы находили применение главным образом в совхозах и в коллективных хозяйствах, но в ряде мест, вследствие извращений правильной классовой политики в снабжении деревни средствами производства, тракторы попадали и в руки кулацких хозяйств. В РСФСР тракторы в 1926 г. были распре-

¹ Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б), Партиздат, 1936, стр. 33.

делены следующим образом: в колхозах — 31,9%, в остальных кооперативных хозяйствах — 15,4, в совхозах — 26,8, в кредитных товариществах и земельных обществах — 17,1, в различных общественных организациях — 0,4, в различных госучреждениях — 6,0 и в индивидуальных (почти исключительно кулацких) хозяйствах — 2,4%¹.

Тракторная обработка сразу показала свои преимущества не только в отношении качества, но и в отношении стоимости работ: себестоимость обработки одной десятины трактором колебалась в пределах 5 р. 42 к. — 5 р. 95 к., тогда как стоимость обработки лошадьё в тех же районах колебалась в пределах 6 р. 50 к. — 9 р.²

Очень широкое развитие получила в эти годы кооперация, особенно потребительская. Последняя осуществляла связь между растущей промышленностью города и сельским хозяйством по линии товарооборота. На 1 октября 1927 г. в потребительской кооперации было объединено 38% крестьянских хозяйств³.

Быстро росла в этот период и сельскохозяйственная кредитная кооперация. В 1925 г. в кредитной кооперации насчитывалось свыше 3 млн. членов. К началу 1928 г. в ней уже состояло свыше 6 млн. членов. Начиная с 1926 г. получают большое развитие все другие виды сельскохозяйственной кооперации: снабженческо-сбытовые и простейшие производственные объединения. Так, число специальных кооперативов по сбыту и снабжению за время с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1927 г. увеличилось с 5 660 до 9 231, причем особенно сильно выросло количество молочных кооперативов (с 4 672 до 5 705), пчеловодческих (с 191 до 586), плодоовощных (с 412 до 1 068) и свекловодческих (с 218 до 1 383). Количество членов этих кооперативов за то же время увеличилось с 912,2 тыс. до 1 621,5 тыс., или на 77,8%. Для этого периода особенно характерен рост простейших производственных объединений, общее количество которых за два года увеличилось с 1 516 до 18 555, т. е. более чем в двенадцать раз. Сильно выросло число машинных товариществ — с 520 до 10 347, мелиоративных товариществ — с 410 до 3 505, животноводческих — с 370 до 1 810 и семеноводческих — с 216 до 1 734. Количество членов этих кооперативов увеличилось за те же годы с 61,3 тыс. до 735,3 тыс.

Если в сбыто-снабженческих кооперативах, т. е. кооперативах, организующих сбыт продуктов крестьянского хозяйства и снабжение их средствами производства, количество членов возросло за два года на 78%, то в простейших производственных объединениях число членов увеличилось за то же время более чем в 12 раз. Это показывает, что в самом процессе кооперирования происходил переход к следующей ступени, к более сложным формам — к обобществлению производства.

Кроме указанных видов кооперации, значительное место занимали так называемые универсальные сельскохозяйственные товарищества, в которых насчитывалось в 1927 г. свыше 1 200 тыс. членов. Широкое развитие в деревне получила и кустарно-промысловая кооперация. За два года число кооперативов выросло с 1 480 до 2 988, а число членов в них — с 60 тыс. до 314 тыс. Этот факт имеет огромное значение, ибо именно в кустарном производстве особенно широко орудовал частный капитал. Частный заказчик, предприниматель жестоко эксплуатировал неорганизованных кустарей. Избавиться от этой эксплуатации и решительно поднять свой жизненный уровень кустарь мог только на основе кооперирования производства.

¹ «Правда» № 71 от 28/III 1926 г., статья «К вопросу трактороснабжения».

² Там же.

³ Справочник «Вся кооперация», 1928, стр. 119.

В усилении этого процесса решающую роль играла помощь советского правительства кооперированным кустарям.

Общее число первичных сельскохозяйственных кооперативов в 1927 г. составляло 65 тыс. единиц. По сравнению с 1925 г. количество кооперативов почти удвоилось. Число членов кооперативов достигало 9 468,2 тыс. (против 5 361,4 тыс. в 1925 г.). В процессе развития сельскохозяйственной кооперации укреплялась и ее материально-финансовая база. Общая сумма средств всей кооперации с 650,5 млн. руб. в 1925 г. увеличилась до 1 266,5 млн. руб. в 1927 г.

Все приведенные цифры показывают большой рост кооперации в деревне. Это являлось прямым результатом мероприятий, проводившихся партией.

В дореволюционной капиталистической России в состав сельскохозяйственных кооперативов входили преимущественно зажиточно-кулацкие слои деревни. В условиях диктатуры пролетариата кооперация широко объединяла бедняцко-средняцкое население деревни. «Состав кооперации в деревне,— говорится в резолюции XV съезда ВКП(б),— резко отличается от ее состава в дореволюционное время: не подлежит никакому сомнению, что в основном наша кооперация является кооперацией бедняцко-средняцкой»¹. Уже это одно в корне отличало характер развития кооперации в условиях пролетарской диктатуры.

Однако работа в области кооперирования была развернута далеко недостаточно. К концу 1927 г. сельскохозяйственная кооперация объединяла только около трети всех крестьянских хозяйств (32,0%). Крупнейшим недостатком в развитии кооперации была относительно слабая кооперированность бедноты, несмотря на тягу последней к кооперации. Это объясняется тем, что на местах велась еще недостаточная работа по организации бедноты, по вовлечению ее в кооперацию.

Весьма широко развилась животноводческая и прежде всего молочная кооперация в районах молочного животноводства (Сибирь, Северный и Центрально-Промышленный районы страны). Здесь рост контрактации молочных продуктов усиливал процесс кооперирования крестьянского населения. Через кооперацию заключались контрактационные договоры.

Быстро развивалась сельскохозяйственная кооперация в районах картофельного производства (Смоленская, Ярославская, Московская губ., Центрально-Черноземная обл. и др.) и особенно в районах свеклосеяния (УССР, ЦЧО), хлопководства (Среднеазиатские республики). Здесь отчетливо сказались роль контрактации свеклы и хлопка, которая приняла широкие размеры еще в 1925 г. В 1927 г. около 900 тыс. хозяйств, т. е. почти все хозяйства, сеющие сахарную свеклу, заключили договоры (контракты) с сахарными заводами на доставку им своей продукции. В хлопковых районах почти три четверти миллиона хозяйств крестьян-хлопководов были охвачены контрактацией. 95% контрактационных договоров в этих районах заключалось через кооперацию.

Широкое развитие получила и семеноводческая кооперация, причем здесь также ясно выражена роль контрактации. Число семеноводческих кооперативов за два года (1926 и 1927) увеличилось с 216 до 1 734. Площадь законтрактованных посевов с 1925 г. по 1927 г. расширилась с 56 тыс. га до 393,9 тыс. га, а сбор сортовых семян поднялся с 327,6 тыс. ц до 2 600 тыс. ц. Семеноводческая кооперация

¹ XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии(б). Стенографический отчет, Партиздат, 1935, ч. II, стр. 1262.

в этот период начала внедрять в производство улучшенные семена, одновременно ведя пропаганду за правильные приемы обработки почвы. В отдельных районах (главным образом на Северном Кавказе, в Поволжье, ЦЧО и др.) семеноводческая кооперация объединяла в 1926 г. от 50 до 80% крестьянских хозяйств.

Наряду с развитием кредитной и сбыто-снабженческой кооперации и простейших производственных объединений, в этот период происходил рост, правда, чрезвычайно медленный, и более сложных форм производственной кооперации — колхозов: коммун, артелей, товариществ по общественной обработке земли (ТОЗ'ы). Число колхозов поднялось к концу 1927 г. до 17,5 тыс. В этот период в колхозы вступала почти исключительно беднота, хотя в «тозы» вступали уже и середняки. Таким образом, наиболее передовая, сознательная часть беднейшего и среднего крестьянства уже тогда правильно оценивала преимущества колхозов и делала из этого надлежащие выводы. Но все же колхозы в 1927 г. объединяли еще ничтожное число крестьянских дворов (всего 0,8%), а по посевной площади — 0,7%.

Колхозы были еще относительно мелкими. В 1927 г. в среднем на один колхоз приходилось 15,5 крестьянских хозяйств и 59,1 га посева. Несмотря, однако, на это, колхозы уже показывали свои преимущества перед мелким крестьянским индивидуальным хозяйством. Коллективные хозяйства были более передовыми и в отношении применения лучших методов обработки земли и по введению более правильных севооборотов, новых культур, лучших семян и т. д. В колхозах начали широко применяться разнообразные машины, включая тракторы. Более рациональная организация сельскохозяйственного производства и более высокая техника обеспечивали рост производительности труда. Как правило, урожаи в колхозах были выше, чем в окружающих крестьянских хозяйствах. В 1927 г. урожай яровой пшеницы в колхозах был выше, чем в единоличных хозяйствах, на 21%, урожай ржи — на 28%.

Работа колхозов оказывала положительное влияние на окружающие крестьянские хозяйства. Последние не только заимствовали здесь более правильные методы ведения хозяйства, но и сами вступали на путь объединения, организуясь в кооперацию, создавая простейшие производственные объединения. Партия и правительство всеми мерами поддерживали эти первые ростки социализма в деревне, предоставляя таким объединениям льготный кредит, снабжая их машинами в кредит и т. д.

Насколько усилилась роль кооперативных и других общественных организаций в сельском хозяйстве, можно видеть из следующего факта¹: в 1925 г. в конкурсе на высокий урожай по Московской губ. (сельскохозяйственная выставка) участвовало 252 единоличных крестьянских хозяйства. В 1927 г. состав участников в корне изменился: на этой выставке были представлены главным образом кооперативные и общественные организации: 62 селения, 16 колхозов, 4 совхоза, 14 машинных товариществ, 12 мелиоративных товариществ, 20 молочных товариществ, 11 контрольно-животноводческих товариществ, 21 сельскохозяйственное кредитное товарищество, 4 товарищества по огнестойкому строительству, 5 торфяных товариществ, 15 сельскохозяйственных кружков, 16 кресткомов и только 35 единоличных хозяйств.

В 1927 г. большинство колхозов являлось высокоурожайными хозяйствами (см. таблицу).

¹ «Правда» от 15 ноября 1927 г., № 261, статья «Конкурс сельского хозяйства Московской губ.».

Средний урожай с десятины (в пудах)
в 1927 г.

	По Москов- ской губ. в целом	По кол- хозам
Рожь	55	100
Овес	60	102
Картофель	600	1 000

Не меньшую роль играли и совхозы. Число последних к началу 1928 г. достигло, примерно, 6 тыс. с посевной площадью около 1½ млн. десятин, что составляло около 2% всей посевной площади.

Совхозы широко помогали бедняцко-средняцкому крестьянскому населению своими машинами, агрономическими силами, племенным скотом и т. п. Совхозы служили для окружающего населения своего рода школой применения лучших приемов обработки почвы, образцом правильной организации хозяйства, успешной борьбы за высокую урожайность и т. п. Все это оказывало положительное влияние на развитие крестьянского хозяйства и на отношение крестьянина к крупному хозяйству. Вместе с тем совхозы являлись культурными центрами в деревне, ибо они располагали клубами, красными уголками, школами, куда вовлекалось крестьянское население, крестьянские дети. Совхозы проводили работу по кооперированию деревни, особенно по распространению семеноводческой и свекловичной кооперации.

К 1927 г. получила развитие местная, по преимуществу кооперативная, сельскохозяйственная индустрия, которая также играла положительную роль в дальнейшем развитии процессов обобществления (общественная переработка сельскохозяйственной продукции кооперированных крестьян). Были созданы небольшие маслобойные, сыроваренные, крахмало-паточные и другие заводы.

Но в практике работы в деревне было еще и много недостатков и прямых извращений политики партии. Кредитование нередко направлялось на удовлетворение зажиточно-кулацкой верхушки деревни, в ущерб интересам бедноты и коллективным формам хозяйства. Местами возникали всякого рода лжекооперативы и лжетоварищества, создаваемые кулацкими элементами, так как это было удобной формой использования различных льгот. В ряде районов (БССР и Смоленская губ.) интенсивно насаждалась хуторская и отрубная форма землепользования и т. д. Извращения эти практиковались, с одной стороны, кулацкими элементами, проникшими в ряде случаев к руководству в советский аппарат, а с другой — прочими враждебными диктатуре пролетариата элементами, проникшими в партию с целью противодействия проведению, ленинско-сталинской политики. Это были скрытые враги народа, отъявленные реставраторы капитализма, волчьей ненавистью ненавидевшие рабочих и крестьян, диктатуру рабочего класса.

Партия, руководимая великим Сталиным, ни на минуту не прекращала самой решительной борьбы против всякого рода извращений политики партии. Она разбивала коварные планы врагов, обеспечивая как общий подъем сельского хозяйства, так и дальнейшее интенсивное развитие социалистических элементов в деревне.

В этот период партия развернула широкую массовую политическую работу в деревне по оживлению и укреплению работы Советов, по

организации бедноты и батрачества. Укрепляя союз между бедняком и середняком путем вовлечения их в Советы, кооперацию и т. д., партия расширила мероприятия по дальнейшему ограничению эксплуататорских тенденций кулачества, усилила борьбу против попыток кулака повести за собой середняка. В 1926 г. перевыборы Советов проходили в условиях острой классовой борьбы, при большой активности всех слоев сельского населения. Наибольшую активность проявил середняк, почувствовавший себя действительно центральной фигурой земледелия.

Партия добилась определенных успехов в усилении блока середняка и бедняка, выступавших под руководством рабочего класса против кулака. Этому содействовала развернутая партией, в соответствии с решениями октябрьского пленума ЦК (1925 г.) и XIV съезда партии, работа по организации бедноты. В решении съезда подчеркивалось огромное политическое значение этой работы: «Речь идет об организации деревенской бедноты, которая с помощью партии и государственной власти в борьбе на хозяйственном и политическом фронте (колхозы, артели, товарищества, кооперация, кресткомы, советы) должна изжить остатки иждивенческой психологии, стать на путь организованного классового отпора кулаку и превратиться в надежную опору пролетарской политики в ее борьбе за сплочение середняков вокруг пролетариата»¹.

В отношении середняка партия проводила отчетливую ленинско-сталинскую линию на упрочение союза с ним, на укрепление в этом союзе руководящей роли рабочего класса. В решении XIV съезда партии подчеркивалось: «Если беднота и, прежде всего, батраки являются опорой пролетариата в деревне, то середняк является и должен являться его прочным союзником»².

Партия дала решительный отпор враждебным попыткам троцкистско-зиновьевской контрреволюционной банды игнорировать середняка, добиться разрыва союза с ним. Линия этой банды предателей полностью исходила из установки на поражение социалистической революции. Контрреволюционная сущность этой линии была полностью разоблачена товарищем Сталиным. Партия под руководством товарища Сталина укрепила союз рабочего класса с середняком, упрочив тем самым позиции пролетариата в деревне.

Классовая борьба в деревне, проявившаяся с особенной силой при перевыборах Советов, сопровождалась резким усилением кулацкого противодействия проведению политики партии в деревне. Наряду с бешеной кулацкой агитацией, участились факты, когда кулаки избивали и убивали селькоров, деревенских активистов, работающих в Советах, кооперации, кресткомах, поджигали постройки активистов и общественных организаций и т. д.

Мероприятия партии, проводившиеся в период между двумя съездами — XIV и XV — привели к дальнейшему расширению сельскохозяйственного производства и росту сельскохозяйственной продукции.

Успехи политики партии в области подъема и развития сельского хозяйства характеризуются следующими данными:

Вся посевная площадь (в млн. га)³

1925 г.	1926 г.	1927 г.
104,3	110,3	112,4

¹ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 51—52.

² Там же, стр. 50.

³ «Социалистическое строительство СССР», ЦУНХУ, 1936, стр. 280.

По сравнению с 1913 г. вся посевная площадь в 1927 г. достигла 107%.

За 1925—1927 гг. вся площадь под зерновыми культурами увеличилась на 8,5%. Особенно выросли площади под пшеницей — на 25,7%, овсом — на 39,8% и ячменем — на 6,2%. Посевы ржи, кукурузы и некоторых других культур сократились.

По ряду основных технических культур (лен, конопля, подсолнечник) посевная площадь за указанные два года выросла незначительно, а в некоторых случаях даже снизилась. Это показывает слабость крестьянского хозяйства, которое не могло освоить более трудоемких культур. Однако благодаря поощрительным мероприятиям государства посевы под такими культурами, как сахарная свекла и хлопок, в этот период (1925—1927 гг.) росли быстро: на 24,7% по свекле и 35,7% по хлопку.

Наряду с зерновыми и техническими культурами увеличивались, хотя и незначительно, посевные площади и под другими культурами (овощи, кормовые). Выделяется несколько площадей посева под картофелем, расширившаяся за два года примерно на 9%.

Одновременно происходил рост животноводства (см. таблицу)¹.

	На 1/VII 1925 г.	На 1/VII 1927 г.	1927 г. в % к 1925 г.
	в млн. голов		
Лошадей	27,1	31,6	116,6
Крупного рогатого скота . .	62,1	68,0	109,5
В том числе			
Коров	28,6	29,9	104,5
Овец и коз	122,9	139,7	113,7
Свиней	21,8	23,2	106,4

Данные о росте поголовья показывают, что восстанавливалась и эта важнейшая отрасль сельского хозяйства, понесшая значительный урон за годы войны. Здесь наглядно сказались та огромная помощь, которая была оказана крестьянству советским правительством. Передача крестьянам помещичьих земель резко расширила возможности создания кормовой базы. Льготы, оказываемые бедняцко-средняцким хозяйствам, дешевый кредит, работа молочной кооперации, распространение знаний в области организации лучшего ухода за скотом и т. д. обеспечили высокий темп восстановления и развития поголовья, какой мог быть достигнут при ограниченных возможностях крестьянского хозяйства.

Рост посевных площадей и поголовья скота в 1925 и 1926 гг. сопровождался общим увеличением сельскохозяйственной продукции. Так, в связи с расширением посевных площадей, валовой сбор зерновых увеличился с 514,0 млн. ц в 1924 г. и 724,6 млн. ц в 1925 г. до 768,3 млн. ц в 1926 г., т. е. по сравнению с 1924 г. валовой сбор вырос в 1926 г. на 50%. Однако темп роста в 1926 г. был уже ниже, чем в 1925 г.: 6,0% против 41%. 1927 год не только не дал дальнейшего прироста валового сбора, а, наоборот, произошло снижение до уровня 1925 г. (723,0 млн. ц). По другим культурам продукция в 1927 г. возросла. В частности увеличился сбор хлопка и особенно сильно сахарной свеклы. Общий сбор хлопка-сырца повысился с

¹ «Социалистическое строительство СССР», ЦУНХУ, 1936, стр. 354.

3,4 млн. в 1924 г. и 5,4 млн. ц в 1925 г. до 7,2 млн. ц в 1927 г.; сбор сахарной свеклы — с 34,9 млн. ц в 1924 г. и 90,7 млн. ц в 1925 г. до 104,1 млн. ц в 1927 г. Увеличилась и продукция животноводства.

Несмотря однако на такое увеличение сельскохозяйственной продукции, оно было совершенно недостаточным в связи с индустриальным развитием страны, ростом городов и необходимостью расширения экспорта. Темпы ежегодного прироста продукции, особенно зерновой, были явно неудовлетворительными. Урожай, хотя и повысился по сравнению с 1923—1924 гг., но оставались невысокими и к тому же неустойчивыми. Уровень техники мелкого крестьянского хозяйства был чрезвычайно низок, что ставило урожай в прямую зависимость от стихийных явлений природы. Поэтому валовые сборы зерна оставались на довоенном уровне, а в отдельные годы были даже несколько ниже.

В результате усиления роли бедняцко-средняцкого крестьянского мелкотоварного хозяйства во всем сельскохозяйственном производстве, в результате ликвидации крупного помещичьего хозяйства и решительного ограничения кулацкого производства товарная продукция хлеба сильно снизилась. Количество товарного хлеба с 1 300,6 млн. пуд. до войны сократилось до 630,0 млн. пуд. в 1926/27 г.

В 1927 г. товарная часть зерна снова снизилась, причем все данные говорили о наличии опасности дальнейшего ее падения. На это указывал, в частности, продолжавшийся процесс дробления крестьянских хозяйств на более мелкие, дающие минимум товарной продукции. В итоге зерновое хозяйство в 1927 г., производя зерна не намного меньше, чем производилось до войны, могло продать на сторону немного более трети того количества зерна, которое могло быть продано довоенным зерновым хозяйством. Такое положение с производством товарного зерна создавало угрозу снабжению Красной Армии и городов СССР. «Это был кризис зернового хозяйства, за которым должен был последовать кризис животноводческого хозяйства»¹.

Если взять сельскохозяйственную продукцию в целом по ее стоимости, то ежегодный прирост в 1925—1927 гг. был явно недостаточен. Темпы ее роста не шли ни в какое сравнение с темпами роста продукции социалистической индустрии. Больше того, ежегодный прирост продукции сельского хозяйства из года в год снижался. В 1925/26 г. прирост валовой продукции сельского хозяйства (в довоенных рублях) по сравнению с предыдущим годом составил 19,2⁰%, в 1926/27 г. он составил уже 4,1⁰%, а в 1927/28 г. — всего 3,2⁰%². Такой прирост сельскохозяйственной продукции, говорил товарищ Сталин, нельзя назвать «...достаточным для того, чтобы сохранить в будущем необходимое равновесие между сельским хозяйством и нашей национализированной промышленностью»³. Особенно же плохо с продукцией зерновых культур.

Товарищ Сталин в докладе XV съезду партии (декабрь 1927 г.) вскрыл причины, которые лежали в основе создавшегося положения и влияние которых не могло привести к иным результатам. Товарищ Сталин указал, что такое состояние объясняется «...как чрезмерной отсталостью нашей сельскохозяйственной техники и слишком низким уровнем культурного состояния деревни, так и, особенно, тем, что наше распыленное сельскохозяйственное производство не имеет тех преимуществ, которыми обладает наша крупная, объединенная наци-

¹ История ВКП(б), стр. 274.

² Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б), Партиздат, 1936, стр. 24.

³ Там же.

анализированная промышленность. Сельскохозяйственное производство прежде всего не национализировано и не объединено, а распылено и разбросано по кусочкам. Оно не ведется в плановом порядке и подчинено пока что в огромной своей части стихии мелкого производства. Оно не объединено и не укрупнено по линии коллективизации, ввиду чего представляет еще удобное поле для эксплуатации со стороны кулацких элементов. Эти обстоятельства лишают распыленное сельское хозяйство тех колоссальных преимуществ крупного, объединенного и в плановом порядке ведомого производства, какими обладает наша национализированная промышленность»¹.

Вскрыв основные причины отставания сельского хозяйства, товарищ Сталин на XV съезде партии указал путь, который являлся единственно правильным выходом из создавшегося положения в области сельского хозяйства, который единственно обеспечивал высокие темпы его развития, а, следовательно, и дальнейшего развития всего народного хозяйства. Это — путь объединения миллионов мелких крестьянских хозяйств в крупные хозяйства на основе общественной, товарищеской, коллективной обработки земли с применением сельскохозяйственных машин и тракторов, с применением научных приемов интенсификации земледелия. Только этот путь обеспечивал действительный подъем сельского хозяйства и победу социализма в СССР.

В соответствии с указаниями товарища Сталина, XV съезд партии задачу объединения и преобразования мелких индивидуальных хозяйств в крупные коллективы поставил в качестве основной задачи партии в деревне. При этом партия придерживалась ленинского принципа добровольности и постепенности перевода крестьянских хозяйств на рельсы крупного общественного производства. Задача состояла в том, чтобы немедленно развернуть широкую подготовку такого перехода.

Подлые реставраторы капитализма из контрреволюционного троцкистско-зиновьевско-бухаринского блока всеми способами пытались навязать другой путь повышения товарности сельского хозяйства — через насаждение крупного капиталистического производства в земледелии. Принятие этого пути означало бы разорение крестьянских масс, гибель союза рабочего класса и крестьянства, усиление позиций деревенского кулачества и поражение социализма в СССР.

Скрытые агенты буржуазных разведок — троцкисты и зиновьевцы в своих выступлениях в период от XIV до XV съезда партии сознательно переоценивали силы капиталистических элементов как в городе, так и в деревне, стремясь вызвать панику и спровоцировать этим путем партию к преждевременному наступлению на кулака. Контрреволюционная банда предателей, исходя из своей, ничего общего с марксизмом-ленинизмом не имеющей, оценки процессов расслоения в советской деревне, механически переносила на советскую деревню закономерности развития крестьянского хозяйства при капитализме. Предатели полностью игнорировали те коренные особенности, которые внесла победа пролетарской социалистической революции в производственные отношения на селе и в положение трудящихся масс деревни. В советской деревне середняцкая группа крестьянства не «размывалась», как это имеет место при капитализме, а усиливалась. Средняк являлся центральной фигурой нашего земледелия и ближайшим союзником рабочего класса и деревенской бедноты в социалистическом переустройстве общества. Этот факт,

¹ Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б), Партиздат, 1936, стр. 25.

имевший решающее значение для закрепления победы социалистической революции, сознательно игнорировался троцкистско-зиновьевскими бандитами, что полностью вытекало из их ставки на поражение пролетарской революции, на реставрацию капитализма.

«Не подлежит сомнению,—говорил товарищ Сталин,—что дифференциацию при пролетарской диктатуре нельзя отождествлять с дифференциацией при капиталистических порядках. При капитализме растут крайности: беднота и кулачество, а середняк вымывается. У нас, наоборот, растет середняк за счет известной части бедноты, которая подымается в середняки, растет кулак, а беднота уменьшается. Этот факт говорит о том, что центральной фигурой земледелия как был, так и остается середняк. Блок с ним, при опоре на бедноту, имеет решающее значение для судеб всего нашего строительства, для диктатуры пролетариата»¹.

В соответствии с прямыми указаниями Ленина и Сталина партия делала все необходимое, чтобы оградить деревенскую бедноту и середняков от кулацкой эксплуатации, принимая меры к ограничению эксплуататорских тенденций кулачества и оказывая самую широкую помощь беднейшему и среднему крестьянству. Именно эта политика партии Ленина—Сталина в корне изменила и самый характер процесса расслоения деревни.

Контрреволюционные троцкисты проводили насквозь лживую, провокационную линию и в вопросах коллективизации сельского хозяйства. «На словах, т. е. в платформе, они высказывались за колхозное движение и даже обвиняли ЦК в том, что он ведет коллективизацию недостаточно быстрым темпом, а на деле они издевались над политикой вовлечения крестьян в социалистическое строительство, проповедывали неизбежность «неразрешимых конфликтов» между рабочим классом и крестьянством и возлагали свои надежды на «культурных арендаторов» в деревне, то-есть на кулацкие хозяйства.

Это была самая лживая платформа из всех лживых платформ оппозиции»².

Под руководством товарища Сталина партия разоблачила и разгромила банду подлых двурушников, оголтелых реставраторов капитализма. Эти предатели уже тогда действовали, как выяснилось впоследствии, в полной согласованности с охранками враждебных СССР капиталистических стран.

XV съезд ВКП(б) предложил расширять и укреплять кооперацию, обеспечить вовлечение в нее всей бедноты и большинства середняков, а также крестьянок. Усиливалось снабжение машинами колхозов и маломощных крестьян через систему кредита с предоставлением соответствующих льгот. Отпуск машин в кулацкие хозяйства ограничивался.

Съезд обязал все партийные организации, а также партийных работников советских и кооперативных организаций усилить помощь делу колхозного строительства и укрепить совхозы, превратив их на деле в образцовые крупные хозяйства социалистического типа. Съезд принял решение об организации тракторных колонн.

XV съезд партии дал директиву: «...развивать дальше наступление на кулачество и принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму»³.

¹ Сталин, Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б), Партиздат, 1936, стр. 33.

² История ВКП(б), стр. 271.

³ ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 260.

Сдача в аренду земли из госфонда разрешалась только хозяйствам трудового типа. Усиливалась борьба против купли, продажи земли и других извращений закона о национализации земли. Важнейшую роль сыграли указания о всемерном содействии росту таких форм землепользования, которые наиболее благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки и т. п.), об ограничении практики выделения на отруба и, особенно, хутора, о совершенном устранении такой практики в тех случаях, где это ведет к росту кулацких элементов.

Исторические решения XV съезда партии со всей четкостью определили дальнейший путь развития сельского хозяйства СССР. Проводя их в жизнь, партия, руководимая великим Сталиным, подготовила и блестяще обеспечила во второй половине 1929 г. коренной поворот широких бедняцко-средняцких масс в сторону колхозов.

Осуществление решений XV съезда партии привело к дальнейшему развитию производительных сил сельского хозяйства и к быстрому росту социалистических элементов в нем. Вся посевная площадь с 112,4 млн. га в 1927 г. увеличилась до 118,0 млн. га в 1929 г., причем удельный вес социалистического сектора (совхозы, колхозы) весной 1929 г. составлял по площади уже 5,4%; удельный вес колхозной продукции зерновых равнялся 3,8% против 0,7% в 1927 г.

Если принять валовую продукцию технических культур 1913 г. за 100, то в 1928 и 1929 гг. она составляла: по хлопку в 1928 г.—110,5%, а в 1929 г.—119%; по сахарной свекле в 1928 г.—93%, а в 1929 г.—58% (снижение урожая сахарной свеклы объясняется повреждением его мотыльком); по масличным в 1928 г.—161,9%, а в 1929 г.—149,8%.

Товарищ Сталин, приводя эти данные в своем докладе XVI съезду партии, отмечал в общем благоприятную картину развития технических культур. Но там же товарищ Сталин указывал, что и в области технических культур, так же как это имело место в отношении зерновых, «...возможны и вероятны в будущем серьезные колебания и проявления неустойчивости ввиду преобладания мелкого хозяйства...»¹.

В области животноводства картина примерно та же (см. таблицу).

Изменение поголовья (1916 г.=100)²

Годы	Лошади	Крупный рогатый скот	Свиньи	Овцы и козы
1927	88,9	114,3	111,3	119,3
1928	94,6	118,5	126,1	126,0
1929	96,9	115,6	103,0	127,8

Если 1928 год еще показывает дальнейший прирост поголовья всех видов скота, то 1929 год дает уже снижение поголовья крупного рогатого скота и особенно свиней. Товарный выход продуктов животноводства в эти годы сокращается. Товарная часть мяса и сала в 1926 г. составляли 33,4%, в 1927 г.—32,9%, в 1928 г.—30,4%, а в 1929 г.—уже всего 29,2%.

«Мы имеем, таким образом,—говорил товарищ Сталин,—явные признаки неустойчивости и экономической ненадежности мелкого и малотоварного хозяйства по животноводству»³.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 371.

² Там же, стр. 370.

³ Там же.

Что касается производства зерна, то в 1928 г., в связи с гибелью озимых на Украине и Северном Кавказе, имело место сокращение валового сбора, но трудности в области зернового производства выявились со всей резкостью еще в начале 1928 г. в связи с ходом хлебозаготовок. Вот что говорил товарищ Сталин в мае 1928 г. по поводу хлебных затруднений: «Основа наших хлебных затруднений состоит в том, что рост производства товарного хлеба идет у нас медленней, чем рост потребностей на хлеб. Растет промышленность. Растет количество рабочих. Растут города. Растут, наконец, районы производства технического сырья (хлопок, лен, свекла и т. д.), предъявляющие спрос на товарный хлеб. Все это ведет к быстрому росту потребностей на хлеб, на товарный хлеб. А производство товарного хлеба растет убийственно медленным темпом. Нельзя сказать, что заготовленного хлеба, имеющегося в распоряжении государства, было у нас в этом году меньше, чем в прошлом или позапрошлом году. Наоборот, в этом году у нас имелось в руках государства гораздо больше хлеба, чем в прошлые годы. И все же мы стоим перед затруднениями по хлебу. Вот некоторые цифры. В 1925/26 году мы сумели заготовить к 1 апреля 434 млн. пуд. хлеба. Из них вывезли за границу 123 млн. пуд. Оставалось, следовательно, в стране заготовленного хлеба 311 млн. пуд. В 1926/27 году мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 596 млн. пуд. Из них вывезли за границу 153 млн. пуд. Оставалось в стране заготовленного хлеба 443 млн. пуд. В 1927/28 г. мы имели к 1 апреля заготовленного хлеба 576 млн. пуд. Из них вывезли за границу 27 млн. пуд. Осталось в стране заготовленного хлеба 549 млн. пуд. Иначе говоря, мы имели в этом году к 1 апреля заготовленного хлеба для потребностей страны на 100 млн. пуд. больше, чем в прошлом году, и на 230 млн. пуд. больше, чем в позапрошлом году. И все-таки мы имеем в этом году затруднения на хлебном фронте»¹.

Резкое сокращение товарной продукции было неизбежно, поскольку, как уже указывалось, производство подавляющей массы хлебных продуктов перешло от помещиков и кулаков к мелким и средним крестьянам. Последние, освободившись от помещичьего гнета и подорвав в основном силу кулачества, получили возможность в результате Октябрьской революции серьезнейшим образом улучшить свое материальное положение. Товарность же хозяйств мелких крестьян была очень низка, а крупное социалистическое хозяйство (совхозы и колхозы) еще не получило широкого развития. Все это и привело к резкому сокращению товарной продукции. Этим не преминул воспользоваться кулак, имевший в своем распоряжении до 20% товарного хлеба. Кулацкий саботаж сдачи хлеба государству получил самое широкое распространение в хлебозаготовительной кампании 1927/28 и 1928/29 гг. Этой тактике кулачества в 1928 г. немало способствовала разрозненность в деятельности различных заготовительных организаций и общая слабость их работы.

Если до октября 1927 г., когда сдатчиками хлеба являлись фактически только бедняцко-средняцкие массы, хлебозаготовки проходили успешно, то уже с октября началось невыполнение плана. В начале 1928 г. создалось весьма затруднительное положение со снабжением хлебом городов и Красной Армии. Срывщиками плана хлебозаготовок выступили зажиточно-кулацкие слои деревни. Они развернули бешеную агитацию среди крестьян за невыполнение плана хлебосдачи, говорили, что, мол, цены на хлеб, установленные государством, недостаточно высоки и не вознаграждают крестьянина

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 211.

за его труд. Свой хлеб кулаки стремились сбить на рынке по вздутой, спекулятивной цене, толкая на этот путь и остальную массу крестьянства. На рынке в этот период широко орудовал частник. Огромное количество хлеба кулаки перегоняли на самогон, наживая на этом бешеные деньги. Наконец, чтобы не сдавать государству хлеб, кулачье прятало его, гноило в ямах и т. д. Вдохновителем и прямым организатором кулацкого саботажа являлась контрреволюционная право-троцкистская банда, стремившаяся создать недовольство в деревне политикой партии и вызвать кулацкие восстания. С особой силой проявлялось сопротивление кулачества мероприятиям советской власти во время хлебозаготовок. Саботируя сдачу излишков хлеба государству, кулачество организовало террор против деревенских активистов, колхозников, партийно-советских работников и т. д.

В ответ на кулацкое сопротивление проведению хлебозаготовок партия, руководствуясь директивами XV съезда, перешла в решительное наступление на кулачество. В это дело вовлечены были широчайшие массы беднейшего и среднего крестьянства. Партия понимала, что пока не будет сломлено сопротивление кулачества, пока оно не будет разбито в открытом бою, на глазах у широких крестьянских масс, Красная Армия и города не будут обеспечены хлебом, а колхозное движение не сможет принять массового характера.

Чтобы сломить кулацкий саботаж хлебозаготовок, было проведено срочное взыскание сельхозналога, уплата которого задерживалась зажиточно-кулацкой верхушкой деревни, недоимок, задолженности по линии кредита, проведено самообложение и т. д. Это понуждало зажиточно-кулацкую верхушку продавать государству хлеб. Одновременно были приняты меры к завозу промтоваров в деревню, в хлебопроизводящие районы. В отношении зажиточно-кулацких элементов, срывающих хлебозаготовки и спекулирующих хлебом, были приняты чрезвычайные меры — конфискация по суду излишков хлеба, согласно 107 статьи уголовного кодекса и др. 25% конфискованного по суду у спекулянтов хлеба получала в ссуду деревенская беднота¹.

В связи с этими мероприятиями усилилась активность деревенской общественности. Под руководством партии сами бедняцко-средняцкие массы деревни осуществляли общественный контроль и принимали меры воздействия (бойкот и др.), принуждавшие верхушку деревни сдавать хлеб государству. В результате хлебосдача усилилась. План был выполнен.

Одновременно партия решительно боролась против допускаящихся на местах перегибов в хлебозаготовительной кампании, которые били не только по кулаку, но и по середняку. Перегибы фактически являлись сползанием на рельсы продрозверстки, так как принимали формы незаконной конфискации хлеба у середняков, запрещения внутридеревенской купли-продажи хлеба или запрещения «вольного» хлебного рынка вообще.

В 1938 г. на процессе право-троцкистской фашистской банды выяснилось, что активную роль в организации этих перегибов выполняла та же право-троцкистская шайка бандитов, которая вместе с кулачеством организовала саботаж хлебозаготовок. Агенты мировой буржуазии, шпионы иностранных разведок из кожи вон лезли, чтобы расстроить союз рабочего класса со средним крестьянством, сорвать

¹ См. резолюцию пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 11 апреля 1928 г. «О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928/29 г.», ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 273.

наступление на кулака, помешать строительству и победе социализма в нашей стране. Сокрушительный удар, направленный против кулака и против извращения линии партии, являлся в то же время ударом и по гнусным планам подлых бухаринско-троцкистских предателей.

После того как партия повела решительное наступление на кулачество, бухаринско-рыковская банда предателей, ранее маскировавшая свои антипартийные выступления, сбросила маску и открыто выступила против партии, в защиту кулачества. Эти бандиты пытались навязать партии вместо политики наступления на кулака свой предательский план возврата к капиталистическому хозяйству, предлагая меры всяческого поощрения в отношении кулацкого хозяйства. Под флагом разговоров о том, что кулака нечего опасаться, что он не страшнее, чем капиталистические элементы в городе, правые предатели стремились усыпить бдительность рабочего класса и основных масс крестьянства, обезоружить их перед лицом наступающего врага. Товарищ Сталин тогда же указывал: «Не понимать значения крупного кулацкого хозяйства в деревне, не понимать того, что удельный вес кулачества в деревне во сто крат выше, чем удельный вес капиталистов в городской промышленности,—это значит сойти с ума, порвать с ленинизмом, перебежать на сторону врагов рабочего класса»¹.

Бухаринско-рыковские предатели в своей борьбе против партии не останавливались ни перед какими средствами. В момент решительного перехода к коренной социалистической реконструкции сельского хозяйства они, продолжая закулисные переговоры с разоблаченными партией контрреволюционными троцкистами, возвели неслыханный поклев на партию, клеветнически утверждая, будто партия проводит политику «военно-феодалистской эксплуатации крестьянства». Эта грязная клевета на большевистскую партию была взята ее авторами из арсенала партии Милюкова². В точно таком же духе высказывались эти негодяи, давая оценку фактического состояния нашего сельского хозяйства в тот период. Вопреки несомненным показателям роста колхозов и совхозов, Бухарин и К^о выдавали упадок кулацкого хозяйства за деградацию сельского хозяйства. Клеветнические разговоры о деградации сельского хозяйства понадобились бухаринцам, чтобы этим прикрыть их собственную программу капиталистической реставрации, их стремление всеми средствами поддержать кулацкое хозяйство.

В целях подкрепления своих антипартийных, контрреволюционных выступлений бухаринцы состряпали тогда смехотворную «теорию затухания классово́й борьбы». Суть этой так называемой теории заключалась в утверждении, будто по мере роста успехов социализма в его борьбе против капиталистических элементов в нашей стране классовая борьба должна будет угасать. Согласно этой «теории» классовый враг без сопротивления сдаст свои позиции. Отсюда следовало, что ни о каком наступлении на кулака и речи быть не должно: последний якобы будет мирно вращаться в социализм.

Как известно, ленинизм утверждает в корне противоположное. Ленинизм учит, что чем больше успехи социализма, чем больше классовый враг теряет почву под ногами, тем более острые формы приобретает его сопротивление. Вот что говорил по вопросу об обострении классово́й борьбы товарищ Сталин: «Речь идет о том, что со-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 214.

² См. резолюцию объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 23 апреля 1929 г. «По внутрипартийным вопросам», ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, Партиздат, 1936, ч. II, стр. 322.

циализм успешно наступает на капиталистические элементы, социализм растет быстрее капиталистических элементов, удельный вес капиталистических элементов ввиду этого падает, и именно потому, что удельный вес капиталистических элементов падает, капиталистические элементы чувствуют смертельную опасность и усиливают свое сопротивление»¹.

Партия, руководимая великим Сталиным, до конца разоблачила контрреволюционную, кулацкую сущность бухаринско-рыковских «теорий» и разгромила правую агентуру кулачества в своих рядах. Партия со всей последовательностью проводила политику самой решительной борьбы против капиталистических элементов в городе и в деревне, шаг за шагом укрепляя союз рабочего класса с крестьянством. Важнейшими методами решения этой задачи, важнейшими новыми формами смычки, значение которых из года в год возрастало, являлись: а) строительство новых совхозов; б) строительство колхозов; в) развитие сети МТС; г) дальнейшее развитие продовольственного кооперирования; д) дальнейшее развитие массовой контрактации; е) государственные мероприятия по повышению урожайности и т. д.

Строительству новых совхозов партия уделяла большое внимание. В апреле 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) вынесло решение «об организации в 3—4 года новых совхозов с расчетом, чтобы они, эти совхозы, могли дать к концу этого срока не менее 100 млн. пудов товарного хлеба»². Решение Политбюро подтвердил пленум Центрального комитета. В исполнение этого решения был создан Зернотрест, которому была поручена организация новых зерновых совхозов. В отношении старых совхозов было принято решение об их укреплении и расширении посевных площадей. С этой целью был создан Совхозцентр, которому партия поручила выполнение своего решения. В 1927/28 г. государство отпустило на финансирование совхозов (не считая оборотного краткосрочного кредита) 65,7 млн. руб., а в 1928/29 г.—185,8 млн. руб. В распоряжение совхозов с 1927/28 по 1929/30 г. было направлено 18 тыс. тракторов в 350 тыс. лош. сил. Посевная площадь совхозов с 1 736 тыс. га в 1928 г. увеличилась до 2 277 тыс. га в 1929 г. Совхозы являлись не только дополнительным источником пополнения хлебных ресурсов, но и играли огромную преобразующую роль в процессе социалистической переделки сельского хозяйства страны, помогая крестьянам стать на путь коллективизации.

Советское правительство значительно расширило финансовую помощь колхозам. В 1927/28 г. было отпущено на финансирование колхозов 76 млн. руб., а в 1928/29 г.—170 млн. руб.

Растущая социалистическая индустрия усилила темпы производства машин и более совершенного сельскохозяйственного инвентаря, а также снабжение ими сельского хозяйства. По некоторым машинам и орудиям (плуги тракторные, окучники конные, полольники, сеялки зерновые тракторные и др.) производство увеличилось за два года (1927/28—1929/30) в десятки раз. Основная масса средств производства поступала в совхозы и колхозы. Начиная с 1928 г. продажа тракторов в индивидуальные хозяйства была прекращена.

Партия развернула в деревне большую разъяснительную работу среди бедняцко-средняцких масс о преимуществах крупного коллективного хозяйства, давая в то же время отпор антиколхозной деятельности кулачества.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 255.

² Там же, стр. 373—374.

Дальнейшее развитие получила сельскохозяйственная кооперация. Число кооперированных хозяйств за один год (1927/28—1928/29) увеличилось более чем на два миллиона. Общий процент крестьянских хозяйств, входивших в сельскохозяйственную кооперацию в 1928/29 г., поднялся до 45,3 (против 32% в 1927 г.). В этом бесспорно сказались влияние мероприятий партии по организации бедноты и батрачества и материальная помощь им для вступления в кооперацию.

Развивалась и контрактация, охватившая все основные отрасли сельскохозяйственного производства. Если сначала наибольшее распространение получила контрактация технических культур, то уже с 1927/28 г. в больших масштабах производится контрактация продовольственных культур и в первую очередь зерновых. В связи с этим широко развились посевные товарищества, машинные товарищества и товарищества по общественной обработке земли.

Все это привело к быстрому росту колхозов, что видно из следующей таблицы¹:

Г о д ы	Число колхозов (в тыс.)	Процент коллективизации		Средний размер колхоза по площади посева (в га)
		по хозяйствам	по площади посева	
1928 I/VII	33,3	1,7	2,3	41
1929 I/VII	57,0	3,9	4,9	73
1929 X	67,4	7,6	н. св.	н. св.

Уже к весне 1929 г. в стране было 57 тыс. колхозов, а коллективизированных хозяйств насчитывалось свыше миллиона. Все же в этот период в колхозы шла только наиболее передовая и по преимуществу бедняцкая часть деревни. Об этом, в частности, говорят небольшие размеры колхозов. В общей массе колхозов преобладали «тозы», число которых составляло на 1 июня 1929 г. 34 тыс. (из 57 тыс.). Но данные о размерах колхозного движения на 1 июня 1929 г. указывали, как быстро зрело в бедняцко-средняцкой массе сознание необходимости перехода на путь коллективизации. Со всей яркостью это проявилось во второй половине 1929 г., когда произошел крутой поворот в отношении крестьянских масс к колхозам. В это время в колхозы, наряду с беднотой, широкой волной двинулся середняк. На 1 октября того же года общее количество коллективизированных хозяйств поднялось до 1 919 тыс. За три месяца число коллективизированных хозяйств почти удвоилось. Этот рост интенсивно продолжался и в последнем квартале 1929 г. Именно крутой перелом в отношении бедняцко-средняцких масс к колхозам во второй половине 1929 г. и положил начало новому периоду в развитии нашей страны — периоду борьбы за строительство колхозов и их организационно-хозяйственное и политическое укрепление.

Давая оценку происшедшему во второй половине 1929 г. повороту бедняцко-средняцкого крестьянства на путь колхозов, товарищ Сталин писал: «Речь идет о коренном переломе в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию, к совместной обработке земли, к машинно-тракторным станциям, к артелям и колхозам, опирающимся на новую технику, наконец к гиган-

¹ «Социалистическое строительство СССР», ЦУНХУ, 1936, стр. 278 и Статистический сборник «Колхозы в 1929 г.», Госплан СССР, 1931, стр. XIII.

там-совхозам, вооруженным сотнями тракторов и комбайнов. Достижение партии состоит здесь в том, что нам удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пути развития, от которого выигрывает лишь кучка богатеев-капиталистов, а громадное большинство крестьян вынуждено прозябать в нищете,—к новому, социалистическому пути развития, который вытесняет богатеев-капиталистов, а середняков и бедноту перевооружает по-новому, вооружает новыми орудиями, вооружает тракторами и сельскохозяйственными машинами, для того чтобы дать им выбраться из нищеты и кулацкой кабалы на широкий путь товарищеской, коллективной обработки земли. Достижение партии состоит в том, что нам удалось организовать этот коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков, несмотря на невероятные трудности, несмотря на отчаянное противодействие всех и всяких темных сил, от кулаков и попов до филистеров и правых оппортунистов»¹.

Кулачество, вдохновляемое контрреволюционными троцкистами и правыми, повело бешеную борьбу против колхозов и совхозов, против лучших людей советской деревни, колхозных активистов. Оно создавало нелегальные контрреволюционные организации, ставившие своей целью борьбу против коллективизации, борьбу за свержение советской власти. Партия под руководством великого Сталина разоблачила происки кулачества и его входновителей и разгромила их. В 1929 г. партия повела деревню по верному пути сплошной коллективизации и ликвидации на этой основе кулачества как класса.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 292.

К. ОСТРОВИТЯНОВ

Член-корреспондент Академии наук СССР

Об основных типах производственных отношений

(Окончание)¹

Капиталистический строй

Экономической основой капиталистического строя является капиталистическая собственность на средства производства. Это — частная собственность, сосредоточенная в руках капиталистов и ставшая орудием эксплуатации рабочих.

Маркс в своей работе «К критике политической экономии», характеризуя частную собственность, отмечает, что последняя «...предполагает в качестве условия противоположную форму — отсутствие собственности»².

В этом состоит наиболее существенная черта частной собственности, которая по самой своей природе порождает борьбу и конкуренцию, ведущую к разорению основной массы товаропроизводителей и к обогащению небольшой кучки капиталистов.

Этим частная собственность отличается от той примитивной личной собственности, какая имела место в первобытно-общинном строе, и тем более от личной собственности, имеющей место в социалистическом обществе.

Вторым важнейшим признаком капиталистического строя, вытекающим из частной капиталистической собственности на средства производства, является превращение рабочей силы в товар.

Рабовладельческая и феодальная эксплуатации покоились на внеэкономическом принуждении, которое исключало превращение рабочей силы раба и крепостного крестьянина в товар. Рабовладелец, конечно, может продать и купить раба, а помещик — крепостного крестьянина. Следовательно, раб и крепостной крестьянин выступают как объекты товарной сделки, но они не могут быть ее субъектами, так как не являются собственниками своей рабочей силы и потому не вправе ее продавать.

Капитализм же есть наиболее развитая система товарного производства, при которой и рабочая сила становится товаром.

Стоимость рабочей силы определяется стоимостью необходимых средств существования рабочего и его семьи. Эта стоимость создается в течение «необходимого» рабочего времени, которое составляет только часть рабочего дня. Труд, который рабочий может затратить в течение рабочего дня, значительно превышает труд, необходимый для воспроизводства рабочей силы. Капиталист, купив рабочую силу, получает возможность потреблять ее в течение всего рабочего дня. Это позволяет капиталисту присваивать неоплаченный труд рабочего в виде прибавочной стоимости и в том случае, когда рабочая сила продается по своей стоимости. В действительности рабочая сила, как правило, продается ниже своей стоимости.

¹ См. журнал «Проблемы экономики» № 4 за 1939 г.

² Маркс, К критике политической экономии, Партиздат, 1933, стр. 13.

На место прямого, открытого внеэкономического насилия, присущего рабству и феодализму, капитализм выдвинул формальное равенство, которое фактически является наемным рабством.

«Французский пролетарий,— писал Белинский,— перед законом равен с самым богатым собственником и капиталистом ...Но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче... Собственник, как всякий выскочка, смотрит на работника в блузе и деревянных башмаках, как плантатор на негра. Правда, он не может его насильно заставить на себя работать; но он может не дать ему работы и заставить его умереть с голода»¹.

Герцен отмечал бесчеловечную иронию апологетов капитализма, которые утверждали, что нищий пользуется теми же правами, как Ротшильд. Под угрозой голодной смерти капиталист заставляет формально свободного рабочего продавать свою рабочую силу и создавать для него прибавочную стоимость. Капитализм создает у рабочего иллюзию, что он работает на себя. Маркс писал, что в условиях рабства даже та часть рабочего дня, в течение которой раб отработывал свое скудное содержание, внешне выглядит как работа на рабовладельца. В условиях феодализма труд крепостного крестьянина на себя и на помещика был четко разделен во времени и в пространстве. В условиях же капитализма заработная плата, получаемая рабочим, кажется оплатой всего того труда, который рабочий затратил в течение рабочего дня. Между тем на деле заработная плата является лишь оплатой той части рабочего дня, в течение которой рабочий отработывает стоимость своей рабочей силы. Эта иллюзия работы на себя, порождаемая формой заработной платы, заставляет рабочего тянуться изо всех сил, чтобы обеспечить себе хотя бы жалкий уровень существования. Между тем раб и крепостной, работая на рабовладельца и помещика, старались всячески беречь свои силы, работать как можно хуже и давали крайне низкую производительность труда.

Большим преимуществом капиталистической системы эксплуатации с точки зрения интересов капитала является то, что капиталист, во-первых, всю заботу о воспроизводстве рабочей силы перекладывает на рабочего; во-вторых, в случае кризиса имеет возможность в любой момент выбросить рабочего за ворота.

Капитализм двинул вперед развитие производительных сил благодаря тому, что привел «в движение,— по выражению Энгельса,— самые низменные стремления и страсти людей»².

Одной из наиболее сильных страстей, порожденных капитализмом, является неутолимая жажда прибавочной стоимости. Как ни была жестока и унижительна эксплуатация раба и крепостного, она все же имела границы, обусловленные натуральным в основном характером докапиталистических форм хозяйства. Правда, в древнем мире и в средние века, когда шла речь о меновой стоимости, эксплуатация достигала крайней степени. В этих случаях имел место, по словам Маркса, насильственный труд, убивающий работника.

Но если в докапиталистических формациях это было исключением, то в капиталистическом обществе стало правилом. Капиталист, по словам Маркса, чувствует себя как великий завоеватель, который с каждой новой страной завоевывает лишь новую границу.

Безграничная жажда прибыли может быть удовлетворена лишь за счет расширения производства прибавочной стоимости, т. е. за счет

¹ Белинский, Собр. соч., СПб., 1907, т. VIII, стр. 471.

² Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партгиздат, 1932, стр. 179.

увеличения масштабов эксплуатации рабочих. Отсюда вытекает глубокий антагонизм между двумя основными классами капиталистического общества — между капиталистами и рабочими, который по мере развития капитализма все более и более обостряется.

Капитализм возникает на базе разложения мелкого производства. Сначала он овладевает производством формально, не изменяя его техники. На этом этапе господствующим методом производства прибавочной стоимости является метод абсолютной прибавочной стоимости, получаемой путем удлинения рабочего дня.

Затем в погоне за прибавочной стоимостью капитализм начинает постепенно создавать адекватную себе техническую базу в виде машинной индустрии.

При этом он проходит три стадии: простую кооперацию, мануфактуру и фабрику. Указанные три стадии в развитии капитализма в промышленности суть в то же время стадии в развитии относительной прибавочной стоимости, получаемой путем снижения стоимости рабочей силы, уменьшения необходимого времени и удлинения прибавочного времени.

По мере развития капиталистической техники рабочий все более и более превращается в придаток к машине; завершается, углубляется и обостряется противоположность между умственным и физическим трудом.

Труд рабочего все более и более упрощается и лишается всякого интеллектуального содержания. Пропасть между людьми умственного и физического труда возрастает.

«Первоначальное различие,— говорит Маркс в «Нищете философии»,— между носильщиком и философом менее значительно, чем между цепной и борзой собакой. Пропасть между ними вырыта разделением труда»¹.

Все это делает труд в условиях капитализма вдвойне, втройне тяжелым бременем для рабочего.

Капитализм, как мы видели, ликвидируя внеэкономическое принуждение и заменяя плетку надсмотрщика угрозой голодной смерти, заставляет рабочего работать из последних сил и таким путем добивается бесконечно более высокой интенсивности и производительности труда, чем предшествующие ему способы производства. Однако капитализм не в состоянии и в малой степени разбудить те неограниченные возможности подъема производительных сил, которые дремлют в недрах общественного труда и которые могут быть вызваны к жизни лишь диктатурой рабочего класса.

Капитализм завершает веками и тысячелетиями развивавшийся процесс отделения города от деревни. Он порождает новые факторы, которые до крайней степени углубляют и обостряют противоположность между городом и деревней. Эти факторы заключаются в двоякого рода монополии: 1) монополии на землю как на объект капиталистического хозяйства и 2) монополии частной собственности на землю. Первая порождает дифференциальную ренту, вторая — абсолютную. Благодаря дифференциальной ренте I землевладельцы имеют возможность облагать налогом более производительный труд, затрачиваемый на лучших землях; благодаря дифференциальной ренте II землевладельцы облагают данью технический прогресс капиталистического земледелия; благодаря абсолютной ренте они облагают его отсталость.

Все это и в особенности существование частной собственности на землю и абсолютной ренты до крайности углубляет и обостряет

¹ Маркс, Нищета философии, Соцэжгиз, 1931, стр. 120.

антагонистическое противоречие между городом и деревней. Отсталость земледелия связана с сохранением феодально-крепостнических пережитков. Противоположность между городом и деревней со всей силой бьет по основным массам крестьянства и по рабочему классу.

Жажда прибавочной стоимости приводит к ожесточенной конкуренции между капиталистами. В процессе этой ожесточенной конкурентной борьбы крупные капиталистические акулы пожирают своих более слабых собратьев.

Жажда прибавочной стоимости и конкуренция — это те силы, которые лежат в основе капиталистического расширенного воспроизводства, в основе развития производительных сил.

Основной чертой докапиталистических формаций было неизменное сохранение старого способа производства, простое воспроизводство. Расширенное воспроизводство было лишь эпизодическим явлением. «Законом докапиталистических способов производства является повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников. Напротив, законом капиталистического производства является постоянное преобразование способов производства и безграничный рост размеров производства»¹.

Однако капитализм не только таит в себе силы,двигающие вперед развитие производительных сил, он вызывает к жизни также и силы, тормозящие это развитие. Трагедия буржуазии состоит в том, что защищаемый ею как святое святы принцип частной собственности и частнокапиталистического присвоения находится в непримиримом противоречии с растущим обобществлением производства, которое вырастает на основе этого принципа.

Противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения и является основным противоречием капитализма. Это основное антагонистическое противоречие капитализма является той специфической формой, в которой выражается противоречие между производительными силами и производственными отношениями в условиях капиталистического строя.

В противоположность всем докапиталистическим способам производства, опиравшимся на ремесленные орудия труда, рассчитанные на индивидуальное применение, капитализм базируется на орудиях труда, требующих коллективного употребления. В докапиталистических формациях ремесленный характер орудий труда допускал лишь простую кооперацию.

На базе новой машинной техники капитализм неизмеримо шире развивает как простую, так и в особенности сложную кооперацию рабочих в процессе производства.

Капитализм порождает тенденцию к концентрации и централизации производства. Производство все более сосредоточивается на крупнейших предприятиях, где работают тысячи и десятки тысяч рабочих. При этом крупные предприятия в процессе конкурентной борьбы поглощают мелкие.

Обобществление капиталистического производства находит свое выражение в росте общественного разделения труда, в специализации общественного труда. Промышленность добывающая отделяется от обрабатывающей и каждая из них разбивается на множество отдельных отраслей.

¹ Ленин, Соч., т. III, стр. 39.

Уделом докапиталистических способов производства были узость и ограниченность рынка. Рост капиталистического производства создает громадный национальный и мировой рынок. Все это — признаки капиталистического обобществления производства.

Между тем продукты этого обобщественного производства, благодаря частной собственности на средства производства, присваиваются кучкой капиталистов и используются ими не в интересах всего общества, а в интересах собственной наживы и во вред обществу, служат в их руках орудием угнетения и порабощения трудящихся.

В силу этого законом капиталистического расширенного воспроизводства является относительное и абсолютное обнищание рабочего класса и трудящихся масс.

Из основного противоречия капитализма, на базе которого происходит накопление капитала, неизбежно вытекает рост и обострение глубочайшего антагонизма между основными классами капиталистического общества — буржуазией и пролетариатом.

Чем больше обобществляется капиталистическое производство, тем больше оно приходит в конфликт с частнокапиталистической формой присвоения.

Это основное антагонистическое противоречие капиталистического общества находит свое выражение в ряде других производных от него противоречий, в противоречии между организованностью внутри отдельного капиталистического предприятия, подчиненной деспотической власти капиталиста, и анархией, господствующей во всем капиталистическом хозяйстве в целом, а также в противоречии между тенденцией к безграничному расширению производства и падением платежеспособного спроса трудящихся масс.

В погоне за прибылью и под влиянием конкуренции капиталисты стремятся расширять производство, выбрасывать на рынки все больше и больше товаров. Но в то же время рост капиталистического производства сопровождается, как мы видели, обнищанием трудящихся масс, что ведет к понижению их покупательной способности и периодическому перепроизводству товаров, не находящихся сбыта. В результате разражается кризис. В кризисах наиболее ярко выражается основное противоречие капитализма, противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

Небольшая кучка капиталистов владеет громадными общественными производительными силами. Но используются эти общественные производительные силы капиталистами в интересах личной наживы и в ущерб всему трудящемуся человечеству.

Достаточно указать хотя бы на мировой экономической кризис 1929 г., потрясший до основания весь капиталистический мир и вызвавший огромное разрушение производительных сил. По приблизительным подсчетам, за несколько лет мирового экономического кризиса количество уничтоженных предметов потребления достаточно для того, чтобы одеть и прокормить 30 миллионов человек. В то время как капиталисты подвергли варварскому уничтожению горы ценнейшего продовольствия, в результате мирового экономического кризиса 24 миллиона безработных были обречены на голод, нищету, мучения. От аграрного кризиса страдали десятки миллионов крестьян¹.

Во время кризиса ежегодно 2 400 тысяч человек умирали от голода, а 1 200 тысяч кончали из-за голода самоубийством. Это ли

¹ См. Историю ВКП(б), стр. 287.

не яркое выражение острого конфликта между производительными силами, выросшими в недрах капитализма, и старыми отжившими капиталистическими производственными отношениями, базирующимися на частной собственности на средства производства?

Пройдя стадию промышленного капитализма, капиталистический строй вступил в период монополистического капитализма, в период империализма, в период наивысшего обострения всех противоречий капитализма.

Эпоха империализма прежде всего породила острое противоречие между монополией и конкуренцией, резко обострила неравномерность развития капитализма и тем самым сделала возможной победу социалистической революции и построение социализма в одной стране. Империализм обострил противоречие между рабочим классом и буржуазией, между крестьянами и помещиками, резко усилил борьбу за передел мира между крупнейшими империалистическими державами, углубил противоречия между империалистическими державами и колониальными и полуколониальными странами. Империализм — это паразитический, загнивающий, умирающий капитализм и в то же время — канун социальной революции пролетариата.

Империализм до крайности обостряет основное противоречие капитализма, ибо, с одной стороны, доводит концентрацию и централизацию производства до создания крупнейших монополий, охватывающих иногда целые отрасли производства не только в масштабе одной страны, но и нескольких стран, а с другой — в огромной степени усиливает власть частнокапиталистической собственности и частнокапиталистического присвоения. Монополии превращаются в руках магнатов финансового капитала в мощное орудие конкурентной борьбы одних монополистов с другими монополистами и с аутсайдерами: монополии являются орудием невиданного гнета и порабощения трудящихся. В результате растет возмущение пролетариата против капиталистического наемного рабства, нарастают элементы социалистической революции. Капитализм по мере своего развития создает предпосылки для своей гибели, для победы пролетариата и построения коммунистического общества.

В чем заключаются эти предпосылки? Они заключаются в росте производительных сил и обобществлении производства. Коммунизм нельзя было создать на базе ремесленной техники и раздробленного мелкого производства или примитивной простой кооперации, свойственных всем предшествовавшим капитализму формациям. Обобществляя производство, капитализм тем самым обобществляет и самих участников производства. Создавая крупные капиталистические предприятия, он концентрирует огромные массы рабочих. Будучи объединены самим процессом труда, рабочие противопоставят единовластию капитала уже не как разрозненные мелкие производители, а как единый коллектив, объединенный общими классовыми интересами. В капиталистическом обществе рабочему приходится не только с боем добиваться малейшего улучшения своего положения, но и отстаивать свой полунищенский уровень существования от дальнейшего снижения. Капиталистические законы стоимости рабочей силы и заработной платы осуществляются в процессе ожесточенной классовой борьбы. Капитализм снижает заработную плату ниже стоимости рабочей силы. Законом капиталистического расширенного воспроизводства является создание резервной армии безработных, относительное и абсолютное снижение жизненного уровня рабочих. Поэтому рабочему классу приходится вести ожесточенную классовую борьбу, чтобы приблизить заработную плату хотя бы к уровню, соответствующему стоимости рабочей силы.

Циклическое развитие капитализма, который регулярно проходит периоды кризисов, депрессий, подъема, кончающегося еще более острым кризисом, ставит рабочие массы в крайне неустойчивое положение. Огромные массы рабочих то и дело выбрасываются за ворота фабрик и заводов и пополняют ряды безработных. В поисках работы рабочий вынужден постоянно менять свою профессию, переезжать из одного конца страны в другой, эмигрировать в чужие страны. Все это создает подвижность рабочего населения, расширяет кругозор рабочего, обогащает его опытом классовой борьбы. Всюду, куда только ни бросает рабочего стихия капиталистического хозяйства, он встречает одну и ту же гнетущую силу капитала, с которой ему всюду приходится вступать в бой. В процессе борьбы с капиталом рабочий класс всё более сплачивается, организуется, осознает свои классовые интересы и свою великую историческую миссию — могильщика буржуазии и создателя нового, бесклассового коммунистического строя.

В борьбе за низвержение капиталистического наемного рабства рабочий класс находит себе союзника в лице эксплуатируемого крестьянства, которое под его руководством превращается в очень важный фактор социалистической революции.

Так капитализм в процессе своего развития создает объективные и субъективные предпосылки для победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата.

Из существа капиталистического способа производства и присущих ему стихийных законов вытекает ограниченная роль буржуазного государства в экономическом развитии.

Буржуазное государство не владеет средствами производства: фабриками, заводами, землей. Все это находится в частной собственности капиталистов и помещиков.

«Государство,— говорит товарищ Сталин,— возникло на основе раскола общества на враждебные классы, возникло для того, чтобы держать в узде эксплуатируемое большинство в интересах эксплуататорского меньшинства. Орудия власти государства сосредоточивались, главным образом, в армии, в карательных органах, в разведке, в тюрьмах. Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме. Так обстоит дело при капитализме»¹.

Отсюда следует, что буржуазное государство не может сознательно руководить процессом экономического развития капитализма, ибо оно не управляет важнейшими рычагами этого развития. Роль буржуазного государства сводится к тому, что оно своими мероприятиями может или ускорять развитие производительных сил или тормозить его. Как ни бесчеловечны и отвратительны были методы государственного насилия, применявшиеся господствующими классами в эпоху первоначального накопления капитала, но они в то время все же играли прогрессивную роль. Государственное насилие, по остроумному выражению Маркса, в тот период сыграло роль повивальной бабки, ускорившей родовые муки нового буржуазного общества.

В период промышленного капитализма передовая буржуазия и ее

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 55.

идеологи — классики буржуазной политической экономии, безгранично верившие в стихийные силы капиталистического развития, старались свести роль буржуазного государства к роли ночного сторожа, обязанного бдительно охранять частную собственность капиталистов, обуздывать рабочих и избегать вмешательства в экономическую жизнь. В период империализма буржуазное государство играет глубоко реакционную роль. Вопреки законам экономического развития оно старается повернуть вспять колесо истории, обезглавить и закабалить главную прогрессивную силу современного общества — рабочий класс, задержать неумолимо надвигающуюся мировую революцию, призванную разрешить переживаемый капиталистическим обществом острый конфликт между производительными силами и производственными отношениями. В то же время, стремясь к безудержным захватам чужих земель в интересах финансового капитала и подчиняя всю экономику целиком и полностью задачам войны, буржуазные государства дают одностороннее военное направление всему народному хозяйству за счет резкого сокращения производства предметов потребления и тем самым резкого сокращения народного потребления. Насиловать экономику, доводя эксплуатацию трудящихся до невиданных размеров и ввергая их в бездну голода и нищеты, буржуазия до последних пределов обостряет все противоречия капитализма. Диким террором она временно загоняет эти противоречия внутрь и не дает им разрешиться. Но это может привести только к тому, что революционный взрыв этих противоречий будет особенно острым и катастрофическим.

Все это подтверждает гениальное предвидение Маркса и Энгельса, которые писали в «Коммунистическом манифесте», что современное буржуазное общество походит на волшебника, который не в состоянии справиться с подземными силами, вызванными его заклинаниями.

Производительные силы, выросшие в недрах капитализма, и прежде всего главная производительная сила — революционный рабочий класс — находятся в остром и непримиримом конфликте с капиталистическими производственными отношениями и требуют замены их новыми, социалистическими производственными отношениями. И как бы капиталистический зверь ни пытался диким террором и захватническими войнами помешать развитию социалистической революции, все же она придет и сметет капиталистическую систему наемного рабства, как это уже совершилось на одной шестой части земного шара, в СССР. Это будет день страшного суда для буржуазии, день, про который Маркс и Энгельс писали в «Немецкой идеологии», что его утренней зарей будет «заревое пылающих городов, когда.. раздается мелодия марсельезы и карманьолы...», а такт будет отбивать гильотина»¹.

Социалистический строй

Все революции, предшествовавшие социалистической, были революциями, приводившими лишь к смене одной формы эксплуатации трудящихся другой. Рабовладельческую эксплуатацию сменила феодальная, феодальную — эксплуатация капиталистическая. «Только Октябрьская революция поставила себе целью — уничтожить всякую эксплуатацию и ликвидировать всех и всяких эксплуататоров и угнетателей»².

Все досоциалистические формации, за исключением первобытно-

¹ Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат, 1933, стр. 60.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 527.

общинного строя, зарождались вначале как уклад в предшествующих им формациях, а затем, путем революции, новый уклад становился господствующим.

Социалистический уклад не может зародиться в капиталистическом обществе. В недрах капитализма создаются лишь предпосылки для построения социализма. Социалистический уклад возникает после победы социалистической революции и экспроприации экспроприаторов. Опираясь на социалистический уклад, диктатура пролетариата, руководимая коммунистической партией, в непримиримой борьбе с капиталистическими элементами строит коммунистическое общество. Отсутствие готовых, сложившихся социалистических отношений непосредственно после революционного переворота, наличие многоукладности в экономике страны, наличие разбитых, но не уничтоженных до конца эксплуатируемых классов обуславливают необходимость переходного периода между капитализмом и коммунизмом. Задача этого переходного периода — сломить сопротивление и уничтожить до конца эксплуататорские классы, утвердить безраздельное господство социалистической собственности, социалистических производственных отношений во всех сферах народного хозяйства, а затем построить полное коммунистическое общество.

В СССР окончательно и бесповоротно победил социалистический строй. Созданы новые, социалистические производительные силы и производственные отношения. Экономической основой СССР является социалистическая собственность на средства и орудия производства. В СССР создана мощная социалистическая индустрия и крупнейшее в мире, вооруженное передовой техникой социалистическое земледелие в виде колхозов и совхозов. В СССР ликвидированы эксплуататорские классы и навсегда уничтожена эксплуатация человека человеком. Главная производительная сила общества — рабочий класс и трудящееся крестьянство — впервые в истории человечества перестает быть объектом эксплуатации и получает возможность работать не на своих классовых врагов — капиталистов и помещиков, а на себя, на свое, социалистическое общество. В СССР выросла новая, социалистическая интеллигенция, которая служит народу.

Производственные отношения социалистического общества являются отношениями товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи. Производительные силы социалистического общества представляют собой новые производительные силы, невиданные еще в истории человечества, ибо главная производительная сила общества — рабочие и крестьяне — работает при помощи средств производства, составляющих собственность общенародную и колхозно-кооперативную, а не частную собственность капиталистов и помещиков.

Отсюда вытекает совершенно иное отношение со стороны рабочих и крестьян к труду и к средствам производства. Если для раба, крепостного крестьянина и наемного рабочего — раба капитала — труд является проклятием, то для рабочих, крестьян и интеллигенции СССР труд — это дело чести, доблести и геройства. Поэтому в СССР все шире разворачивается стахановское движение, выражающее собой высший этап социалистического соревнования, новый подъем производительности труда.

Социалистические производственные отношения, основанные на общественно-социалистической собственности на средства производства, порождают новые закономерности и новые, невиданные до сих пор в истории факторы развития производительных сил. Основной силой, преобразующей капиталистическую экономику в социалистиче-

скую, является диктатура рабочего класса. Государственной формой диктатуры рабочего класса является советская власть — государство рабочих и крестьян. Глубочайшее отличие социалистического государства рабочих и крестьян от буржуазного государства заключается прежде всего в иной социально-классовой природе. Если буржуазное государство, как мы видели, является, по образному выражению Маркса, комитетом по заведыванию делами буржуазии, то социалистическое государство есть государство рабочих и крестьян, в котором руководящая роль принадлежит передовой части советского общества — рабочему классу. Если классовая природа буржуазного государства диктует ему задачу всемерного укрепления частнокапиталистической собственности на средства производства, то природа социалистического государства диктует ему разрешение величайшей всемирно-исторической задачи уничтожения эксплуатации человека человеком и построения коммунизма. В прямую противоположность капиталистическому государству социалистическое государство, в основе которого лежит общественная социалистическая собственность на средства производства, держит в своих руках экономические командные высоты, основные рычаги экономического развития. Отсюда вытекает глубочайшее различие в экономической роли буржуазного и социалистического государств.

Капиталистическая экономика развивается стихийно. Буржуазное государство может своими мероприятиями лишь содействовать этому развитию или тормозить его. В настоящее время буржуазное государство превратилось в величайший фактор регресса, тормозящий рост производительных сил. Социалистическое государство, напротив, является основным фактором бурного расцвета производительных сил, сознательно, в порядке планового руководства, направляет развитие социалистической экономики по пути к коммунизму.

Буржуазное государство выражает интересы отжившего, обреченного на гибель класса капиталистов. Объективный ход исторического развития давно работает против него, создавая предпосылки для победы социалистической революции. Социалистическое государство выражает интересы революционного класса — рабочего класса, совершившего величайший в мире переворот, свергнувшего путем революций капитализм и строящего коммунизм. Интересы рабочего класса отображают все прогрессивное в объективном ходе общественного развития и совпадают с правильно понятыми интересами всего угнетенного человечества. Рабочий класс всемерно заинтересован в объективном изучении законов общественного развития. Только на основе изучения этих законов он может выполнить свою великую историческую миссию. Именно поэтому рабочий класс является последователем самой передовой и единственно научной теории марксизма-ленинизма, которая освещает ему путь и служит мощным орудием познания и революционного изменения мира.

Капиталистический строй, основой которого является частная собственность на средства производства, порождает классы и непримиримые классовые противоречия. Социализм, уничтожая частную собственность на средства производства и ликвидируя эксплуататорские классы, тем самым создает морально-политическое единство всего народа, являющееся величайшей движущей силой нашего развития, громадным фактором в борьбе за построение коммунизма.

Наряду с классовыми антагонизмами, вырастающими на базе частной собственности на средства производства, в условиях капитализма господствуют национальный гнет и эксплуатация.

Социализм уничтожает национальное неравенство и угнетение и создает братское содружество различных национальностей. Дружба

народов СССР есть другая движущая сила развития советского общества. В капиталистическом мире государство и народ противостоят друг другу как враждебные, антагонистические силы. Мысли и надежды огромных масс угнетенного человечества обращаются к СССР — отечеству всех трудящихся. СССР — это доподлинная родина всего угнетенного человечества. Выполняя свою первую заповедь по защите родины, советские патриоты охраняют не только завоеванную ими счастливую жизнь, но и отстаивают интересы трудящихся всего мира. Растущий советский патриотизм — такова следующая движущая сила советского общества. Таковы преимущества социалистического государства рабочих и крестьян, превращающие его в огромную экономическую и политическую силу.

Социалистическая собственность на средства производства является основой планового развития социалистической экономики в противоположность капиталистической анархии. Впервые в истории производительные силы начинают развиваться на основе планового руководства социалистическим строительством. В связи с этим в огромной степени возрастает роль теории. Меняются как существо закономерностей общественного развития, так и формы их проявления.

До сих пор во всех общественных формациях возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходило «...не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей»¹.

Со времени победы Октябрьской социалистической революции и установления диктатуры рабочего класса развитие производительных сил и соответствующих им производственных отношений в СССР совершается в результате преднамеренной, сознательной деятельности диктатуры рабочего класса, руководимой коммунистической партией.

«Коммунизм, — говорят Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», — отличается от всех прежних движений тем, что совершает переворот в основе всех прежних производственных отношений и отношений общения и впервые сознательно рассматривает все стихийно возникшие предпосылки как создания предшествующих людей, лишает их стихийности и подчиняет их мощи объединившихся индивидов»².

Диктатура рабочего класса, руководимая коммунистической партией, может сознательно направлять ход общественного развития по пути к коммунизму, потому что она: 1) обладает всей полнотой политической власти и пользуется сочувствием и поддержкой многомиллионного советского трудового народа, 2) опирается на безраздельно господствующую теперь социалистическую собственность и 3) вооружена самой передовой и единственно научной теорией марксизма-ленинизма, вооружена знанием законов экономического развития общества.

Троцкисты и бухаринцы в целях реставрации капитализма в нашей стране пытались перенести стихийные законы развития капитализма на социалистическую экономику, они проповедывали контрреволюционную теорию самотека в социалистическом строительстве. Наша партия разгромила троцкистско-бухаринскую банду и обеспечила победу социализма в нашей стране, а троцкисты и бухаринцы окончательно превратились в наемную шайку диверсантов, шпионов и

¹ История ВКП(б), стр. 123.

² Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат, 1933, стр. 60.

убийц. Однако тот факт, что диктатура рабочего класса, руководимая коммунистической партией, сознательно и преднамеренно направляет развитие производительных сил и производственных отношений, отнюдь не означает, что для нее не существует законов экономического развития общества или она может с ними не считаться.

Наша партия во главе с товарищем Сталиным всегда вела непримиримую борьбу с упрощенным волюнтаристическим пониманием закономерностей развития социалистической экономики, суть которого прекрасно охарактеризовал товарищ Сталин в своей статье «Головокружение от успехов» как попытки забежать вперед, перепрыгнуть через этапы, «...добежать «в два счета» до полной победы социализма: «Мы все можем!», «Нам все нипочем!»¹.

Такое понимание закономерностей социалистической экономики является теоретическим оправданием левацких загибов, приводит к умалению роли и значения теории.

С победой социалистической революции и установлением диктатуры рабочего класса прекращается действие стихийных законов товарно-капиталистического хозяйства. Диктатура рабочего класса, экспроприруя экспроприаторов, получает в свои руки экономические командные высоты, создает социалистический уклад, опираясь на который она направляет все развитие переходной экономики в сторону роста социалистических элементов и вытеснения, а затем и полного уничтожения капиталистических элементов. Социалистические производственные отношения, с присущими им новыми закономерностями развития, складываются и укрепляются в ожесточенной борьбе с капиталистическими элементами. Вместе с тем в ходе расширенного воспроизводства социалистических производственных отношений преодолевается и мелкобуржуазная стихия. Мелкое крестьянское хозяйство с его «товарно-капиталистической тенденцией» (Ленин), рождающее капитализм, преобразовывается диктатурой рабочего класса в крупное социалистическое хозяйство, отрицающее стихийность и развивающееся на основе плана. Новые, сознательно применяемые в практике социалистического строительства закономерности социалистического развития завоевывают себе место, растут и крепнут в непримиримой борьбе со старыми товарно-капиталистическими закономерностями и тенденциями.

Так диктатура рабочего класса уничтожает стихийный закон движения товарно-капиталистического хозяйства — закон стоимости и цены производства — и заменяет его сознательным плановым руководством социалистическим народным хозяйством. Социализм ликвидирует капиталистическое деление рабочего времени на необходимое и прибавочное, ликвидирует закон стоимости рабочей силы и заработной платы, а также закон прибавочной стоимости. Рабочая сила в условиях социализма перестает быть товаром.

Весь труд, затрачиваемый на социалистических предприятиях, является необходимым трудом, так как ни одна часть его не попадает в карманы капиталистов. Созданный в социалистическом обществе общественный продукт распределяется социалистическим государством на фонд возмещения потребленных средств производства, фонд накопления социалистического расширенного воспроизводства, фонды общественного и личного потребления трудящихся.

Фонд личного потребления распределяется согласно социалистическому принципу: с каждого по способностям, каждому по труду.

Фонд социалистического расширенного воспроизводства обеспечивает дальнейший подъем производительных сил, укрепление и разви-

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 323.

тие социалистических производственных отношений. Социалистические производственные отношения создают новые, невиданные досих пор в истории стимулы и факторы подъема производительных сил. На этой почве вырастает социалистическое соревнование и стахановское движение.

Если законом капиталистического расширенного воспроизводства является рост резервной армии безработных, относительное и абсолютное обнищание рабочего класса и трудящихся масс крестьянства, то законом социалистического расширенного воспроизводства является обеспечение всем трудящимся права на труд и неуклонный рост благосостояния и культурного уровня трудящихся.

Диктатура рабочего класса овладевает такими инструментами капиталистического хозяйства, как торговля, деньги, кредитная система, и, подчиняя эти инструменты интересам растущего социализма, тем самым в корне меняет их социальную природу, превращая из орудий буржуазной экономики в орудия социалистического строительства.

Социализм, ликвидируя частную собственность на средства производства и частнокапиталистическое присвоение, уничтожает основное противоречие капитализма—между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения—и порождаемые этим противоречием капиталистические кризисы. Законом социализма является бескризисное развитие социалистической экономики.

В СССР «...производственные отношения находятся в полном соответствии с состоянием производительных сил, ибо общественный характер процесса производства подкрепляется общественной собственностью на средства производства»¹.

Означает ли это, что основной закон диалектического материализма о развитии путем противоречий уже неприменим к нашей экономике? Нет, не означает. Без противоречий невозможно никакое движение, никакое развитие. «Развитие,—говорил Ленин,—есть «борьба» противоположностей»². Энгельс в письме Конраду Шмидту обрушивается на тех, кто склонен будущее социалистическое общество представлять «...раз навсегда установленной, определенной, неизменной вещью, а не чем-то таким, что постоянно меняется и прогрессирует»³.

Товарищ Сталин неоднократно подчеркивал, что общественная жизнь находится в вечном движении и что основой нашего движения является борьба между старым и новым, между отмирающим и зарождающимся. «Наше продвижение,—говорил товарищ Сталин в своем докладе на XV съезде ВКП(б),—протекает в порядке борьбы, в порядке развития противоречий, в порядке преодоления этих противоречий, в порядке выявления и ликвидации этих противоречий. ...Всегда у нас что-либо отмирает в жизни... Но то, что рождается, рождается не просто, а пищит, кричит, отстаивая свое право на существование. Борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся,—вот основа нашего развития»⁴.

Таким образом, построение коммунистического общества осуществляется государством рабочих и крестьян на основе сознательного разрешения и устранения противоречий, возникающих в ходе социалистического строительства. При этом необходимо различать два

¹ История ВКП(б), стр. 122.

² Ленин, Философские тетради, Партиздат, 1933, стр. 325.

³ Маркс и Энгельс, Письма, Соцэжгиз, 1931, стр. 372.

⁴ Сталин. Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б), Партиздат, 1936, стр. 42—43.

периода: до и после ликвидации эксплуататорских классов и построения социалистического общества. Остановимся сначала на первом периоде. В течение первого периода у нас еще имелись капиталистические элементы и антагонистические противоречия, которые нам приходилось разрешать в процессе острой классовой борьбы. Главными функциями советского государства были функции подавления свергнутых классов внутри страны и обороны ее от нападения извне. Третья функция — хозяйственно-организационная и культурно-воспитательная — в то время еще не получила серьезного развития.

Какие же противоречия приходилось разрешать диктатуре рабочего класса, руководимой коммунистической партией, в борьбе за ликвидацию эксплуататорских классов и построение социалистического общества? Основное противоречие переходного периода — это борьба между растущим коммунизмом и гибнущим капитализмом. Переходной период, писал Ленин, «не может не быть периодом борьбы между умирающим капитализмом и рождающимся коммунизмом...»¹ На разных этапах построения коммунистического общества борьба между растущим коммунизмом и гибнущим капитализмом принимает различные формы.

В результате победы Октябрьской социалистической революции в России был низвергнут капиталистический строй и установлена диктатура пролетариата. Возникло противоречие между самой передовой формой политической власти — советской властью — и отсталой экономикой, в которой сочеталось пять укладов: патриархальный, мелкотоварный, частнокапиталистический, государственно-капиталистический и социалистический. Причем численно преобладал мелкотоварный уклад, служивший базой для развития капиталистических отношений.

Борьба между умирающим капитализмом и растущим коммунизмом породила двоякого рода противоречия: антагонистическое противоречие между социалистическим и капиталистическим укладами и неантагонистическое противоречие между социалистическим и мелкотоварными укладами. Почему противоречие между рабочим классом и крестьянством нельзя считать антагонистическим противоречием? Потому что крестьянин, с одной стороны, труженик, подвергающийся в условиях капитализма эксплуатации и в своей массе обреченный на разорение, пролетаризацию; с другой стороны, он — собственник, тяготеющий к буржуазии или, как выражается Ленин, имеющий товарно-капиталистическую тенденцию. На основе союза рабочего класса с крестьянством, под руководством рабочего класса, товарно-капиталистическая тенденция может быть преодолена, и крестьянство с рельсов частной собственности может быть переведено на социалистический путь развития. Это блестяще доказано в практике нашего социалистического строительства.

Путь разрешения противоречий между двумя разными экономическими основами советской власти (крупная социалистическая промышленность, с одной стороны, и мелкая частнособственническая — с другой) был намечен Лениным и Сталиным в их учении о нэпе, в ленинском кооперативном плане, который был развит и воплощен в жизнь гением Сталина. «Нэп, — по классическому определению товарища Сталина, — есть особая политика пролетарского государства, рассчитанная... на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанная... на постройку фундамента социалистической экономики»².

¹ Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 507.

² Сталин, Об оппозиции, ГИЗ, 1926, стр. 211.

Чтобы построить фундамент социалистической экономики, надо было создать крупную социалистическую индустрию и крупное коллективное социалистическое земледелие, т. е. обеспечить преобладание силам социализма над силами капитализма как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. «Социалистическая индустриализация страны — таково то основное звено, с которого нужно начать разворот строительства социалистического народного хозяйства»¹.

Успешно справляясь с этой задачей, страна взялась за решение другого противоречия — противоречия между двумя разными основами, на которых базировалась советская власть, между крупной социалистической промышленностью, уничтожившей капитализм, и мелким единоличным крестьянским хозяйством, которое порождало капитализм.

Это противоречие было разрешено под руководством нашей партии и непосредственно товарища Сталина путем проведения коллективизации сельского хозяйства и ликвидации на этой основе кулачества как класса. «Это был глубочайший революционный переворот... равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в Октябре 1917 года»².

Глубоко диалектический подход к изучению советской экономики помогал товарищу Сталину на каждом повороте нашего социалистического строительства улавливать ростки новых социалистических отношений, развивающихся в непримиримой борьбе с отживающими капиталистическими элементами, и гениально предвидеть переход количественных изменений в качественные. Так, уже в 1930 г., ко времени XVI партийного съезда, количественный рост социалистических элементов в промышленности и сельском хозяйстве привел к новому качеству. Социалистические элементы получили абсолютное преобладание во всем нашем хозяйстве в целом. Это обстоятельство дало основание товарищу Сталину поставить вопрос о том, что СССР вступил в период социализма, хотя еще и не вышел из переходного периода. В то время создание фундамента социалистической экономики еще не было завершено, так как в сельском хозяйстве социалистические элементы еще не получили абсолютного преобладания и не было еще разрешено противоречие между двумя основами — крупной социалистической промышленностью, которая уничтожает капитализм, и мелким единоличным крестьянским хозяйством, которое рождало капитализм. В 1931 г. социалистические элементы получили абсолютное преобладание не только в промышленности и во всем хозяйстве в целом, но и в области сельского хозяйства. Тем самым было разрешено противоречие между двумя основами и был построен фундамент социалистической экономики. Противоречие между растущим коммунизмом и умирающим капитализмом и борьба между ними вступили в новую фазу.

Благодаря построению фундамента социалистической экономики были созданы условия для окончательной ликвидации эксплуататорских классов и причин, порождающих классовые различия, для создания социалистического общества — первой фазы коммунизма. Капиталистические элементы гнездились, главным образом, в области сельского хозяйства. Поэтому для осуществления задачи ликвидации капиталистических классов и построения социализма надо было завершить коллективизацию сельского хозяйства. Но «...капиталистические элементы города и села нужно было бить и доканать не только новой организацией труда и собственности, но и новой техникой...»³.

¹ История ВКП(б), стр. 261.

² Там же, стр. 291.

³ Там же, стр. 299.

Для этого необходимо было произвести реконструкцию всех отраслей нашего народного хозяйства на основе современной техники. Необходимость такой реконструкции диктовалась также борьбой коммунизма с капитализмом на мировой арене. Эти задачи и были поставлены перед страной во второй пятилетке.

В результате выполнения второй пятилетки была разрешена задача окончательной ликвидации эксплуататорских классов и уничтожения в нашей стране эксплуатации человека человеком. Завершена в основном техническая реконструкция народного хозяйства СССР. «Решена труднейшая задача социалистической революции: завершена коллективизация сельского хозяйства...»¹ СССР вступил в новую полосу своего развития, в период завершения строительства бесклассового социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму. В этом заключается диалектическое своеобразие современной полосы нашего развития. Завершение строительства бесклассового социалистического общества не отделено китайской стеной от построения коммунизма. Перед нами стоит задача завершить построение бесклассового социалистического общества, которое построено в основном. Но уже теперь в нашей экономике растут элементы и создаются предпосылки для перехода к полному коммунизму. Так, например, товарищ Сталин раскрыл в стахановском движении основу уничтожения противоположности между умственным и физическим трудом. Завершение строительства бесклассового социалистического общества явится вместе с тем началом высшей фазы коммунизма.

С ликвидацией эксплуататорских классов и построением в основном социалистического общества были ликвидированы и антагонистические противоречия в нашей экономике. Вместе с тем изменились и функции советского государства. «Теперь основная задача нашего государства внутри страны,— говорит товарищ Сталин,— состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе. Что касается нашей армии, карательных органов и разведки, то они своим острием обращены уже не во внутрь страны, а во вне ее, против внешних врагов»². После ликвидации эксплуататорских классов дальнейшая борьба за завершение строительства социалистического общества и постепенный переход к коммунизму будет в основном совершаться уже на базе неантагонистических противоречий, поскольку речь идет об отношениях внутри страны. «Антагонизм и противоречие,— писал Ленин,— совсем не одно и то же. Первое исчезнет, второе останется при социализме»³.

Если антагонистические противоречия ликвидированы внутри нашей страны, то на мировой арене по отношению к враждебному нам капиталистическому окружению они полностью остаются. «Не ясно ли,— говорил товарищ Сталин на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г.,— что пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств?»⁴. Противоречия, связанные с расширенным социалистическим воспроизводством, являются в основном противоречиями бурного роста, подъема производительных сил. Они разрешаются внутри страны в порядке сознательного, планового руководства социалисти-

¹ Резолюция XVIII съезда ВКП(б) по докладу т. В. Молотова, см. Резолюция XVIII съезда ВКП(б), стр. 7.

² Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 57.

³ Ленинский сборник XI, стр. 357.

⁴ Сталин, О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников, Партиздат, 1937, стр. 11.

ческим строительством. На основе тщательного анализа и учета достигнутого уровня и новых факторов развития производительных сил, порождаемых социалистическими производственными отношениями, социалистическое государство создает на ряд лет вперед план расширенного социалистического воспроизводства и устанавливает определенные пропорции в распределении труда и средств производства между различными отраслями народного хозяйства и отдельными предприятиями. Означает ли это, что в социалистическом плановом хозяйстве не могут возникать отдельные частные диспропорции в развитии народного хозяйства? Нет, не означает. Никакой план не может полностью учесть всех возможностей развития производительных сил, которые таит в себе социалистический труд, социалистическая система производственных отношений.

«Наши планы,— говорит товарищ Молотов,— по подъему производительности труда во второй пятилетке потому оказались перевыполненными, что ни в каком плане нельзя было предусмотреть появление стахановского движения»¹.

Диспропорции, возникающие в процессе социалистического строительства, не имманентны социалистическому расширенному воспроизводству. Социалистическое государство обладает всеми рычагами, необходимыми для обеспечения в плановом порядке правильных пропорций в развитии народного хозяйства. Диспропорции, возникающие в социалистической экономике, могут носить только характер частных диспропорций и отдельных неувязок, являющихся или результатом недостатков в планировании или же результатом непредвиденных планом и открывающихся лишь в ходе выполнения плана новых возможностей подъема производительных сил, вытекающих из социалистического отношения к труду. Социалистическое государство имеет возможность быстро устранить возникающие на отдельных участках социалистического строительства диспропорции, внося коррективы в намеченные планы в процессе их выполнения. Поэтому диспропорции, возникающие в процессе социалистического строительства, не могут из частных диспропорций перерасти в общие и порождать такие явления как кризисы. В этом состоит громадное преимущество социализма перед капитализмом.

Социализм представляет собой первую, низшую фазу коммунизма. Об этой стадии построения коммунистического общества Маркс писал в своей «Критике Готской программы» следующее: «Мы имеем здесь дело не с таким коммунистическим обществом, которое р а з в и л о с ь на своей собственной основе, а с таким, которое, наоборот, только что в ы х о д и т из капиталистического общества и которое поэтому во всех отношениях, в экономическом, нравственном и умственном, сохраняет еще родимые пятна старого общества, из недр которого оно вышло»². К числу этих «родимых пятен старого общества» надо отнести прежде всего остатки противоречий между городом и деревней, между умственным и физическим трудом.

Возьмем противоположность между городом и деревней. Эта противоположность у нас уже подорвана. «Ликвидировав остатки эксплуататорских классов,— говорил т. Молотов в своем докладе на XVIII съезде ВКП(б),— мы создали общество из двух, дружественных друг другу, классов — из рабочего класса и крестьянства... Былая противоположность между городом и деревней уже подорвана в корне, но существенная разница между этими классами еще суще-

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 38.

² Маркс, Критика Готской программы, Партиздат, 1937, стр. 12.

ству»¹. Различия между рабочим классом и крестьянством и порождаемые ими противоречия стираются, но еще окончательно не стерлись. Они вытекают из наличия двух форм социалистической собственности: общенародной и кооперативно-колхозной. Рабочий класс, работающий на предприятиях, составляющих общенародную собственность, является более передовым классом, закаленным всем ходом исторического развития и классовой борьбы, до конца последовательным в осуществлении программы построения коммунистического общества и потому призванным осуществлять руководящую роль в социалистическом строительстве.

Крестьянин ранее, в силу своей двойственной природы, колебался между пролетариатом и буржуазией, между социализмом и капитализмом. С переходом на социалистический путь развития благополучие крестьянина покоится уже не на частной, а на колхозно-кооперативной собственности на средства производства. Но крестьянин имеет еще свое личное подсобное хозяйство и не изжил полностью частнособственнических пережитков в сознании. Это порождает противоречие между личным и общественным в нашем колхозном движении там, где не обеспечено настоящее большевистское руководство колхозом; это ведет к неправильному сочетанию личного и общественного, к раздуванию личного подсобного хозяйства в ущерб развитию колхозного производства, к расхищению колхозной земли, к подрыву колхозной дисциплины и т. д.

Противоречие между умственным и физическим трудом в условиях капитализма носит антагонистический характер. Оно находит свое выражение в усиленной эксплуатации рабочего класса, превращает рабочего в придаток машины. С другой стороны, противоположность между умственным и физическим трудом порождает антагонистическое противоречие между рабочим классом и буржуазной интеллигенцией, помогающей капиталистам эксплуатировать рабочий класс.

В условиях социализма не ликвидирована еще до конца противоположность между умственным и физическим трудом, но она в корне подорвана социалистической революцией и громадным подъемом культурно-технического уровня трудящихся масс и не носит в СССР былого эксплуататорского характера. Рабочий в СССР не является придатком к машине, а становится все более сознательным работником, стремящимся творчески овладеть техникой производства и улучшить процесс организации труда.

Исчезло антагонистическое противоречие между людьми умственного и физического труда, ибо создалась «новая, советская интеллигенция, тесно связанная с народом и готовая в своей массе служить ему верой и правдой», а остатки старой интеллигенции «оказались растворенными в недрах новой, советской, народной интеллигенции»². Однако полное устранение противоположности между умственным и физическим трудом, по словам т. Молотова, «потребует нескольких десятилетий». Мало того, сам рабочий класс, так же как и колхозное крестьянство, не однороден. Среди него имеются герои труда, стахановцы, дающие образцы сознательного, коммунистического отношения к труду, носители грядущего, коммунистического будущего, но имеется и меньшинство отсталых элементов: лодыри, тунеядцы, нарушители дисциплины, рвачи, не освободившиеся от груза пережитков капиталистического прошлого.

Это обстоятельство предвидели еще Маркс и Энгельс: «...револю-

¹ Молотов, Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Доклад и заключительное слово на XVIII съезде ВКП(б), стр. 12.

² Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 60.

ция, — писали они в «Немецкой идеологии», — необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть господствующий класс, но и потому, что свергающий класс только в революции может избавиться от всей старой мерзости и стать способным создать новое общество»¹.

Таким образом, основная борьба между коммунизмом и капитализмом на стадии социализма будет борьбой с пережитками капитализма в сознании людей. Осуществление грандиозного подъема производительных сил, намеченного в третьем пятилетнем плане, успех исторического соревнования коммунизма с капитализмом зависят теперь, в первую очередь, от коммунистически-сознательного отношения к труду, от нашего умения организовать труд и осуществить коммунистическое воспитание всей массы трудящихся.

Является ли социалистический строй самостоятельной общественной формацией?

Решающим признаком социально-экономической формации является способ соединения рабочей силы со средствами производства. Способ соединения рабочей силы со средствами производства при социализме и коммунизме однотипен. И здесь и там в основе лежит общественная собственность на средства производства. Уничтожены эксплуататорские классы и причины, порождающие классовые различия. Социализм есть первая, низшая фаза коммунистической формации, или коммунистического строя. Таким образом, социализм и коммунизм — это не две отличные друг от друга формации, а две фазы, ступени зрелости одной формации — коммунистической.

Для перехода к коммунизму необходимо достигнуть такого высокого уровня производительных сил, который обеспечил бы полное уничтожение противоположности между умственным и физическим трудом, между городом и деревней и обеспечил бы такое изобилие предметов потребления, которое дало бы возможность осуществить коммунистический принцип распределения: «от каждого по способностям, каждому по потребностям».

Во всех антагонистических, эксплуататорских обществах элементарная алчность, говорит Энгельс, «являлась движущей силой цивилизации с ее первого до сегодняшнего дня, да еще богатство и трижды богатство, богатство не общества, а этого отдельного негодного индивидуума, было ее единственной, определяющей целью»².

Интересы общества, потребности трудящегося человечества приносились в жертву алчности небольшой кучки эксплуататоров.

Диктатура рабочего класса открывает новую главу в истории человечества. Своей основной задачей она ставит защиту интересов трудящихся. Впервые в истории человечества труд из проклятия превращается в дело чести, доблести и геройства.

Однако только на высшей стадии коммунизма становится возможным превратить труд в жизненную потребность и подчинить все производство исключительно наилучшему и полному удовлетворению потребностей индивида, всестороннему развитию личности. Развитие производительных сил коммунистического общества будет происходить на основе непрерывного роста новых потребностей. И было бы неправильно думать, что рост потребностей в условиях коммунизма остановится на каком-то определенном уровне.

¹ Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат, 1933, стр. 60.

² Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1932, стр. 179.

Только коммунизм раскрывает полную возможность для распределения по потребностям.

Коммунистическое общество будет стремиться, создавая новые продукты, вводя усовершенствования в процесс производства, вызывать новые потребности. С другой стороны, рост потребностей, обгоняя производство, будет служить могучим стимулом дальнейшего подъема производительных сил.

Рассмотренные нами основные типы производственных отношений являются, таким образом, ступенями того великого исторического пути, по которому человечество через классовые битвы и революции поднимается к вершинам коммунистического общества — общества, которое впервые в истории создает условия для неограниченного роста производительных сил, невиданного подъема материального и культурного уровня всего народа и всестороннего расцвета личности.

Проф. Н. ЦАГОЛОВ

„Программа по истории политической экономии“

Всесоюзный комитет по делам высшей школы при СНК СССР,
Госпланиздат, 1938, 17 стр., тир. 10 000 экз., ц. 30 к.

Рецензируемая программа охватывает историю развития политической экономии от древней Греции до наших дней. Программа состоит из 9 отделов, включающих следующие проблемы: экономическая мысль в древней Греции и в средние века; возникновение буржуазной политической экономии; английская классическая политическая экономия; начало вульгарной политической экономии и буржуазной апологетики; утопический и мелкобуржуазный социализм; учение Маркса и Энгельса; ревизия, вульгаризация и извращение марксизма; историческая школа и другие новейшие вульгарно-апологетические направления буржуазной политической экономии эпохи заката капитализма. Заключительный раздел программы посвящен развитию марксистской политической экономии в работах Ленина и Сталина.

По объему настоящая программа шире предыдущих. В курс вводится больше направлений и течений политической экономии, полнее раскрывается содержание предмета. Но, расширяя программу, авторы не всегда сохраняли чувство меры. Некоторые отделы, в особенности отдел VIII, посвященный эволюции буржуазной политической экономии и современным направлениям, оказались перегруженными именами экономистов, взгляды которых мало оригинальны и не представляют какой-либо значительной вехи в истории политической экономии. Это излишне усложняет задачу преподавания и изучения и без того обширного и сложного курса.

В большей степени, чем предыдущие, данная программа освещает развитие экономической мысли в России. Следует, однако, отметить, что учения русских экономистов даны не в качестве самостоятельных тем, а попутно, в качестве добавлений к основным темам об учениях западных экономистов. Такой порядок изложения учений русских экономистов не может обеспечить выявления всего своеобразия условий развития экономической мысли в России. Имеется и другой пробел — совершенно опущены вопросы эво-

люции русской буржуазной экономической мысли в XX в.

К достоинствам программы можно отнести более детальное и последовательное изложение учений экономистов — предшественников Маркса.

Несмотря на наличие ряда преимуществ по сравнению с ранее выпущенными программами, рассматриваемая нами программа еще не разрешает задач, стоящих перед марксистско-ленинским курсом истории политической экономии.

В объяснительной записке к программе указывается, что «центральными темами курса истории политической экономии являются «Маркс и Энгельс — основоположники научного коммунизма» и «Развитие экономического учения Маркса Лениным и Сталиным» (стр. 1). Преподаватели, читающие курс истории политической экономии, наталкиваются на трудности при прохождении указанных тем. Экономическая теория Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина очень детально изучается в общем курсе политической экономии. Поэтому нецелесообразно в курсе истории политической экономии снова, хотя бы и вкратце, излагать содержание марксистско-ленинской политической экономии (тем более, что курс истории политической экономии читается, после того как студенты закончили общий курс политической экономии). Очевидно, что в курсе истории политической экономии при прохождении тем о Марксе, Энгельсе, Ленине, Сталине следует выпятить те проблемы, которые имеют важное значение для понимания истории марксизма-ленинизма.

В нашей преподавательской практике не достигнута еще полная ясность и единообразие в понимании задач и содержания тем, посвященных учению Маркса — Энгельса и Ленина — Сталина.

По нашему мнению, в теме «Маркс и Энгельс» следовало бы сконцентрировать внимание учащихся и учащихся на следующих вопросах: а) выяснении исторической обстановки, в которой возник и развивался марксизм; б) детальном анализе связи экономиче-

ского учения основоположников марксизма с учениями предшественников и в первую очередь с классической школой в политической экономии; в) показе того переворота, который произвели Маркс и Энгельс в политической экономии, и в связи с этим — на характеристике различий между марксистской и буржуазной политической экономией; г) выяснении связей между теоретической и политической борьбой Маркса и Энгельса и показе живого процесса развития марксизма, происходившего в непримиримой борьбе против вульгарной политической экономии буржуазных и мелкобуржуазных влияний, против Прудона, Лассалья, Дюринга и многих других.

Авторы программы, к сожалению, ограничили содержание данной темы перечислением этапов жизни и деятельности Маркса и Энгельса и характеристикой важнейших методологических принципов марксистской политической экономии. В программе не выявлен боевой дух марксизма, не показана борьба основоположников марксизма против враждебных теорий, не вскрыта связь теоретической и политической борьбы Маркса и Энгельса. Настоящий раздел программы нуждается в коренном пересмотре.

Эти критические замечания могут быть в значительной мере отнесены также к разделу о Ленине и Сталине.

Марксизм-ленинизм выковался в процессе активной борьбы. Творческий марксизм обогащался этой борьбой и обобщал ее. Нельзя ограничиться перечислением основных положений марксовой методологии и теории, необходимо показать исторический процесс и этапы формирования экономического учения марксизма. Только при историческом методе исследования отделов о Марксе и Энгельсе, Ленине и Сталине можно показать «...неразрывное единство, целостность и преемственность учения Маркса и Ленина, единство марксизма-ленинизма...»¹, показать, что ленинизм «есть марксизм эпохи империализма и пролетарской революции»². Только в этом случае может быть правильно понято то новое, что внесено Лениным и Сталиным в сокровищницу марксизма, а также необходимость замены отдельных, устаревших положений марксизма новыми, сформулированными Лениным и Сталиным в условиях империализма и пролетарских революций.

Недостатки отделов программы, посвященных Марксу и Энгельсу, Ленину и Сталину, становятся особенно ясными в свете замечательного исследования исторического развития теории, каким обогатилась марксистско-ленинская наука с выходом «Краткого курса истории ВКП(б)». Необходимость коренной переработки этих отделов программы не подлежит сомнению.

Наряду с указанным главным пороком программы в ней имеется и ряд других недостатков.

В объяснительной записке к программе правильно указывается, что нужно изучать и

объяснять «возникновение отдельных направлений экономической мысли на основе учета социально-экономической и политической обстановки, соотношения классовых сил и форм классовой борьбы...» (стр. 1). Отсюда вытекало чрезвычайно важное требование к составителям программы: исходить из исторических фактов, располагая учения отдельных экономистов и направлений экономической мысли последовательно, в соответствии с действительной историей. Авторы программы должны были подходить к изучаемым идеям и направлениям с точки зрения их развития. Только такое построение курса обеспечивает правильное историческое понимание экономических взглядов, теорий, идей прошлого и предупреждает от схематизма и упрощенства. Между тем эти требования выполнены далеко не достаточно. Так, например, учение Сисмонди оказалось почему-то между разделами о Чернышевском и народниках. Учение народников излагается до Прудона и до Маркса и Энгельса. Такое расположение материала находится в прямом противоречии с действительной историей. Идеальная однородность Сисмонди и народничества, так блестяще выясненная Лениным, не давала права составителям программы ни переносить учение народников 90-х годов в первую половину XIX в., ни излагать взгляды Сисмонди — этого последнего представителя классической политической экономии во Франции — после Чернышевского.

Ленин, вскрывший однородность народничества и мелкобуржуазного романтизма¹, неоднократно подчеркивал особенности народничества и Сисмонди. Установив, что «экономическое учение народников есть лишь русская разновидность обще-европейского романтизма»², Ленин здесь же продолжает: «Понятно само собой, что исторические и экономические особенности России, с одной стороны, и ее несравненно большая отсталость, с другой стороны, вызывают особенно крупные отличия народничества»³.

Разбирая вопрос о взглядах Сисмонди и народников на роль машин в капиталистическом обществе, Ленин указывал, что «решение» этого вопроса Сисмонди «...есть не что иное, как подстановка мелкобуржуазной утопии на место научного анализа капитализма»⁴.

Однако Ленин дает различную оценку родственным в своей основе взглядам Сисмонди и народников: «Сисмонди нельзя винить в том, что он не произвел такого анализа. Исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно с своими предшественниками. Но мы судим здесь уже не о Сисмонди и не о его примитивной, сантиментальной точке зрения, а об экономисте «Р. Б-ва», который до сих пор не понимает отличия такой точки зрения от новейшей»⁵.

¹ Ленин, Соч., т. II, стр. 103.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 51.

⁵ Там же.

¹ «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Постановление ЦК ВКП(б), Госполитиздат, 1938, стр. 4.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, стр. 2.

Высказывания Ленина с достаточной ясностью говорят о том, что в программе не было оснований производить указанные выше перемещения.

Отдел программы, освещающий вопросы ревизии, вульгаризации и извращения марксизма (лассальянство, бернштейнианство, взгляды теоретиков II Интернационала, люксембургянство, легальный марксизм, экономизм и меньшевизм), также неудачно помещен перед VIII отделом — «Эволюция буржуазной политической экономии и современные направления». В этот VIII отдел, который носит неудовлетворительный, беззубый заголовок, попали: историческая школа, австрийская школа, Маршалл, Кларк, Вальрас, социальные направления, буржуазное конъюнктуроведение и фашизм. Этот отдел следовало разделить, чтобы особо показать направления, возникшие в эпоху империализма и общего кризиса капитализма. И авторы программы, правильно связывая развитие различных видов ревизии марксизма с явлениями эпохи империализма, должны были поместить отдел о ревизии марксизма, во всяком случае, после исторической и австрийской школ, взгляды которых ревизионизм, как известно, обильно использовал в своей борьбе против революционного марксизма.

К числу неудачно построенных отделов программы нужно отнести также отдел IV — «Вульгарная политическая экономия и буржуазная апологетика». Хотя вульгарно-апологетический характер взглядов Джемса Милля и Мак-Кулоха и не подлежит сомнению, необходимо было все же отделить их от Бастиа, являющегося прямым и открытым врагом системы Рикардо. Само название отдела дает основание думать, что, по мнению авторов программы, вульгарная политическая экономия завершается Бастиа и Сениором; фактически же взгляды экономистов, фигурирующих в этом отделе, кладут только начало вульгарной политической экономии. Поэтому необходимо было этот отдел назвать: «Начало вульгарной политической экономии и буржуазной апологетики».

Подраздел одной из тем VIII отдела носит наименование «Новейшая вульгарная политическая экономия в Англии, Америке, Италии и других странах». Совершенно очевидно, что такое наименование одного подраздела отдела, носящего название «Эволюция буржуазной политической экономии и современные направления», позволяет читателю сделать вывод, что другие направления буржуазной политической экономии, фигурирующие в этом отделе, авторы программы не относят к вульгарной политической экономии. Такой взгляд грубо ошибочен. Ограничимся указанием Маркса хотя бы в отношении так называемой исторической школы, данным им в связи с критикой вульгарной политической экономии.

«...Бастиа, — пишет Маркс, — не представляет еще последней ступени... Последняя форма — это профессорская форма, которая приступает к делу «исторически»... Так как подобного рода труды появляются также лишь тогда, когда политическая экономия как наука уже закончила свой путь, то они являются в то же время могилы этой науки».

Даже правильные мысли Смита, Рикардо и др. ...здесь оказываются бессмысленными и получают вульгарный характер. Такого рода мастером является господин профессор Рошер, который скромно объявил себя Фукидидом политической экономии»¹.

Указанные пороки программы являются следствием того, что авторы не систематизировали в необходимой мере излагаемый материал под углом зрения исторического места и роли каждой его части как выражения и орудия определенного этапа классовой борьбы, исторически развивающейся и меняющей свою форму.

Названия тем не продуманы составителями программы. Так, например, в объяснительной записке одна и та же часть отдела IV о вульгарной политической экономии дважды названа «Бастиа и разложение классической школы» (стр. 2), а в тексте «Разложение рикардиянской школы и дальнейшая вульгаризация политической экономии» (стр. 8); тема, фигурирующая в тексте под названием «Ревизия, вульгаризация и извращение марксизма», в таблице распределения часов называется «Ревизионизм и реформизм».

Явно недоработан также и указатель литературы к курсу: к некоторым отделам литература вовсе не указана; там, где она дана, нет дифференциации по темам, не всюду указывается, к какому отделу относятся те или иные части рекомендуемых книг. Отсюда искусственно возрастает список литературы к некоторым отделам. Так, например, к отделам II, III и IV рекомендованы целиком «Теории прибавочной стоимости» Маркса, между тем значительная часть «Теорий» посвящена взглядам Родбертуса, Джонса, Рамзея, Шербулье, о которых во II, III и IV отделах программы нет ни слова.

Ряд отделов программы нуждается в коренной, а вся программа в целом — в основательной переработке. Составители программы должны использовать метод «Краткого курса истории ВКП(б)», его богатейший материал, характеризующий развитие марксистского учения Лениным и Сталиным и их борьбу против антимарксистских направлений, показывающий живую связь теории с задачами классовой борьбы. «Краткий курс истории ВКП(б)» является незаменимым образцом как для составления программы, так и для составления курса истории политической экономии.

¹ Маркс, Теории прибавочной стоимости, Партиздат, 1932, т. III, стр. 367.

«Финансы и кредит СССР»

Финансы и кредит СССР. Составлено авторским коллективом под руководством проф. В. П. Дьяченко. Под редакцией проф. Г. А. Козлова. Управлением учебными заведениями НКФ СССР рекомендовано в качестве учебного пособия для финансово-экономических институтов. Госфиниздат, 1938, 452 стр.

Экономические вузы и в особенности вузы финансовой системы остро нуждаются в учебнике по теории советских финансов, денег и кредита. Сфера финансовых отношений в нашей экономике весьма многогранна, конкретное выражение финансовой политики Советского государства также весьма многообразно. Поэтому подготовка кадров для финансовой системы при отсутствии учебника, который обобщал бы принципиальные основы этих многообразных отношений, сопряжена с огромными трудностями.

В учебном пособии «Финансы и кредит СССР», составленном авторским коллективом под руководством проф. В. П. Дьяченко, собран большой фактический и цифровой материал, характеризующий нашу финансовую систему. Этот материал изложен последовательно в семнадцати главах, соответственно темам программы курса «Финансы и кредит СССР» для финансово-экономических вузов.

В первой главе авторы говорят о необходимости денег в СССР, об особенностях распределения у нас общественного продукта и о роли финансовой системы в этом распределении. Во второй главе дается краткий очерк финансов и кредита царской России с момента реформы 1861 г. до свержения царизма. Главы III—VIII посвящены истории развития советских финансов по этапам, соответственно сталинской периодизации Истории ВКП(б). В главах IX—XVII излагается содержание основных элементов финансовой системы СССР; организационные вопросы бюджетной, кредитной и денежной систем и, наконец, вопросы финансовых отношений СССР с капиталистическими странами. Значительная часть глав иллюстрируется схемами и таблицами. Систематизацией материала эта работа несомненно окажет помощь в изучении финансов СССР. Но в то же время книга явно недоработана и содержит ряд серьезных ошибок, могущих внести путаницу в изучение финансов.

Глава советского правительства товарищ В. М. Молотов в выступлении на Первом всеююзном совещании работников высшей школы 15 мая 1938 г. поставил задачу — создать учебники для высшей школы. Вместе с тем товарищ Молотов дал вполне ясный критерий для оценки учебников: «Нам нужен учебник, отвечающий современным требованиям. Он должен быть на уровне современной науки и вполне доступен учащимся по своему языку. Он должен дать необходимый объем знаний и вместе с тем готовить учащегося к его будущей практической деятельности». Наряду с

этим учебник должен также «...в необходимой мере отвечать задачам идейно-политического воспитания молодежи»¹.

Отвечает ли рецензируемая книга «Финансы и кредит СССР» этим требованиям? Нет, не отвечает ни по глубине освещения основных вопросов теории денег, финансов и кредита, ни по изложению. Понятно, что в учебном пособии подобного типа большое место должно принадлежать описанию изучаемых явлений. Но описанием решается лишь часть задачи. Другая, наиболее важная часть состоит в обобщении типичных признаков и особенностей изучаемых явлений, в установлении связи между ними и показе их закономерности. Только при этих условиях изучение может дать правильное и углубленное понятие о предмете в целом.

Основной порок книги в том, что авторы, излагая факты, не выделили главного, не обобщили основных признаков, не показали исторической и экономической обусловленности финансовых явлений. Даже в лучших главах работы — в главах об этапах финансовой политики Советского государства — этот порок бросается в глаза.

Остановившись в начале главы на общей политической и экономической характеристике периода, авторы в дальнейшем обычно дают просто хронологию финансовых явлений и фактов по разделам: денежное обращение, бюджет, налоги, расходы, кредит и т. д. Живая органическая связь финансовых явлений, описываемых в различных разделах, подменяется длинными рядами дат и фактов, сопоставляемых сплошь и рядом по принципу смежности во времени.

В главе о налогах после нескольких общих замечаний об их роли, замечаний, относящихся в основном к прошлому, следует описание отдельных видов доходов, налогов и сборов в стиле инструкции. Не обосновываются необходимость различных видов доходов, их экономическая связь и особенности. В главе о бюджетной системе, написанной в виде справочника, целых двадцать страниц занимает включенный в текст закон о едином государственном бюджете на 1938 г., перечень распределяемых доходов между различными звеньями бюджетной системы и выборки из бюджетной классификации. Между тем самое необходимое, принципиальное, то, что безус-

¹ Молотов, О высшей школе, Госполитиздат, 1938, стр. 127.

ловно нужно запомнить учащемуся, могло бы быть изложено автором на двух страницах.

Отдельные элементы финансовой системы — финансовые планы, налоги, займы, бюджет и т. д. (которым посвящены специальные главы учебного пособия) анализируются вне связи с процессами их исторического развития. За справкой о развитии этих элементов учащийся должен обращаться к главам, посвященным этапам финансовой политики. Но там эти вопросы изложены схематично, лишь в общей связи с основными задачами экономической политики: специфичность изучаемых элементов финансовой системы, механизм их действия не получают в этих главах должного отражения.

Одной из важнейших особенностей советской финансовой системы является качественная, чем в капиталистическом обществе, организационная связь между денежным обращением, кредитом и бюджетной системой. Теснейшая связь между этими краеугольными камнями финансовой системы определяется единством их основы — социалистической собственностью на средства производства и социалистической системой хозяйства. В книге эта связь не показана. О ней, правда, упоминается и в главах, посвященных этапам, и в главе о денежном обращении. Но взаимодействие между бюджетом и денежным обращением отражено лишь при изложении вопроса о денежной реформе в восстановительный период. В главах же о финансовых планах, финансировании народного хозяйства, о бюджетной системе авторы даже не упоминают о связи между бюджетом и кредитом.

Учебное пособие по финансам и кредиту должно ярко и четко показать механизм сосредоточения и распределения денежных средств, механизм финансового контроля и, самое главное, проанализировать методы и формы действия финансовой системы. Например, при изложении системы государственных доходов, налогов и сборов следовало бы показать удельный вес в народном доходе облагаемых налогами объектов и принципиальную основу различных источников дохода: почему, например, кооперативные предприятия платят подоходный налог с чистой прибыли, а колхозы — с валового дохода; почему колхозы платят подоходный налог по принципу пропорционального обложения, а предприятия кооперативных организаций — по прогрессивному принципу; почему подоходный налог с рабочих и служащих взимается по прогрессивной шкале лишь с заработной платы в пределах до 600 руб. в месяц и т. д. Такого рода принципиальные вопросы не получили надлежащего освещения. В книге просто излагается содержание соответствующих законов и постановлений.

Авторы не смогли обобщить приведенные ими факты и явления финансовой системы. В большинстве случаев авторы пытаются связать их при помощи общих фраз, используя для этой цели особенно часто понятие «перераспределение народного дохода». Так, в вводной главе авторы пишут: «Народный доход, созданный в процессе производства и распределенный между предприятиями и организациями обобщественного хозяйства и

различными группами населения, затем перераспределяется при помощи финансовых и кредитных рычагов Советского государства» (стр. 20). Отсюда вытекает, во-первых, будто перераспределяются все доходы, в том числе и заработная плата трудящихся; во-вторых, будто перераспределяется весь народный доход непременно финансово-кредитными рычагами. Между тем сами же авторы в главах о налогах и займах показывают, что перераспределяется очень небольшая доля доходов трудящихся. Но противоречие между действительностью и формулой об универсальности перераспределения не мешает авторам повторять эту формулу на каждом шагу. Так, в качестве основного определяющего признака налогов авторы выдвигают именно их перераспределительную роль. «Центральное место в общей системе методов перераспределения, — пишут авторы, — занимают налоги» (стр. 222). Определяя бюджет, авторы опять-таки в качестве основного признака выдвигают «перераспределение» (стр. 22 и 330); то же и при определении кредита (стр. 389). Разница между налогом, бюджетом, кредитом, по этому признаку получается совершенно незаметной. Если налоги занимают «центральное место», то бюджетная система и Государственный банк являются «главными рычагами перераспределения народного дохода» (стр. 20). В качестве определяющей функции финансовой системы, помимо ее перераспределительной роли, авторы правильно выдвигают укрепление хозрасчета. Но в какой мере и как влияют на укрепление хозрасчета бюджет, кредит и налоги, авторы не говорят, и читатель может думать, что укрепление хозрасчета является прямой функцией роста налогов, бюджета и кредита.

Трактуя в первой главе основные принципиальные вопросы финансов и их роль в распределении общественного продукта на накопленную и потребляемую доли, авторы не проводят должной грани между формой и методами действия финансовой системы на разных этапах социалистического строительства.

В вопросе о деньгах авторы приводят лишь некоторые высказывания Ленина и Сталина. Между тем в учебном пособии необходимо было бы эти мысли развернуть, иллюстрировать конкретными примерами из практики развития советской экономики и социалистического строительства. В частности, вслед за вопросом о том, что деньги нужны вплоть до завершения первой фазы коммунизма и нужны прежде всего потому, что и на этой стадии развития необходимо развертывание советской торговли, следовало бы сказать, почему именно советская торговля является наиболее целесообразной формой распределения предметов личного потребления на этой фазе.

Приводя указание Ленина о том, что для отмены денег нужно много технических и организационных завоеваний, авторы должны были остановиться на характере этих завоеваний, на стадиях их осуществления, сказать о роли и значении денег и финансов на этих

стадиях. Ответ на эти вопросы есть в работах Ленина и Сталина. Достаточно напомнить главу пятую из книги Ленина «Государство и революция» и беседу товарища Сталина с первой иностранной рабочей делегацией. Но авторы не ставят этих вопросов в развернутом виде. Поэтому глава о деньгах в учебном пособии вышла бледной, куцой, она не отражает богатства марксистско-ленинской теории денег.

В книге нечетко поставлен такой важный вопрос, как обеспечение устойчивости рубля, в частности золотое обеспечение. У читателя возникают вопросы: в течение какого же периода рубль опирался на золотое обеспечение, в какой мере это обеспечение важно сейчас, каков механизм балансирования объема товарооборота и объема денежных доходов населения и т. д.? На все эти вопросы авторы ответа не дают. Если раздел о деньгах можно квалифицировать как слабый, то следующий за ним раздел о народном доходе является путанным и ошибочным. Авторы пытаются показать механизм распределения общественного продукта у нас применительно к схеме, данной Марксом в «Критике Готской программы». Но при этом они забывают о двух существенных особенностях нашей системы распределения, отличающих ее от распределения по теоретической схеме Маркса. Эти две особенности состоят в следующем. Наша социалистическая страна существует в окружении капитализма, проявляющего резко агрессивные намерения в отношении СССР, вследствие чего нам приходится производить крупные затраты на оборону. Далее, схема Маркса отражает распределение общественного продукта на первой фазе коммунизма лишь в основных чертах, без учета денежной формы распределения, цен, налоговой системы и пр.

В то же время авторы делают существенное отступление от марксовой схемы там, где его не должно быть. Так, в схеме распределения продукта государственных предприятий и в перечне основных форм распределения выпадает амортизация, в схеме распределения доходов колхозов отсутствует фонд для обеспечения нетрудоспособных (стр. 18 и 19).

Авторы не проводят четкой грани между распределением и слишком часто упоминаемым в книге перераспределением. Некоторые формы распределения фигурируют и в перечне форм перераспределения (стр. 19 и 20 о налоге с оборота и прибыли). Государственное имущество страхование, являющееся, бесспорно, одной из основных форм распределения народного дохода (это — государственный резерв для возмещения случайной гибели части основных фондов), фигурирует только в перечне форм перераспределения.

Говоря о роли финансовой системы в распределении народного дохода, авторам следовало бы остановиться на вопросе о сопоставимости бюджета и народного дохода, об условности так называемых неизменных цен на 1926/27 г. для исчисления народного дохода. Наш бюджет в денежном выражении соответственного года значительно превы-

шает показатель объема народного дохода в неизменных ценах. Учащихся, несомненно, интересует, сопоставимы ли эти величины, какую часть народного дохода распределяет бюджет. Следовало бы также сказать и о сопоставимости самих бюджетов за ряд лет.

В общем первая глава книги не дает правильных и ясно сформулированных ответов на поставленные в ней основные теоретические вопросы.

В главе второй — о финансах дореволюционной России — нет ясной целевой установки, ведущей нити. Отдельные противоречия внутри финансовой системы царской России, произвол царских сатрапов в деле распоряжения народными средствами, наконец, влияние империалистических хищников капиталистического Запада на народное хозяйство и финансы России не получают должного отражения в этой главе.

В главе третьей — о финансовой программе партии большевиков на путях к Октябрьской социалистической революции и о финансовой политике Советского государства в период Октябрьской социалистической революции, к сожалению, не отражены финансовые отношения этого периода. Здесь не показана система взаимоотношений между государственным бюджетом и национализированными предприятиями, кредитная система, финансирование культурных мероприятий и т. д. Авторы ограничиваются перечнем широко известных мероприятий по национализации банков, ревизий сейфов, аннулированию займов и т. д., а также изложением ленинской программы перестройки финансовой системы. Данная в начале главы общая политическая характеристика этапа явно запутана. Отметим, что после свержения царизма и перехода власти к буржуазии в Петрограде и на местах возникли Советы — органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства; авторы далее пишут: «Но эта диктатура переплелась с господством буржуазии в лице Временного правительства, которому советы добровольно уступили власть. Создалось двоевластие» (стр. 60). Здесь совершенно невозможно установить ни связи, ни последовательности событий. Известно, что после того, как Советы уступили власть Временному правительству, двоевластие фактически кончилось. У авторов же получилось, что именно с уступкой власти началось двоевластие.

В главе четвертой — о финансах периода гражданской войны — недостаточно показана экономика страны: объем продукции, ее структура, организация снабжения национализированных предприятий, сбыта их продукции и т. д. Поэтому мало убедительны данные о динамике эмиссии, с одной стороны, и цен — с другой. Приведенные в конце главы данные о бюджетах за период с 1918 по 1920 г. не разъяснены, не оговорено, что эти абсолютные данные в силу чрезвычайного быстрого обесценения рубля не сопоставимы по двум смежным бюджетным периодам. Ни слова не говорится о различии между прямыми и оборотными доходами и расходами.

Лучше составлены главы пятая и шестая, посвященные периодам борьбы партии за восстановление народного хозяйства и за индустриализацию страны.

В главе седьмой — о финансовой политике в период борьбы за коллективизацию сельского хозяйства — совершенно недостаточно показана роль финансовой системы в деле поддержки колхозного строя. Круг материалов, иллюстрирующих эту поддержку, почему-то ограничивается только данными о финансировании непосредственно сельского хозяйства и о налоговых и кредитных льготах колхозам и колхозникам. Между тем нужно было бы показать также финансирование отраслей промышленности, обслуживавших социалистическое переустройство сельского хозяйства (производство сельскохозяйственных и тяговых машин, минеральных удобрений и пр.).

Отправным пунктом в изложении вопроса о финансовых планах отраслей правильно взят хозрасчет. Но самая характеристика хозрасчета, его признаки даны абстрактно, без исторической увязки с развитием советского хозяйства и организацией управления этим хозяйством.

Крупными недостатками страдает раздел об амортизации. Здесь необходимо было привести цифровой материал, показывающий, какое значение имеет правильный учет износа основных фондов и обеспечение их восстановления, нужно было уделить внимание вопросу о капитальном ремонте. Между тем это не сделано.

Очень слабой является глава десятая, в которой дается характеристика государственных доходов, налогов и сборов. Автор главы неправильно объединяет эти виды доходов бюджета в группу «налоговая система»,

включая сюда и налог с оборота государственных и кооперативных предприятий, и отчисления от прибылей, и подоходный налог с населения и кооперативных организаций, и сбор на культнужды, и пошлины, и доходы от госимущества. Сведя все эти виды доходов в единую группу «налоги», автор десятой главы пытается строить общую «теорию» налогов, причем важнейшее место отводит положению о том, что налоги надо использовать в качестве орудия нападения на частную капиталистическую собственность. Автор, видимо, не замечает, как мало эта теория, обосновывает наш налог с оборота, отчисления от прибылей, доходы от госимущества, да и все другие доходы бюджета.

Смешав без всякого основания в одну группу все госдоходы, налоги и сборы, автор оказался не в силах сказать что-нибудь принципиально важное о каждом из них — он просто изложил положение и инструкции об этих платежах.

В главе о кредитной системе слабо анализируется связь между кредитными планами Госбанка и отраслями народного хозяйства. Конкретный анализ одного отраслевого кредитного плана (план главка) дал бы значительно больше, чем приведенные общие рассуждения.

В главе о денежной системе совершенно не объяснен эмиссионный баланс, в особенности активная его часть, отражающая обеспечение эмиссии.

Наряду с указанными важнейшими недочетами в книге имеется большое количество мелких ошибок — и фактического и редакционного порядка. Все это говорит о том, что книга не удовлетворяет требованиям, которые выдвинул перед составителями учебников товарищ Молотов, и должна быть неотложно коренным образом переработана.

Эрих Ролл, История экономической мысли. Лондон, 1938, стр. 430
 (Erich Roll, A History of Economic Thought, London, 1938.)

Книга Эриха Ролла представляет собой учебное пособие по истории экономических учений, предназначенное для студентов. Автор не претендует на оригинальную разработку излагаемых в курсе проблем. Он ограничивается преимущественно изложением различных экономических учений в исторической последовательности. Основной интерес данной книги заключается не в том, что она выдвигает новые теоретические положения или привлекает новый материал. Работа Эриха Ролла интересна как показатель определенных сдвигов среди английских экономистов, как симптом радикализации, охватившей даже столь консервативные круги буржуазных экономистов.

В обстановке обостряющегося общего кризиса капиталистической системы, в обстановке усилившейся угрозы делу мира и культуры лучшие представители буржуазной интеллигенции обращаются к революционному марксизму как к единственной научной теории, способной осветить пути выхода из капиталистического ада. В этом отношении симптоматична книга преподавателя Кембриджского университета Мориса Добба «Political economy and capitalism. Essays in economic tradition», вышедшая в 1937 г. В своей работе Добб подвергает детальной критике буржуазную политическую экономию, противопоставляя ей марксистское учение. Добб посвящает отдельную главу теории империализма. В этой главе он сочувственно излагает ленинское учение об империализме, цитирует неоднократно Ленина, приводит, в частности, положение о законе неравномерного развития капитализма, связывает это учение с положением о возможности прорыва империалистической цепи в наиболее слабом звене, комментирует ленинское положение о подкупе империалистической буржуазией верхушки рабочего класса. Книга Добба не свободна от ошибочных положений. Автор еще не является последовательным марксистом. Он не освоился целиком от груза воззрений буржуазной политической экономии. Он — на пути к овладению марксизмом, причем обнаруживает искреннее и добросовестное желание овладеть марксизмом. Тот факт, что марксизм начинает проникать в такую твердыню буржуазной политической экономии, как Кембриджский университет (где преподавал Маршалл, откуда вышло большинство виднейших английских экономистов, составляющих так называемую Кембриджскую школу), является весьма знаменательным.

Эрих Ролл принадлежит к тому же тече-

нию, что и Морис Добб¹. Это — академический ученый, профессор политической экономии Гульского университета, который в рецензируемой нами работе очень сочувственно излагает экономическое учение Маркса и в своем освещении истории экономических учений приближается к марксизму. Ролл широко использовал «Теорию прибавочной стоимости» Маркса, которые неоднократно цитирует.

Книга Ролла выгодно отличается от подавляющего большинства буржуазных курсов тем, что автор не отрывает истории экономических идей от важнейших социально-политических и экономических процессов. В вводной главе к книге Ролл характеризует свой метод исследования истории экономических идей. Ролл правильно указывает, что экономическая структура данной эпохи и ее изменения являются моментами, определяющими в последнем счете экономическое мышление (стр. 16). Корень идей прошлого, указывает автор, нужно искать в отношениях между социальными классами и группами, в их противоречивых интересах (стр. 14—15). Ролл старается реализовать этот метод в своем конкретном анализе отдельных экономических школ.

В отличие от буржуазных историков экономических учений, замалчивающих вовсе марксизм или уделяющих последнему самое незначительное место, Ролл сделал марксизм одной из центральных тем своей книги. Приступая к изложению и анализу учения Маркса, Ролл подчеркивает, что ни одно теоретическое учение не оказало такого огромного и длительного влияния на политическую практику, как марксизм, который стал теоретическим базисом революции, имевшей исключительное влияние, и социальной структуры целого народа, населяющего обширнейшую страну мира (стр. 250). Автор не только посвящает большую главу изложению учения Маркса, но он рассматривает различные экономические теории в связи с процессом возникновения марксизма. У Ролла нет систематизации всего материала об источниках марксизма, но по существу в его работе можно найти указания на преемственную связь между марксизмом и гегелевской философией (стр. 255), утопическим социализ-

¹ Ролл в предисловии указывает, что Добб детально разобрал с автором каждую главу его рукописи. В главе, посвященной Марксу, Ролл несколько раз отзывался очень положительно о том комментарии отдельных положений экономического учения Маркса, в частности теории кризисов, который дает Добб в книге «Political economy and capitalism».

мом (стр. 229) я классической политической экономией. В частности, английские утопические социалисты (Грей, Томсон, Годскин) рассматриваются в этом плане как ближайшие предшественники Маркса.

Наиболее подробно Ролл останавливается на взаимоотношениях Маркса и английской классической школы в лице Адама Смита, Давида Рикардо. Ролл не устает повторять, что Маркс является продолжателем классической школы.

Вопрос об оценке классической школы представляется значительный теоретический и политический интерес. Буржуазные экономисты, желая разорвать связь, существующую между английской классической школой и Марксом, стараются интерпретировать Смита и Рикардо по своему образу и подобию, т. е. как чисто вульгарных экономистов, отрицавших теорию трудовой стоимости. В связи с такой тенденциозной интерпретацией классиков рамки классической школы чрезмерно расширяются. Так, например, Кейнс в своей шумевшей книге «The general theory of employment, interest and money» относит к классической школе таких апологетов капитализма и вульгаризаторов, как Маршалл. Классическая школа, по мнению Кейнса, существует в Англии до настоящего времени в лице Пигу — виднейшего представителя современной вульгарной экономики в Англии. Нет нужды останавливаться на критике этой концепции, которая пытается «укрепить» науку современных буржуазных вульгаризаторов авторитетом великих авторов «Богатства народов» и «Начал политической экономии». Важно отметить, что Ролл дает совершенно другую интерпретацию классической школы. Он указывает, что последним крупным произведением классической школы была работа Джемса Милля «Elements of Political economy», вышедшая в 1821 г. Ролл совершенно правильно рассматривает теорию трудовой стоимости как органическую часть учения классиков. Он указывает, что дальнейшее существование классической школы стало невозможным в силу обострения социальных противоречий.

В главе, посвященной Адаму Смиту, Ролл весьма детально останавливается на рассмотрении вопроса о том, в какой мере Смит является предшественником Маркса. Для выяснения этого вопроса Ролл детально анализирует разные варианты теории трудовой стоимости, имевшиеся у Смита, а также его учение о «вычетах», представляющее зародыш теории прибавочной стоимости. В отличие от вульгарных интерпретаторов Смита, старающихся замазать всякие упоминания об эксплуатации в «Богатстве народов», Ролл уделяет этому вопросу большое внимание. В главе о Смите широко использован замечательный анализ смитовского учения, данный Марксом в «Теориях прибавочной стоимости».

Рикардо трактуется Роллом как экономист, стоящий на полпути между Смитом и Марксом (стр. 176). Ролл отмечает ограниченность кругозора Смита и Рикардо, считавших, что капитализм будет существовать вечно. Общий вывод автора заключается в том, что «вся марксистская система выросла из классиче-

ской политической экономии, как она получила свое выражение у Рикардо» (стр. 193).

Марксу в работе Ролла уделена большая глава (около 50 страниц). Здесь добросовестно излагаются основные положения экономической теории Маркса. Положительным моментом этой главы является то, что Ролл начинает изложение экономических взглядов Маркса с рассмотрения некоторых общих методологических вопросов: о материалистическом понимании истории, о единстве производства, обмена, распределения и потребления, о сочетании синтеза и анализа (Ролл для этой цели широко использовал предисловие и введение к «К критике политической экономии»). Как положительный момент надо отметить и то, что Ролл в некоторых местах дает антикритику критикам Маркса, например, по вопросу о явном противоречии между I и III томами «Капитала». Следует отметить, что Ролл в двух местах данной главы положительно упоминает о теоретических работах Ленина. В частности, на стр. 289 рецензируемой книги ленинская работа «Империализм, как высшая стадия капитализма» ставится в ряд крупнейших достижений марксистской литературы после Маркса.

Глава, посвященная Марксу, однако, свидетельствует и о том, что Ролл еще не освободился от плена буржуазных социологических и экономических воззрений. В этом отношении характерна структура данной главы. Она состоит из введения и разделов, посвященных методу Маркса, его теории стоимости, теории прибавочной стоимости, теории капиталистической конкуренции (имеется в виду учение о ценах производства) и учению об экономическом развитии. Таким образом, анализ законов экономического развития выделен как самостоятельный раздел наряду с теорией стоимости и прибавочной стоимости. Хотя Ролл отрицает возможность применения к учению Маркса буржуазной схемы о статике и динамике, но фактически трактовка автором отдельных проблем теории Маркса находится под сильным влиянием этой схемы. Такое построение главы о Марксе основано на том, что Ролл не уяснил, что стоимость и прибавочная стоимость представляют собой закон экономического развития товарнокапиталистического производства, не уяснил диалектики перехода от одной категории к другой. Ролл в основном интересуется вопросами количественного анализа отдельных экономических категорий.

На трактовку Роллом экономической теории Маркса оказало значительное влияние неправильное противопоставление естественных и социальных категорий. Потребительную стоимость и конкретный труд Ролл рассматривает как природные качества товара и труда, стоимость и абстрактный труд — как социальные качества (стр. 262). Отсюда автор делает вывод, что только абстрактный труд (в отличие от конкретного) является исторической категорией. Ролл видит в этом раскрытии дуализма природных (универсальных) и социальных (исторических) категорий основное новшество, внесенное Марксом в теорию стоимости. Такая трактовка, родственная гильфердинговской, является отражением влияния неокантианства, устанавливающего

глубокую пропасть между миром природы и миром человеческого общества. Эта трактовка затрудняет правильное понимание противоречия между потребительной стоимостью и стоимостью, между конкретным трудом и абстрактным трудом.

Ролл недостаточно останавливается на рассмотрении того переворота, который совершил Маркс в экономической теории. Некоторые данные свидетельствуют о том, что Ролл не оценил всей глубины этого переворота. «Теория стоимости Маркса,— пишет Ролл,— есть новая формулировка (буквально — reformulation) классической теории трудовой стоимости» (стр. 268). Ошибка Ролла в этом вопросе не случайна. Она связана с его непониманием того, что в товаре заключается зародыш всех противоречий товарнокапиталистического производства, что учение Маркса о товаре объясняет возникновение и развитие капитализма. Сводя в основном учение Маркса к количественному анализу, Ролл не смог с достаточной глубиной выявить всю оригинальность постановки Марксом вопросов экономической теории.

Изложение экономической теории Маркса Ролл кончает рассмотрением вопроса о неизбежности гибели капитализма. Основным недостатком этого раздела является то, что автор обходит вопрос о неизбежности революционного крушения капитализма. Правда, Ролл предостерегает против фаталистического понимания этого процесса в духе автоматического краха, но он обрывает свой анализ, как говорится, на самом интересном месте. Он совершенно не развивает положения, что социалистическая экономика не может развиваться в недрах капитализма. Заключительная часть главы о Марксе оставляет читателя неудовлетворенным — чувствуется, что автор не подвел черту, не поставил точки над «и», не выявил полностью своего теоретико-экономического кредо.

Здесь мы подходим к рассмотрению центрального недостатка рецензируемой работы — автор проявляет исключительную осторожность в выявлении своей собственной точки зрения и своего отношения к враждующим школам. У читателя может получиться представление, что автор занимает нейтральную позицию, что он ограничивается только ролью информатора, беспристрастно излагающего различные экономические теории. Получается своеобразный «зауалированный марксизм». Это сказывается особенно сильно в разделе, посвященном вульгарной политической экономии. Автор очень скуп критикует представителей вульгарной экономии. Он избегает всяких резких оценок и, в частности, не употребляет даже термина «вульгарная экономия». У читателя создается впечатление, что Ролл во всяком случае не является противником современной вульгарной политической экономии. А между тем те небольшие критические замечания, которые даны у Ролла, являются убийственными для современных вульгаризаторов и апологетов капитализма. И в этой области Ролл находится под несомненным влиянием марксистской литературы. Это, в частности, проявляется в подчеркивании автором апологетической целеустремленности,

характеризующей Сея, Сениора, Бастиа, австрийской школы, лозаннской школы и т. д. Ролл отмечает, что под влиянием развития рабочего движения и социалистических учений экономисты начинают освобождать учение классической школы от таких элементов, которые позволяют сделать неприятные политические выводы, т. е. в первую очередь от теории трудовой стоимости (стр. 316—317).

Сопоставление субъективной теории стоимости с учением классиков приводит Ролла к выводам, явно невыгодным для субъективизма. Классики исходили из рассмотрения производства, современные экономисты-субъективисты исходят из рассмотрения обмена. Такой подход, характерный для современных экономистов, говорит Ролл, исключает возможность понимания экономической структуры, социальных процессов. Вместо учения об обществе, расчлененном на определенные классы, субъективисты дают чисто атомистическое понимание общества как агломерата индивидов. Ролл противопоставляет теорию трудовой стоимости, получившую свое логическое завершение у Маркса, дающую возможность глубокого объяснения экономических процессов и предвидения их,—поверхностной теории спроса-предложения, доминирующей у современных экономистов (стр. 368). Автор правильно вскрывает апологетический смысл субъективной теории стоимости, рассматриваемой как явления, существующие совершенно независимо от социального строя. Остается лишь пожалеть, что эти правильные критические замечания не развернуты и даны в такой осторожной форме, что многие читатели могут пройти мимо них.

Отмеченный выше основной недостаток работы Ролла дает себя также чувствовать в заключительной главе. Автор правильно указывает, что современное состояние буржуазной политической экономии является неудовлетворительным даже с точки зрения буржуазных экономистов. Ролл показывает, как под влиянием экономического кризиса все более подтачивается убеждение в том, что стихийное регулирование производства обеспечивает наилучшие результаты. Он приводит примеры поисков современными буржуазными экономистами новых теоретических путей (в частности, указывая на последнюю книгу Кейнса «The general theory of employment, interest and money»). Но собственный «рецепт» Ролла страдает крайней неопределенностью. Он рекомендует больше внимания уделять анализу экономической структуры и выяснению связи последней с экономическими категориями. Ролл не излагает выводов, которые логически вытекают из его анализа истории экономических учений,— что только марксизм-ленинизм, являющийся законным наследником лучших представителей научной буржуазной политической экономии — классической школы, дает теоретическое оружие для понимания общего кризиса капитализма и революционного выхода из капиталистического ада.

Мы не останавливаемся на рассмотрении отдельных ошибочных положений Ролла —

например, на включении Мальтуса (правда, частично) в классическую школу (стр. 193—194), на слишком далеко идущем сближении Джонса и Маркса (стр. 312, 316), на слишком мягкой критике Маршалла (стр. 392—393). Наш общий вывод: Ролл в рецензируемой работе значительно приблизился к марксизму, хотя не сделал всех необходимых выводов. Самое интересное в том, что этот шаг вперед сделал представитель буржуазных академических кругов, проявляющих всегда исключительную враждебность к марксизму.

В самом конце своей книги Ролл призывает к созданию теоретического союза экономистов для борьбы против тех, кто использует экономическую теорию в реакционных целях (стр. 415). Глава об Адаме Мюллере—одна из

наиболее удачных в рецензируемой книге. Ролл показывает, что иррационализм и мракобесие, которые проповедывал Адам Мюллер, получают благоприятное развитие при двух условиях: в обстановке усиливающегося экономического упадка и отсутствия политической свободы. В Германии начала прошлого столетия не было благоприятных условий для широкого распространения иррационализма, проповедуемого Адамом Мюллером,—Германия находилась тогда в восходящей стадии своего развития, ее политический строй эволюционировал в сторону большего либерализма.

Рецензируемая книга свидетельствует о важных по своему социальному смыслу (хотя еще незначительных по своим масштабам) сдвигах, происходящих среди буржуазной интеллигенции Англии.

СОДЕРЖАНИЕ

Великая школа стахановского мастерства	3
А. Ноткин — От социализма к коммунизму	13
Д. Бузин — Население страны социализма	35
А. Зворыкин — Итоги и перспективы технического развития каменноугольной промышленности СССР	47
В. Батырев — К вопросу о роли денег и кредита в расширенном социалистическом воспроизводстве	63
А. Петров — О методах учета продукции промышленности	78
А. Ступов — Развитие общественного животноводства в колхозах	89
А. Либкинд — Высокопроизводительный и рентабельный совхоз	102
Ю. Шнирлин — Подъем благосостояния народов Советского Союза	115
С. Струмилин — Промышленные кризисы в России	125
А. Реуэль — О черновых материалах к первому тому «Капитала» Маркса	145

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

А. Караваев — Сельское хозяйство в период борьбы партии за социалистическую индустриализацию страны	158
--	-----

КОНСУЛЬТАЦИЯ

К. Островитянов — Об основных типах производственных отношений	176
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н. Цаголов — «Программа по истории политической экономики»	196
И. Марков — «Финансы и кредит СССР»	199
И. Блюмин — Эрих Ролл. История экономической мысли	203

Опечатки, замеченные в № 4

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
106	9 сверху	производственных	производительных
167	23 »	рабочих	рабов
186	21 сверху (левая колонка)	«схоластический»	«стохастический»
187	16 сверху (левая колонка)	Пирсова	Пирсона

Ответственный редактор Б. Л. МАРКУС

Адрес редакции: Москва, Волхонка 14, тел. К-1-25-81

Сдано в набор 14.VIII 1939 г. Подписано к печати 10.X 1939 г. Формат 69 × 112. Объем 13 п. л.
 60 01 зн. в п. л. Соедкэиз № 33. Заказ типографии № 999. Уполномоченный Главлита РСФСР № 3—17508
 Тираж 9 880 Техн. редактор И. Широков.

18-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Шубинский пер., д. 10.